

с е т е в о й   н а у ч н ы й   ж у р н а л   ISSN 2408-932X

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

RESEARCH RESULT

Том 2 | № 2
Volume 2 |

СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL STUDIES
AND HUMANITIES

Сайт журнала:
research-result.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-55674 от 28 октября 2013 г.

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications, information, technology and mass media (Roskomnadzor)
Mass media registration certificate El. № FS 77-55674 of October 28, 2013

Том 2, № 2 (8). 2016

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2408-932X

Volume 2, № 2 (8). 2016

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-932X

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ольхов П.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Заместитель главного редактора: Волкова О.А., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Заместитель главного редактора – выпускающий редактор: Мотовникова Е.Н. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Редактор английских текстов: Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета

Ответственный секретарь: Мусаелян Е.Н., кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета

ЧЛЕНЫ РЕДАЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Жиров М.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной работы социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Липич Т.И., доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Майданский А.Д., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Пенской В.В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Денисова И.В., кандидат исторических наук, директор музея Белгородского государственного национального исследовательского университета

Майданская И.А., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Япухина В.Н., кандидат экономических наук, доцент, директор Сербского ресурсного центра, доцент кафедры стратегического управления Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Пружинин Б.И., доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Вопросы философии», Россия – *председатель*

Антанасиевич И., доктор филологических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой славистики филологического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Аронов А.А., доктор культурологии, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, истории культуры и музееведения Института культурологии и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, Россия

Атлагиц С., доктор политических наук, доцент факультета политических наук государственного Белградского университета, Республика Сербия

Буксикова О.Б., доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой теории и методики хореографического искусства факультета режиссуры, актёрского искусства и хореографии Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

Быстранцев С.Б., доктор социологических наук, профессор кафедры истории и политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия

Вендт С., доктор наук, профессор, заместитель руководителя факультета психологии,

EDITORIAL TEAM:

Editor-in-chief: PAVEL A. OLKHOV, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University

Deputy chief: OLGA A. VOLKOVA, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Social Work, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University

Deputy chief – make-up editor: ELENA N. MOTOVNIKOVA, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University

English text editor: IGOR V. LYASHENKO, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University

Executive secretary: ELENA N. MUSAEALYAN, Ph.D. in Education, Associate Professor, Department of Foreign Languages of Pedagogical Institute, Belgorod National Research University

EDITORIAL BOARD

MIKHAIL S. ZHIROV, Doctor of Education, Professor of the Department of Social Work, Dean of the Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Honored Worker of Culture of the Russian Federation

TAMARA I. LIPICH, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University

ANDREY D. MAIDANSKY, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Deputy Dean for Research and International Activities, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University

VITALY V. PENSKOV, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University

IRINA V. DENISOVA, Ph.D. in History, Director of the University Museum, Belgorod National Research University

IRINA A. MAIDANSKY, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University

VICTORIA N. RYAPUKHINA, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Serbian Resource Center, Associate Professor of Strategic Management, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov

CONSULTING EDITORS:

BORIS I. PRUZHININ, Doctor of Philosophy, Professor, Editor-in-chief of "Voprosy Filosofii", Russia – *Chairman*

IRINA ANTANASIEVIĆ, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, University of Belgrade, Republic of Serbia

ARKADY A. ARONOV, Doctor of Cultural Studies, Doctor of Education, Head of History, History of civilization and Museum management studies department, Institute of Cultural Studies and Museum management studies of Moscow State University of Arts and Humanities, Russia

SINIŠA ATLAGIĆ, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences, State University of Belgrade, Republic of Serbia

OLGA B. BUKSIKOVA, Doctor of Art study, Head of the department of theory and methodology of choreography, producing, dramatics and choreography faculty of Belgorod State Institute of Arts and Culture, Russia

SERGEY B. BYSTRYANTSEV, Doctor of Sociology, Professor, Department of History and Political Sciences, St. Petersburg State University of Economics, Russia

SARAH WENDT, Doctor of Science, Professor, Deputy Head of the Faculty of Psychology, Social Work and Social Policy, Chief Researcher at the Center for Gender Studies, the University of South Australia

NIKOLAI N. VERESOV, Doctor of Philosophy, Professor, The Monash University, Australia
LORENZO VINCIGUERRA, Professor of Philosophy and Aesthetics at the University of Picardie Jules Verne, Amiens, director of the Center for Research in Arts and Aesthetics – professeur de Philosophie et d'Esthétique à l'Université de Picardie Jules Verne d'Amiens, directeur du Centre de Recherches en Arts et Esthétique, France

SUNČICA M. DEMIĆ (MIKHALIOVIĆ), Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of

социальной работы и социальной политики, старший научный сотрудник Центра гендерных исследований Университета Южной Австралии, Австралийский Союз

Вересов Н.Н., доктор философии, профессор, университет Монаша, Австралийский Союз

Винчигуэрра Лоренцо, профессор философии и эстетики, Пикардийский университет Жюль Верна (Амьен), директор Центра искусствознания и эстетики, Франция

Денич (Михаилович) Сунчица М., доктор филологических наук, профессор, декан Педагогического факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Иванова И.И., доктор философских наук, профессор кафедры философии науки Кыргызско-Российского Славянского университета, Республика Кыргызстан

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор, Почетный профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Капицын В.М., доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии Института переподготовки и повышения квалификации Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Кожемьякин Е.А., доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Короченко А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Лапина С.В., доктор социологических наук, заведующая кафедрой государственного управления социальной сферой и белорусоведения Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Республика Беларусь

Липич В.В., доктор филологических наук, профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Лобанов К.Н., доктор политических наук, доцент, профессор кафедры административно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России, Россия

Максимович Г., доктор филологических наук, профессор, декан философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Малый В.В., доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой международных отношений Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Маркович Д., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Микешина Л.А., доктор философских наук, профессор, Почетный профессор Московского педагогического государственного университета, Россия

Митрович Л., доктор наук, профессор-эмеритус, Центр Балканских исследований, государственный Нишский университет, Республика Сербия

Ойтинен Веса, доктор философии, профессор-исследователь, Хельсинкский университет – Александровский институт, Финляндская Республика

Окладникова Е.А., доктор исторических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия

Порус В.Н., доктор философских наук, профессор, руководитель Школы философии, ведущий научный сотрудник Лаборатории исследования философии Центра фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия

Романова А.П., доктор философских наук, профессор, директор Гуманитарного института Астраханского государственного университета, Россия

Старостенко К.В., доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, культурологии и политологии государственного университета – учебно-научно-производственного комплекса в г. Орле, Россия

Талига Х., кандидат философских наук, директор Taliga Consulting (Таллинн), эксперт Международной организации труда, Эстония

Хамидов А.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Харченко В.К., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу), Китайская Народная республика

Чович Б., доктор филологических наук, академик, профессор Паневропейского университета, Республика Сербская Босния и Герцеговина

Щедрина Т.Г., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Юбара Анет, доктор философии, доцент Майнцского университета Иоганна Гуттенберга (земля Рейнланд-Пфальц), Федеративная Республика Германия

Education, State University of Nis, Republic of Serbia

IRINA I. IVANOVA, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of Science, the Kyrgyz-Russian Slavic University, Kyrgyz Republic

IYA F. ISAEV, Doctor of Education, Professor, Emeritus Professor of Belgorod National Research University, Russia

VLADIMIR M. KAPITSYN, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Sociology and Political Sciences, Institute for Professional Development, Lomonosov Moscow State University, Russia

EUGENE A. KOZHEMYAKIN, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Communication, Advertising and Public Relations, Faculty of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

ALEXANDER P. KOROSHENSKY, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

SVELTANA V. LAPINA, Doctor of Sociology, Head of the Department of Public Administration and Social Sphere and Belarusian Studies, Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus

VASILY V. LIPICH, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology of Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

KONSTANTIN N. LOBANOV, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Administrative Law, Belgorod Law Institute of the Russian Interior Ministry, Russia

GORAN MAKSIMOVIĆ, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

VERA V. MALAI, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of International Relations and Ukrainian studies, Institute of Cross-cultural Communications and International Relations, Belgorod National Research University, Russia

DEJAN MARKOVIĆ, Ph.D., Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

LYUDMILA A. MIKESHINA, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of Moscow State Pedagogical University, Russia

LIUBIŠA MITROVIĆ, Doctor of Science, Emeritus Professor at the Center for Balkan Studies, State University of Nis, Republic of Serbia

VESA OTTINEN, Doctor of philosophy, Professor, University of Helsinki (Aleksanteri Institute), Finland

ELENA A. OKLADNIKOVA, Doctor of Historical Sciences, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

VLADIMIR N. PORUS, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the School of Philosophy, a Leading Researcher of the Laboratory of Research of Philosophy, Center for Basic Research of the National Research University "Higher School of Economics", Russia

ANNA P. ROMANOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Humanities Institute, Astrakhan State University, Russia

KONSTANTIN V. STAROSTENKO, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Cultural Studies and Political Sciences at the State University – Educational, Research and Manufacturing Complex in Oryol, Russia

HARRI TALIGA, PhD in Philosophy, Director of Taliga Consulting (Tallinn), International Labour Management Expert, Estonia

ALEXANDER A. KHAMIDOV, Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Science, Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

VERA K. KHARCHENKO, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology of Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

ZHU TSZYANGAN, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of Philology at the University of Suzhou, the People's Republic of China, Jiangsu Province

BRANIMIR ČOVIĆ, Doctor of Philology, Member of the Academy of Sciences, Professor of Pan-European University, Republika Srpska Bosnia and Herzegovina

TATIANA G. SHCHEDRINA, Doctor of Philosophy, Professor of Moscow State Pedagogical University, Russia

ANNETT JUBARA, Doctor of Philosophy, Docent, The Johannes Gutenberg University of Mainz, Germany

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85.

Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University»

Publisher: Belgorod National Research University

Address of publisher: 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

Publication frequency: 4 /year

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

От редакции	4	EDITORIAL	4
ИЛЬЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ <i>ТЕМАТИЧЕСКИЙ ВЫПУСК</i>		ILYENKOV READINGS <i>SPECIAL ISSUE</i>	
Иващук О. Ф. Непостижимый Гегель и обманувшая экспонента: коллизии роста современной науки сквозь призму институционального анализа	5	Ivashchuk O. F. Incomprehensible Hegel and the deceiving exponential: collision of growth of modern science in the light of institutional analysis	5
Маланов С. В. Об источниках порождения «идеального» в работах Э.В. Ильенкова и в контексте развития отечественной психологии	12	Malanov S. V. Sources of "ideal" in the Ilyenkov's works and in the context of the national psychology	12
Финогентов В. Н. Мировоззренческая дискуссия с Э.В. Ильенковым о бесконечности Вселенной и роли "мыслящей материи" в ее эволюции	18	Finogentov V. N. Philosophical discussion with E. V. Ilyenkov about the infinity of the Universe and the role of the "thinking matter" in its evolution	18
Вахитов Р. Р. Борьба за истину: критика релятивизма в учениях об идеальном Платона и Э.В. Ильенкова	27	Vakhitov R. R. The struggle for the truth: criticism of relativism in Plato's and Ilyenkov's doctrine of the ideal	27
Зайцев Е. А. Идеальное движение	34	Zaytsev E. A. An ideal motion	34
Лауфер К. М. Сознание как необходимый элемент эволюции Космоса	43	Laufer K. M. Consciousness as a necessary element of evolution of the cosmos	43
Федорович Е. Ю., Соколова Е. Е. От «башни молчания» к «движению по форме предметов»: идейное наследие Э.В. Ильенкова в современной зоопсихологии	47	Fedorovich E. Yu., Sokolova E. E. From the "tower of silence" to "movement according to the objects form": the conceptual legacy of E. V. Ilyenkov in modern animal psychology	47
ИССЛЕДОВАНИЯ		RESEARCHES	
Борщик Н. Д. История отечественного регионального управления и современные реалии (на примере Курского региона)	57	Borshchik N. D. The history of national regional management and modern realities (example of Kursk region)	57
Яницкий О.Н. Оглядываясь назад: российское экологическое движение в конце 1980-х гг.	62	Yanitsky O. N. Looking back: Russian environmental movement in the late 1980s	62
Тищенко Е. А. Специфика лингвогенетических исследований: сравнительно-исторический и исторический методы	69	Tyschenko K. A. The specifics of lingvogenetic research: comparative-historical and historical methods	69
MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ		MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS	
Быстрянец С. Б., Овсянников В. Г. Неопределенность социальной реальности. Теория и методы социальной практики	74	Bystriantsev S. B., Ovsyannikov V. G. Uncertainty of social reality. Theory and methods of social practice	74
Бочарова Т. И. Непринужденная коммуникация в профессиональной деятельности	78	Bocharova T. I. Easeful communication in professional work	78
Пугач В. С. Изобразительный логико-семантический анализ естественного языка науки. Рецензия	83	Pugach V. S. Representational logical and semantic analysis of the natural language of science. Review.	83

С 28 по 29 апреля 2016 г. в Белгородском государственном национальном исследовательском университете прошла XVIII Международная научная конференция «Ильенковские чтения»; ее постоянные участники – философы, психологи и педагоги из Великобритании, Германии, Канады, Польши, России, США, Украины, Финляндии и других стран. Тема чтений 2016 года: «Философия Э.В. Ильенкова и современность»; основные направления состоявшихся дискуссий: диалектика идеального в современной культуре; проблема личности в творчестве Ильенкова; диалектическая логика и современность; идеи Ильенкова в современной науке. Наш журнал публикует статьи, подготовленные участниками чтений – авторами докладов, которые стали предметом широкого обсуждения на форуме.

Редакция серии «Социальные и гуманитарные исследования»

ИЛЬЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

УДК 165; 101.1

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-2-5-11

Ивашук О. Ф.

**НЕПОСТИЖИМЫЙ ГЕГЕЛЬ И ОБМАНУВШАЯ ЭКСПОНЕНТА:
КОЛЛИЗИИ РОСТА СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА**

Ивашук Ольга Федоровна, доктор философских наук, доцент. Российская академия народного хозяйства и госслужбы при Президенте РФ, просп. Вернадского, 82, стр. 1, г. Москва, 119571, Россия. E-mail: ofi@list.ru

Аннотация

Статья представляет собой попытку, опираясь на историю институционализации науки, вскрыть причины и взаимосвязь двух динамических феноменов: перелома в динамике философского развития в XIX в., который заметил Э. Гуссерль, и перехода роста науки из экспоненциальной в логистическую фазу, замеченного английской социологией науки и осмысленного М.К. Петровым в терминах его концепции тезаурусной динамики как связанного с институционализацией науки, происходившей в Европе с середины XIX века.

В 1917 г. Э. Гуссерль обрисовал развитие немецкой философии как линию, напоминающую параболу: постепенный подъем, взлет на рубеже XVIII-XIX веков, а затем резкий спад и отчуждение от духовных плодов великой классической философии, в результате которого даже сами немцы перестали понимать эту «невыносимую интеллектуальную акробатику». Истоков этого преобразования способа «ценить и понимать» Э. Гуссерль в эти годы не рефлектирует, а в 30-е годы XX в. связывает его с кризисом европейских наук.

В те годы наука никак не обнаруживала стагнирующих тенденций, но с 80-х годов XX века наукометрические исследования зафиксировали смену темпов роста. М.К. Петров предложил гипотезу, притязавшую объяснить это явление и систематически связать его с единым источником – особенностями институционализации науки и образования, которые он обозначает как экстенсивное онаучивание.

В горизонте этих общеевропейских процессов и как их продолжение определяется смысл тех перемен в науке и образовании, которые имеют место в России сегодня.

Ключевые слова: наука; философия; тезаурус; институционализация науки; диатрибическая традиция; творчество.

Ivashchuk O.F.

**INCOMPREHENSIBLE HEGEL AND THE DECEIVING EXPONENTIAL:
COLLISION OF GROWTH OF MODERN SCIENCE IN THE LIGHT
OF INSTITUTIONAL ANALYSIS**

Ivashchuk Olga Fyodorovna, Doctor of Philosophy, Associate Professor. The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82 Prospect Vernadskogo Ave., Moscow, 119571, the Russian Federation. E-mail: ofi@list.ru

Abstract

This article is an attempt to reveal with the help of history of science institutionalization the causes and mutual relations of two phenomena: the turning-point in the philosophical development in the 19th century, which was noted by E. Husserl, and the transformation of the science growth from the exponential phase to the phase of a logistic curved line, which was noted by sociology of science and interpreted by M.K. Petrov in terms of his conception of thesaurus dynamics as connected with the process of science institutionalization taking place in Europe from the middle of 19th century.

In 1917, E. Husserl outlined the development of German philosophy as a line similar to parabola: a gradual rise, a burst on the border of the 18th and 19th centuries, and then a sharp downturn and alienation from spiritual achievements of the great classical philosophy, so that even the Germans themselves could not comprehend any more this “intellectual acrobatics”. E. Husserl does not reflect the sources of this transformation of the mode of thinking. In the 30-th, he connected it with the crisis of European sciences.

In those years, a science by no means displayed any tendency to stagnation, but since the eighties of 20th century, a scientometric analysis has fixed a change in the growth pace. M.K. Petrov has suggested a hypothesis claiming to explain this phenomenon and to connect it systematically with a single source – with those characteristics of institutionalization of science and national education which he has marked as extensive scientification.

A sense of those transformations in science and national education, taking place in today's Russia, is determined within the horizon of these all-European processes and as their continuation.

Key words: science; philosophy; thesaurus; institutionalization of science; diatribical tradition; creativity.

В марксизме ильенковской школы является методологическим предписанием задумываться над социальными истоками процессов, происходящих в ментальной сфере. Требование это полезно обратить и на то, что происходит с самой ильенковской традицией, и – более широко – с отечественной философской традицией и философией нашего времени вообще, чтобы понять, почему после того как страна открылась в международную коммуникацию, отечественная философия не только не испытала подъема, которого можно было бы ожидать как результата интеграции с новыми, ранее мало задействованными тематическими полями, но, после некоторой подпитки культуртрегерскими усилиями, ощутила сужение собственного институционального пространства, говоря словами О. Мандельштама, «сильнейший сквозняк с запада» [8], который стал теснить отечественную философию на родном языке. Это проявляется не только как естественное тяготение исследователей к новому и желание выровняться по мировому уровню, само по себе тоже не однозначное (как относиться к проведению конференций на территории РФ, когда из рабочих языков конференции исключается русский? И насколько оправдано безоглядное стремление соответствовать «евростандарту», не думая о задачах собственно философской работы, которая не может сводиться только к переводу иностранных текстов, архивно-историческим изысканиям «истории философии истории философии» и культуртрегерским усилиям, при всей пользе последних?). Это проявляется и как административное насилие, понуждающее философов под страхом увольнения вписаться в иностранные science-индексы, принятые для оценки эффективности научных вкладов. Но если

философия по своему понятию должна быть самосознанием культуры, то, как писал Гегель, выполнять свое назначение она может только если существует на родном языке («известная наука является достоянием данного народа, когда он обладает ею на своем собственном языке, и по отношению к философии это условие более всего необходимо» [3, с. 361]). Что было бы, если бы, скажем, М. Хайдеггер, равняясь на science-индексы, писал не по-немецки? Состоялось ли бы, как назвал своего учителя Г. Гадамер [2], «великое мгновение современной философии»?

Уже сказанного достаточно, чтобы увидеть: эти мерки для философии – прокрустово ложе. Тем не менее, существует некий социальный поток, устойчивый давящий фактор, в силу которого их упорно пытаются применить так настойчиво, что впору задуматься: должны ли мы признать, что, как полудикому отсталому народу, нам с нашими ценностями место в этнографическом музее? Где же исток этих течений? Есть основания думать, что он серьезнее, чем просто административное недомыслие.

На это соображение наводят два наблюдения очень разных исследователей из разных культурно-исторических локусов, перекрещивающиеся в одном историческом пункте: 30-е годы XIX века.

В 1917 г. Э. Гуссерль во Вступлении к лекциям о Фихте обрисовал динамику философского развития в Германии в виде знаменательной параболы, в которой мощный всплеск приходится на время от Канта до конца жизни Гете, а затем наступает резкий спад, который делает великую немецкую классическую философию непонятной даже немцам.

Позволю себе привести это важное наблюдение полностью: «Немецкая духовная

жизнь от Реформации и приблизительно до смерти Гете дает нам примечательную картину. Из пустынных степей с незначительными возвышенностями поднимаются отдельные горные исполины, одинокие великие умы: Коперник, Кеплер, после долгого перерыва – Лейбниц. Затем вздымается сразу целая горная гряда духовного величия: Лессинг, Гердер, Винкельман, Вильгельм фон Гумбольдт, в поэзии благородные вершины – Гете и Шиллер, в философии гений Канта и пробужденная им философия немецкого идеализма, сама по себе величественная горная гряда со многими трудно достижимыми вершинами: Фихте, Шеллинг, Гегель, Шлейермахер, Шопенгауэр, если называть только самых известных. <...> Здесь мы наталкиваемся на тот знаменательный факт, что вечное содержание [творчества] этих великих умов в основной своей части (я имею в виду прежде всего немецкий идеализм) лишилось влияния в нашей духовной жизни, что оно сразу и полностью перестало оказывать свое воздействие <...> Сразу же спал, уже в середине XIX века, подъем духовной жизни, который исходил от великих идеалистов и который, распространяясь на весь мир, казалось, знаменовал собой преобразование мировой культуры. Господству этой философии над умами пришло на смену господство новых точных наук и утверждаемой ими технической культуры. Столь разительной была смена интересов и столь разительным обусловленное этим изменение способности ценить и понимать, что мы тщетно перелистывали бы книгу истории тысячелетий и углублялись бы в самые отдаленные сферы культуры, чтобы только найти философию, которая нам, немцам, и современному человечеству казалась бы более непонятной, чем эта, выросшая на почве нашего народа и лишь на одно столетие отстоящая от нас философия немецкого идеализма» [5, с. 367].

Можно сказать, что дело здесь идет не просто о немецкой философии, но о философии, которая была прорывом в мировом смысле, и, соответственно, о закате в том же глобальном масштабе.

Что же произошло с философией? Вот первый вопрос, который это описание вызывает. Но Гуссерль заставляет задуматься не только о философии. Характер философии всегда определяется тем, какое место она занимает в культуре, а характер современной культуры определяется тем, что в ней наука не часть или момент только, но составляет ее специфику [7]. То есть характер философии определяется из науки и фиксируется в ее институциональных

контурах. Вот почему это не два разных вопроса, о философии и науке, а один; понять, что произошло с философией, одновременно значит и понять, что такого произошло в науке как общем эфире современной европейской культуры, задав ей этот редуцирующий вектор. Почему наука не последовала тем путем, который был проложен ей великой философией, понимавшей себя как наука (Wissenschaft)?

Подход, который представляется в этой связи продуктивным, обнаружился в концепции друга и оппонента Э.В. Ильенкова – М.К. Петрова, которая, к сожалению, не была освещена отношением к ней Ильенкова, поскольку она была выработана уже в 80-е годы, но она интересна тем, что дает возможность применить марксистскую методологию анализа духовных процессов не только в масштабах общих культурных оснований, но более детально, на институциональном уровне. Речь идет о так называемой теории тезаурусной динамики [11].

Обращение к тезаурусной динамике позволило Петрову высветить механизм трансформации способа мыслить, который нас интересует, а именно, расслоение науки на две ипостаси: Wissenschaft с ее интеллектуальным всплеском и оттеснившую ее со временем на задний план ипостась science.

Согласно Петрову, тезаурус национального языка можно использовать в виде маркера, с помощью которого измеряется изменение содержания общения в двух процессах: (1) трансляции общественно-необходимого знания с «переднего края открытий» к началу обучения младенцев; (2) перехода взрослеющих индивидов с исходного уровня социализации в терминалы взрослой деятельности, в том числе на «передний край открытий». То и другое будет выражаться разностью $T_1 - T_0$, которая будет вмещать определенное конечное число элементарных актов общения, организованных в последовательность так, чтобы T_1 предыдущего акта совпадал с T_0 следующего, т.е. чтобы собеседники понимали друг друга.

Чтобы это встречное движение устойчиво воспроизводилось, должны выполняться два условия:

1) на переднем крае должен осуществляться «гетерономный синтез» субъективного (задающего характеристики человеческой индивидуальной размерности) и объективного (равнодушного к этой размерности источника определенности);

2) отношение T/t , т.е. скорость прохождения, которую общество в целях эффективности заинтересовано сделать максимальной, должна

укладываться в психофизические характеристики индивидуальной вместимости; т.е. время, потребное для прохождения дистанции $T_{Г-Т_{п}}$, должно уместиться в пределы жизни.

При этом обрисованная схема не специфицирует собственно науку, эта схема характеризует тезаурусную динамику любой культуры. А вот специфику собственно науки в современном смысле она выражает тогда, когда в роли наивысшего порога, еще обеспечивающего всеобщее взаимопонимание, $T_{и}$ – тезаурус интеллектуала XVIII – начала XIX века, воспитанного на тривии-квадривии

подготовительного курса классического университета, вытесняет $T_{у}$.

$T_{у}$ – это значение тезауруса, которого достигает выпускник средней школы в странах с всеобщим обязательным образованием, после которого становится возможным движение выпускников в терминалы, разделенные так называемой «коридорной ситуацией».

После вытеснения предметно вырисовывается жесткий каркас функционирования общения в контуре институционализированной науки (рис. 1).

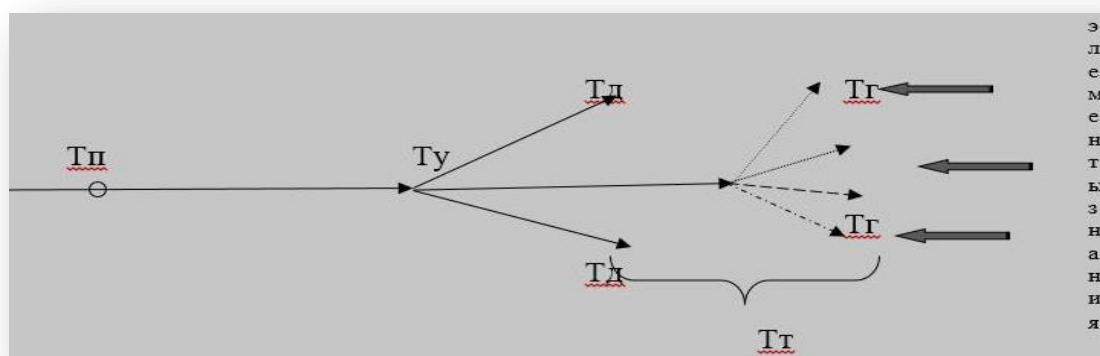

Рис. 1. Тезаурусная динамика в онаученном обществе
Fig. 1. Thesaurus' dynamics in scientified society

В этой схеме $T_{д}$ – тезаурус терминалов, один из которых, с самой длинной для прохождения дистанцией, для прохождения которой необходимо 4+2+3 лет (от четырех до шести студенческих и три аспирантских), – терминал профессиональной науки, разветвляющийся на $T_{г}$. $T_{г}$ – это дистанция, проходимая исследовательскими группами, она выводит на передний край мира открытий. $T_{п}$ – это тезаурус первоклассника, нижний предел гарантированного понимания в обучающей коммуникации. $T_{г}$ – тезаурус терминалов взрослой деятельности.

Когда в T-континууме предельной точкой всеобщего взаимопонимания становится тезаурус выпускника средней школы, обученного азам наук ($T_{у}$), – происходит тихая «культурная революция», а именно, «смена властей в системах образования стран европейской культурной традиции», «передача явочным порядком ответственности за всё то, что происходит в каналах универсальной (общеобразовательная школа) и специализирующей (постшкольная подготовка, высшая школа) подготовки входящих в жизнь поколений к взрослой деятельности

научно-академического сообщества» [12, с. 564-565], которое уже является дисциплинарно организованным. В этом и состоит «экстенсивная модель онаучивания общества».

До ее реализации выпускники классического университета, будь они медики, теологи, юристы или философы (допустим, математики), прекрасно понимали друг друга и могли писать о самых сложных проблемах своей области для широкой образованной публики, как и поступил Ньютон в своих «Математических началах натуральной философии»: «Я составил сперва об этом предмете книгу III, придерживаясь популярного изложения, чтобы она читалась многими. Но затем <...> я переложил сущность этой книги в ряд предложений, по математическому обычаю...» – не только затем, чтобы отсечь двусмысленности и пререкания, но и в силу доверия к читателю, который поймет суть, даже если опустит какие-то технические нюансы: «Достаточно, если кто тщательно прочтет определения, законы движения и первые три отдела книги I и затем перейдет к этой книге III о системе мира» [9, с. 501].

А выпускники современных университетов этого делать не могут; в лучшем случае, для дисциплинарно-непосвященных они напишут популярную версию своих идей, с которой на переднем крае работать нельзя. Если Ньютон, пишущий математический трактат, или Лейбниц, или Беркли замечательно понимают друг друга, теолог Беркли [1] наносит критические удары в самое средостение дифференциальному исчислению (последнему слову современной ему математики), то современные математики из смежных областей не знают языка друг друга. А поинтересуйтесь у современного гуманитария, что ему известно о методе годографа¹, он, пожалуй, спросит, кто это такой и когда он жил.

Иными словами, обсуждать высокие дисциплинарные проблемы с представителями других дисциплин бессмысленно, «коридорная ситуация» не позволяет, затачивая ум ученого в узко специализированном ключе, так что человеку внутри дисциплинарного Т-континуума не хватит жизни, чтобы эту узость продуктивно преодолеть.

Процесс указанного замещения происходил, начиная с 30-х годов XIX века, и выражался в формировании ряда институций, параллельных традиционным академическим структурам – университетам, в которых вырастали субъекты с T_{II} . В Англии это была BAAS – Британская ассоциация по продвижению науки (1831 г). За ней последовали аналогичные «перипатетические» – продвигающие себя посредством передвижных фестивалей – организации в других странах (Франции, Италии, Америке...).

И если «мужи науки», произведшие в свое время эту революцию обладатели T_{II} , могут при желании работать в обоих режимах – классическом и дисциплинарном, то следующее за ними поколение – уже нет. Последним носителем T_{II} М.К. Петров называет Г. Гельмгольца. Это на Западе, а у нас, пожалуй, как в рекреации, этот перелом запоздал примерно на полтора столетия и просматривается на смене поколений, начиная от «шестидесятников» ильенковского времени и к кульминации

¹ По данным Википедии, годограф (Hodograph, от греческих слов «ὁδός» – «путь» и «γράφω» – «пишу») – кривая, соединяющая концы вектора переменной величины (скорости, ускорения, силы и т.д.), отложенного в разные моменты времени от одной точки. Впервые понятие годографа величины было введено в 1846 году ирландским математиком, механиком, физиком-теоретиком, сэром Уильямом Роуэнсом Гамильтоном (поколение T_{II}).

подходит как раз сейчас, на волне реформы сферы высшего образования и науки. В этом процессе наших ученых выталкивают на конкурентный ценообразующий рынок еще одного подвида фиктивных товаров, помимо выделенных К. Поланьи («совершенно очевидно, что труд, земля и деньги – это отнюдь не товары, и применительно к ним постулат, гласящий, что все продаваемое и покупаемое производится для продажи, явным образом ложен» [13, с. 86]) – научных вкладов; рынок, где ценообразование зависит от технологической востребованности разработок, поэтому оно гонится, может быть, для оценки результатов техно-ориентированных science-образных дисциплин, но совершенно irrelevant науке образца Wissenschaft. Индикатором этого захвата рынком являются science-индексы, включающие глубоко специализированные западные журналы [10], с одной стороны, и переориентация университетов на выпуск востребованных рынком специалистов с точечными компетенциями, с другой.

То, что меняются не просто периферические формы организации деятельности, но сам способ мыслить, демонстрирует описанная Гуссерлем парабола в философии. И это обстоятельство вызывает двойные последствия.

1) Для науки в целом. Подход М.К. Петрова позволяет совокупность проблем систематически свести к двуединому источнику. Чтобы жесткий каркас национального Т-континуума воспроизводился, необходим, как мы помним, а) приток новых результатов гетерономного синтеза с переднего края, б) способность младенцев с их характеристиками человекоразмерности продвигаться к терминалам взрослой деятельности. И оба эти условия внутри институциональных контуров science довольно быстро оказываются подорванными.

С одной стороны, нарастает эффект «коридорной ситуации», что вызывает подрыв способности онаученных к «гетерономному синтезу на переднем крае». Наука не может расти, если нет гипотез, а science не может взять под контроль их производство как раз в силу принципиально репродуктивного, нацеленного на тираж, характера ее результатов, наложения запрета на научное же изучение творчества. Но science нуждается в творчестве на входе, она и есть эксплуатация творчества ради серийного производства и удешевления продукции в индустриальном контуре. Это ее социальная функция, которая определяет саму ее форму.

Результат – отмеченный наукометрическими исследованиями 80-х годов, остановившими внимание М.К. Петрова, переход науки из экспоненциальной фазы роста к фазе логистической кривой.

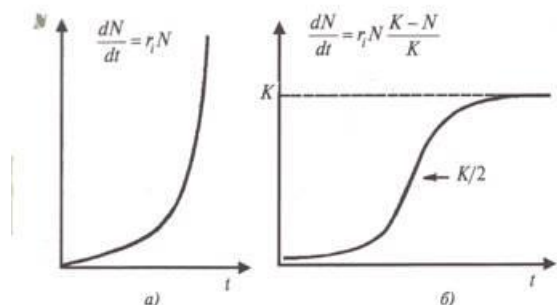

Рис. 2. Экспонента (а) и логистическая кривая (б).
Fig. 2. Exponential function – (a), logistic function – (b).

И философская параболa, и логистическая кривая науки как таковой суть социологически-измеримые факты, которые имеют место потому, что отсутствуют или вытесняются институциональные формы, в которых теоретическое знание классического образца могло бы существовать. Социальная функция science в рыночно-индустриальном контуре объясняет то, что даже в странах с развитой философской культурой, даже в «образцово философской нации» (Хайдеггер), которая на Западе дольше всех сопротивлялась сциентизации, произошел отказ от интеллектуального первородства в пользу science.

Любопытный факт: Англия, страна победившей science, несмотря на быстрый технологический успех, так же быстро отстала от Германии, дольше всех в Европе сопротивлявшейся онаучиванию, в математике, а затем и в химии. Как замечает М.К. Петров вслед за английским исследователем М.Б. Холлом, в середине XIX в. представленная именами Больяи, Гаусса, Римана, Дирихле, Кирхгофа и др. «континентальная математическая физика обрела сложность, недоступную для простого английского эмпиризма» [12, с. 383].

С другой стороны, объем растущей информации уже не поддается сжатию и освоению новыми волнами обучаемых. Человекоразмерность кажется абсолютным препятствием на пути освоения уже добытого знания, не говоря уже о производстве нового.

2) Последствия для философии можно определить вслед за А.В. Потемкиным [14] как

диатрибическое¹ перерождение философии, различая при этом диатрибику, сопровождающую всю европейскую мыслительную традицию, включая Гегеля, и диатрибику современную – результат онаученности, в которой Гегеля принципиально нет. Это перерождение и объясняет факты, удивившие Гуссерля.

Разрушение органических связей между дисциплинами, которое М.К. Петров обозначил как переход наук от единой теологической модели мира (где для всех дисциплинарных делений существует одна единая дисциплинарная вечность – момент сотворения мира Богом) к «модели Лайеля-Дарвина» (где каждой дисциплиной ведется свой отсчет «дисциплинарной вечности», и последняя простирается в каждой дисциплине ровно настолько, насколько позволяют «принципы униформизма и актуализма»), привело к выхолащиванию связей между областями знания. Оказавшись в чисто формальной связи с остальным корпусом знания, распавшимся на дисциплины, теория всеобщего, которая в принципе не может быть построена как science, начинает понимать себя в развилке: либо всезнание (наука обо всем), либо уничтожение (задним числом, паразитическое обобщение чужих открытий). В основе обеих стратегий, как показал Э.В. Ильенков [6], – одно и то же рассудочное понимание связи особенного со всеобщим. Оно срезает в философии, как недоступную и непосильную нормальному человеку «интеллектуальную акробатику» (Гуссерль), всю ту сложность мыслительной деятельности, которая как раз притязает быть синтетическим теоретическим уловлением творчества и субъективности. Сугубый аналитизм формирует очень избирательную теоретическую восприимчивость. Тем самым наука-science проходит точку невозврата, сама отрезая себя от питающей почвы, что и определяет возможные и невозможные для нее траектории движения. Правда, неизжитая «тоска T_u по T_n » свидетельствует о том, что этот сценарий еще не разыгран до конца, до полной безнадежности.

¹ Диатрибическая традиция, по определению А.В. Потемкина, – это школьно-учебная метаморфоза философии, в которой она предстает в форме результата без порождающего этот результат мыслительного движения, результата поэтому предназначен не для распределечивания и со-мыслия, а для бессмысленного заучивания или технологической утилизации. Она существует, по преимуществу, в виде учебных и справочных пособий.

Сама Европа, за которой мы плетемся, ищет исхода из этого рассеяния ума. Критерий успеха на этом пути – обретение органов для восприятия потерянных сокровищ, когда «и у нас снова появится зрение для восприятия немецкого идеализма» [4, с. 368].

Литература

1. Беркли, Дж. Аналитик, или Рассуждение, адресованное неверующему математику // Беркли Дж. Сочинения. М.: Мысль, 1978. 558 с.
2. Гадамер, Г.-Г. Пути М. Хайдеггера: исследования позднего творчества. Минск: ПроPILEI. 2007. 240 с.
3. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Т. 3. М.: Соцэкгиз, 1935. 350 с.
4. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: «Владимир Даль», 2004. 400 с.
5. Гуссерль, Э. Фихтевский идеал человечества. Три лекции // Ежегодник по феноменологической философии 2009/2010 [II]. М.: РГГУ, 2010. С. 366-394.
6. Ильенков, Э.В. Проблема всеобщего в диалектике // Диалектическая логика. М.: Политиздат, 1974. 271 с.
7. Иващук, О.Ф. Человеческое "Я" как основание науки: философская классика и современность // L'univers de l'homme (Вселенная человека). 2010. № 1. С. 22-29.
8. Мандельштам, О. Буря и натиск // Русское искусство. 1923. № 1 (февраль). С. 75–82.
9. Ньютон, И. Математические начала натуральной философии. М.: Наука, 1989. 711 с.
10. Паршин, А.Н. Урок английского для министра образования // Российское образование и наука: новое законодательство – новые проблемы и задачи. М.: Гуманитарий, 2014. С. 202-206.
11. Петров, М.К. История европейской культурной традиции и ее проблемы. М.: РОССПЭН, 2004. 776 с.
12. Петров, М.К. Философские проблемы науки о науке. Предмет социологии науки. М.: РОССПЭН, 2006. 624 с.
13. Поланьи, К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги // Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. 320 с.

14. Потемкин, А.В. Метафилософские диатрибы на берегах Кизитеринки. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2003. 576 с.

References

1. Berkeley, G. The Analyst; or, a Discourse Addressed to an Unbelieving Mathematician. *Sochineniya*. Moscow: Mysl, 1978. 558 p.
2. Gadamer, H.-G. *Way of Martin Heidegger: Study Late Work*. Minsk: Propilei. 2007. 240 p.
3. Hegel, G. W. F. *Lectures on the History of Philosophy*. Moscow: Sotsekgiz, 1935. Vol. 3. 350 p.
4. Husserl, E. *Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology*. St.-Petersburg: «Vladimir Dal», 2004. 400 p.
5. Husserl, E. Fichte's Ideal of Humanity. Three Lectures. *Yearbook on Phenomenological Philosophy 2009/2010*. [II]. Moscow: Publishing House of RSUH, 2010. Pp. 366-394.
6. Ilyenkov, E. The Problem of General in the Dialectics. *The Dialectic Logic*. Moscow: Politizdat, 1974. 271 p.
7. Ivashchuk, O. F. Human "I" as a Ground of the Science: Philosophical Classics and Modernity. *L'univers de l'homme*. No. 1 (2010). Pp. 22-29.
8. Mandelstam, O. Sturm und Drang. *Russkoye iskusstvo [Russian Art]*. No. 1 (February) (1923). Pp. 75-82.
9. Newton, I. *The Mathematical Principles of Natural Philosophy*. Moscow: Nauka, 1989. 711 p.
10. Parshin, A. N. The Lesson of English for the Education Secretary). *Russian Education and Science: new legislation – new challenges*. Moscow: Humanitariy, 2014. Pp. 202-206.
11. Petrov, M. K. *The History of the European Cultural Tradition and Its Problems*. M.: ROSSPEN, 2004. 776 p.
12. Petrov, M. K. *Philosophical Problems of the Science of Science. The Subject of Sociology of Science*. Moscow: ROSSPEN, 2006. 624 p.
13. Polanyi, K. The Self-Regulating Market and the Fictitious Commodities: Labor, Land and Money. *The Great Transformation. The Political and Economic Origins of Our Time*. St. Petersburg: Aleteya, 2002. 320 p.
14. Potemkin, A. V. *Metaphilosophical Diatribes on the Banks of Kiziterinka*. Rostov-on-Don: Rostizdat, 2003. 576 p.

УДК 159.95;159.922

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-2-12-17

Маланов С. В.

ОБ ИСТОЧНИКАХ ПОРОЖДЕНИЯ «ИДЕАЛЬНОГО» В РАБОТАХ Э.В. ИЛЬЕНКОВА И В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Маланов Сергей Владимирович, доктор психологических наук, доцент. Марийский государственный университет, пл. Ленина, 1, г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, 424000, Россия. E-mail: MalanovSV@mail.ru

Аннотация

Позиции Э.В. Ильенкова относительно внешних по отношению к субъекту источников порождения идеальных явлений рассматриваются в контексте развития отечественной психологии. Выделяются альтернативные направления научного анализа, где психика рассматривается в качестве процессов и функций, которые: а) локализованы в мозге; б) локализованы между субъектом и объектами окружающего мира, обеспечивая ориентировку в окружающем мире.

Ключевые слова: локализация психических функций; психика и мозг; эволюция психической ориентировки; функциональные системы; умственные операции и действия.

Malanov S. V.

SOURCES OF THE "IDEAL" IN ILYENKOV'S WORKS AND IN THE CONTEXT OF THE NATIONAL PSYCHOLOGY

Malanov Sergei Vladimirovich, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor. Mari State University, 1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola, Mari El Republic, 424000, Russia. E-mail: MalanovSV@mail.ru

Abstract

Ilyenkov's attitude to external sources (with respect to the subject) of generation of ideal phenomena are considered in the context of the national psychology. Alternative directions of scientific analysis are allocated, where the mind is seen as the processes and functions that are: a) localized in the brain; b) located between the subjects and objects of the world, providing orientation in the world.

Keywords: localization of mental functions; the brain and the mind; the evolution of mental orientation; functional systems; mental operations and actions.

Работы известного отечественного философа Э.В. Ильенкова характеризует последовательная критика гипотез о локализации психических функций внутри мозга. При этом отстаиваются методологические и теоретические позиции, на которые исходно опирался Л.С. Выготский, разрабатывая «культурно-историческую теорию развития высших психических функций», а позднее – А.Н. Леонтьев, выстраивая «психологическую теорию деятельности». Приведем ряд цитат Э.В. Ильенкова: «Человек, изъятый из сплетения общественных отношений, внутри и посредством которых он осуществляет свой человеческий контакт с природой, мыслит так же мало, как и мозг, изъятый из тела человека». <...> «Пытаться объяснить идеальное из анатомо-физиологических свойств тела мозга – такая же нелепая затея, как и попытка объяснить денежную форму продукта труда из физико-химических

особенностей золота». Поэтому «...идеальное как общественно определенная форма деятельности человека, создающей предмет той или иной формы, рождается и существует не в голове, а с помощью головы в реальной предметной деятельности человека...» [7, с. 212-216].

Ключевые расхождения, характеризующие основные направления исследований в современной научно ориентированной психологии, связаны с определением предмета исследования психологии, а также с решением проблемы об исходной локализации психических функций: а) в мозге в качестве функций мозга; б) между субъектом и окружающим миром. *Мозг организует взаимодействия субъекта с окружающим миром или субъект организует взаимодействия с окружающим миром с помощью органов чувств, мозга, опорно-двигательного аппарата?*

При обсуждении предмета исследования психологии сохраняются попытки вывести психические явления за пределы естественнонаучного детерминизма. Отказ от детерминизма осуществляется путем: а) явного и неявного введения мистических оснований; б) сведения психических явлений к разным вариантам регистрации и интерпретации рефлексивных самоотчетов, которые принимаются в качестве исходных оснований для выделения психических явлений; в) использования философско-мировоззренческих постулатов, которые разделяют психические (идеальные) и физические (материальные) явления на две группы явлений или на две группы несвязанных свойств; г) введения принципов «плюрализма», «взаимного дополнения», «диалогизма» между разными методологическими подходами и позициями; д) делением психологии на естественнонаучные и гуманитарные области и направления [11; 15]. Однако только опираясь на принцип методологического монизма можно построить непротиворечивую теорию психических явлений [14]. Реализация этого принципа требует последовательного выведения психических функций живых организмов из законов эволюции, а специфических особенностей развития психики людей – из законов антропогенеза и исторического развития человечества [3; 9].

В настоящее время среди психологов, реализующих установку на построение научной монистической теории психических явлений, отсутствует единство исходных позиций. Так, в отечественной психологии, нацеленной на поиск факторов, детерминирующих развитие психических функций, явно представлены две центральные позиции: а) психика – это результат функций мозга [16; 17]; б) психика – это функции ориентировки животных организмов, позволяющие направлять и организовывать взаимодействия с окружающим миром [4].

Выбор одной из позиций приводит к разным ответам на исходные вопросы психологии: где и на чем локализуется психика и какую роль в детерминации психических функций выполняет мозг? Если принять первую позицию, то **мозг организует взаимодействия субъекта с окружающим миром**, используя органы чувств, опорно-двигательный аппарат, ставя цели, организуя познание и поведение, а психические явления формируются в мозге и мозгом. Если принять вторую позицию, то **субъект организует взаимодействия с окружающим миром** с

помощью органов чувств, опорно-двигательного аппарата, физиологических функций мозга. При этом психика выступает в качестве функциональных систем («функциональных органов»), которые локализируются в разных органах и тканях организма, обеспечивая организацию и воспроизведение взаимодействий субъекта с окружающим миром [12; 5].

Какие первичные условия детерминируют функциональное выделение психики у животных организмов в процессе эволюции? Широкое распространение получила гипотеза, что психические функции являются результатом эволюции функций мозга. Так ли это? Поставленная проблема предполагает анализ зарождения психических функций у животных организмов в процессе эволюции. Такой анализ был реализован в работах А.Н. Леонтьева, где было показано, что необходимой эволюционной предпосылкой для развития психических функций в жизнедеятельности животных организмов выступает появление органов перемещения в среде обитания. Способности к перемещениям в среде обитания дают выраженное эволюционное преимущество только в том случае, если они избирательно направляются на достижение благоприятных и избегание неблагоприятных для жизни условий. Это обстоятельство и выступает эволюционной предпосылкой для формирования и развития органов чувств, с помощью которых животные начинают ориентироваться, а также организовывать и регулировать двигательную активность во внешней среде. **Простейшие формы направленных перемещений на основе ориентировки во внешней среде** (чувствительность), которые наблюдаются уже у одноклеточных организмов, **выступают критерием, по которому можно судить о наличии эволюционно исходных форм психики.** Поэтому наличие мозга не является необходимым условием для появления психических функций в процессе эволюции. Чувствительность многоклеточных животных в процессе эволюции дифференцируется: а) на переживания состояний организма (аффективная чувствительность); б) на способность к ориентировке во внешней среде (экстероцептивная чувствительность); в) на способность ощущать и контролировать собственные движения (проприоцептивная чувствительность). Этим обеспечивается регуляция взаимосвязей между внутренней средой организма и организацией поведения во внешней среде.

В филогенетическом развитии психических функций у животных организмов выделяется ряд стадий, характеризующих организацию

поведения животных на основе совершенствования способов ориентировки в окружающей среде: а) на основе выделения жизненно значимых свойств окружающей среды (стадия сенсорной психики); б) на основе избирательного выделения биологически значимых объектов и их свойств, лежащая в основе организации поведения по отношению к разным объектам (стадия перцептивной психики); в) на основе выделения межпредметных связей и отношений (стадия интеллекта, стадия развития простейших форм «мышления»), что обеспечивает решение нестандартных ситуативных задач [9]. При этом у способных к научению высших животных наблюдается накопление и отбор наиболее эффективных способов ориентировки и организации взаимодействий с окружающей средой в онтогенезе, что обеспечивает: а) изменение и развитие мотивационных отношений к объектам и предметным условиям; б) усложнение и дифференциацию поведения.

Таким образом, генетический ряд причинно-следственных связей, лежащих в основе эволюции психических функций, имеет следующую направленность: а) изменение окружающей среды; → б) изменения в поведении животных организмов, необходимые для выживания и приспособления; → в) необходимость в изменении способов ориентировки на основе совершенствования органов чувств, функционально необходимых для эффективной организации новых форм поведения; → г) эволюционный отбор организмов с соответствующими функциональными и структурными особенностями организма – органов чувств, органов передвижения, нервной системы, мозга и т.д.

На изложенных основаниях в отечественной психологии строилось **определение психики** как системы функций, которые обеспечивают животным организмам: а) ориентировку в окружающем мире (исследование окружающего мира), исходно опирающуюся на использование органов чувств и зависящую от состояний организма; б) организацию и регуляцию направлений жизнедеятельности (движений, действий, деятельностей) на основе предварительной ориентировки; в) у животных, способных к научению, накопление и совершенствование на протяжении индивидуальной жизни наиболее эффективных способов ориентировки и способов организации и реализации направлений жизнедеятельности [4; 6]. Если придерживаться такого определения психических явлений, то **психология** – это наука

о законах порождения и функционирования в жизнедеятельности животных организмов (индивидов, субъектов) способов ориентировки, которые обеспечивают избирательную организацию и регуляцию взаимодействий с окружающим миром и позволяют реализовать направления жизненной активности.

Вытеснение у предковых форм человечества биологических закономерностей организации жизнедеятельности обуславливается тремя факторами: а) объединение предковых форм будущего человечества в сообщества, которые организованы на основе распределения действий в составе совместных видов деятельности; б) изготовление и совершенствование орудийных средств и способов их использования; в) развитие речевой коммуникации и совершенствование способов использования языковых и других знаково-символических средств, которые обеспечивают взаимодействия между членами сообщества, обмен сообщениями, фиксирование результатов познавательной деятельности. В результате формируются и совершенствуются **специфические для людей способы ориентировки в окружающем мире, которые фиксируются, актуализируются и передаются с опорой на знаково-символические средства в совместной деятельности и общении – сознание** [4; 10; 8].

Какие условия детерминируют функциональное развитие психики у детей в онтогенезе? Ответ на этот вопрос намечается в «культурно-исторической теории развития высших психических функций (ВПФ)» у Л.С. Выготского, где основным предметом анализа выступали психические функции, которые не получили строгого определения. В «психологической теории деятельности» А.Н. Леонтьева центральным предметом анализа становятся не психические функции, а подчиненные целям совместные и индивидуальные практические и умственные действия, а также их операциональный состав (ориентировка, планирование, исполнение, контроль, коррекция) [4]. Вместе с тем, связи между психическими функциями и операциональным составом действий оказались недостаточно проясненными. Выделились две «плоскости» объяснительных оснований.

Каковы отношения между действиями и высшими психическими функциями? Каково место психических функций в составе действий?

По мере развития у ребенка высших психических функций внешние способы использования языковых средств в общении и в составе совместных действий замещаются

внутриречевыми способами их использования при организации умственных действий. В результате совершенствуются психологические механизмы сознательной ориентировки и организации как практических, так и умственных действий [3]. В составе целенаправленных действий дифференцируются операциональные составляющие: а) ориентировочные операции; б) операции планирования; в) исполнительные операции; г) контрольные операции; д) операции коррекции [8; 4]. Цели действий и их операциональный состав начинают выделяться и организовываться с помощью языковых средств (осознаваться) и преобразовываться в самостоятельные целенаправленные действия. При этом феноменологически выделяемым психическим функциям (а также и выделяемым ВПФ) соответствуют абстрагируемые по различным основаниям характеристики и свойства операционального состава действий.

Анализ любого действия может осуществляться на основе разных способов абстрагирования операционального состава (функциональных компонентов): с точки зрения использования субъектом органов чувств (сенсорно-перцептивные операции и действия); с точки зрения эффективности установления межпредметных отношений и связей (мыслительные операции и действия); с точки зрения эффективности последующего воспроизведения разных операциональных составляющих (мнемические операции и действия); с точки зрения избирательности и сосредоточенности, а также контроля и коррекции (внимание) и т.д. Такие способы анализа могут использоваться как по отношению к предметно-практическим и умственным действиям, так и по отношению к целенаправленно организуемым актам общения между людьми (поступкам). Таким образом, ВПФ получают объяснение на основе выделения особенностей операционального состава в различных по сложности и уровням выполнения действиях, которые организуются с помощью языковых средств.

Как связаны психические функции животного организма с анатомическими структурами и физиологическими функциями? В работах П.К. Анохина и А.Н. Бернштейна показана зависимость широкого круга физиологических функций у животных (физиологических функциональных систем) от психических функций: ориентировка в окружающей среде (афферентный синтез), постановка целей и прогнозирование (планирование) способов их достижения, контроль

и коррекция получаемых результатов. Взаимодействия животных организмов с окружающей средой рассматриваются в качестве активно организуемых целенаправленных форм поведения, а не в качестве систем ответных реакций на потоки внешних раздражителей [1; 2]. «Теория функциональных систем» П.К. Анохина и «физиология активности» Н.А. Бернштейна дают основания делать выводы о локализации психических функций между организмом и предметами окружающего мира. В качестве следствия из таких представлений выступает гипотеза о том, что «психические образы» строятся и актуализируются как функциональные системы на различных тканях, органах и физиологических функциях организма, как результат взаимодействий субъекта с объектами. Такие функциональные системы психофизиологических процессов избирательно подстраиваются под исполнительные предметно-практические и ориентировочные сенсорно-перцептивные операции и действия. При этом следствием любого нового взаимодействия с окружающим миром выступает избирательная актуализация широкого диапазона физиологических процессов в организме. И не только в органах чувств, мышечной, нервной системе, но и в разных органах и тканях организма. Сложнейшие комплексы вегетативных изменений вносят в любой психический образ компоненты эмоционально-оценочной пристрастности. Для проверки такой гипотезы требуется широкий диапазон комплексных психофизиологических измерений и экспериментов, позволяющих избирательно регистрировать во временной (микроинтервальной) развертке последовательности актуализации разных функциональных систем:

1. В двух направлениях: а) от периферических психофизиологических процессов к нейрофизиологическим процессам в мозге; б) от мозговых процессов к комплексам избирательно актуализируемых физиологических и психофизиологических процессов в сенсорных, мышечно-двигательных, вегетативных системах организма.

2. При реализации субъектом: а) реальных предметно-практических действий; б) соответствующих им умственных (представляемых, идеомоторных) действий, организуемых с опорой на речевые указания.

Такие исследования помогут подтвердить или опровергнуть известное в отечественной психологии положение: нейрофизиологические процессы выступают только одним из

необходимых условий формирования психических функций и психического образа; другим необходимым условием и **основной причиной актуализации и развития психических функций выступает ориентировочно-исследовательская активность в составе взаимодействий субъекта (животного организма) с окружающим миром.**

В заключение отметим, что законы психического развития ребенка во взаимодействиях с людьми и предметами человеческой культуры служили основаниями для развития системы образования в СССР и, до недавнего времени, в России. На эти законы опирались отечественные психологи и педагоги при разработке современных программ развивающего обучения. В настоящее же время в качестве оснований так называемой «оптимизации» образования используются самые наивные представления о психическом развитии как о процессах переработки информации мозгом и в мозге. Это оказывает разрушительное воздействие на сохранение психолого-педагогических условий для личностного и познавательного развития граждан России. В связи с отсутствием психолого-педагогического анализа и обоснования проводимых «реформ» полезно еще раз обратиться к тезисам Э.В. Ильенкова: «...на почве определенных социальных условий <...> на почве стихийного разделения труда <...> форма деятельности навязывается индивиду насильно, независимыми от него и непонятными ему социальными процессами». При этом «...если идеальный образ усвоен индивидом лишь формально, как жесткая схема и порядок операций, без понимания его происхождения и связи с реальной (не идеализированной) действительностью... не идеальный образ оказывается деятельной функцией индивида, а наоборот, индивид – функцией образа, господствующего над его сознанием и волей как извне заданная формальная схема» [7, с. 224-226].

Литература

1. Анохин, П.К. Философские аспекты теории функциональных систем. М.: Наука, 1978. 395 с.
2. Бернштейн, Н.А. Биомеханика и физиология движений. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1997. 608 с.
3. Выготский, Л.С., Лурия, А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика, 1993. 224 с.

4. Гальперин, П.Я. Психология как объективная наука. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. 480 с.
5. Зинченко, В.П., Моргунов, Е.Б. Человек развивающийся: очерки российской психологии. М.: Трикола, 1994. 304 с.
6. Иванников, В.А. Основы психологии. Курс лекций. СПб.: Питер, 2010. 336 с.
7. Ильенков, Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с.
8. Леонтьев, А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000. 509 с.
9. Леонтьев, А.Н. Эволюция, движение, деятельность. М.: Смысл, 2012. 560 с.
10. Лурия, А.Р. Язык и сознание. М.: МГУ, 1979. 320 с.
11. Мазиллов, В.А. Стены и мосты: методология психологической науки. Ижевск: ERGO, 2015. 196 с.
12. Маланов, С.В. Системно-деятельностный культурно-исторический подход к анализу и объяснению психических явлений: объяснительные принципы и теоретические положения. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2010. 496 с.
13. Маланов, С.В. Методологические и теоретические основы психологии. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2012. 224 с.
14. Науменко, Л.К. Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1968. 328 с.
15. Парадигмы в психологии: науковедческий анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 468 с.
16. Сергиенко, Е.А. Раннее когнитивное развитие: Новый взгляд. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2006. 464 с.
17. Чуприкова, Н.И. Психика и психические процессы (система понятий общей психологии). М.: Языки славянской культуры, 2015. 608 с.

References

1. Anokhin, P. K. *Philosophical Aspects of the Theory of Functional Systems*. Moscow: Nauka, 1978. 395 p.
2. Bernshtein, N. A. *Biomechanics and Physiology of Motions*. Moscow: Publishing house "Institute of Applied Psychology"; Voronezh: NPO «Modek», 1997. 608 p.
3. Vygotsky, L. S. and Luria, A. R. *Studies on the History of Behavior: Monkey. Primitive. Child*. Moscow: Pedagogika, 1993. 224 p.
4. Galperin, P. Ya. *Psychology as an Objective Science*. Moscow: Publ. of Moscow Psychological and Social Institute, Voronezh: NPO «MODEK», 1998. 480 p.
5. Zinchenko, V. P. and Morgunov, E. B. *The Developing Man: Essays on Russian Psychology*. Moscow: Trivola, 1994. 304 p.

6. Ivannikov, V. A. *Fundamentals of Psychology. Lecture Course*. St. Petersburg: Piter, 2010. 336 p.
7. Ilyenkov, E. V. *Philosophy and Culture*. Moscow: Politizdat, 1991. 464 p.
8. Leontiev, A. N. *Lectures on General Psychology*. Moscow: Smysl, 2000. 509 p.
9. Leontiev, A. N. *Evolution, Movement Activities*. Moscow: Smysl, 2012. 560 p.
10. Luria, A. R. *Language and Consciousness*. Moscow: Publ. of MSU, 1979. 320 p.
11. Mazilov, V. A. *Walls and Bridges: Methodology of Psychological Science*. Izhevsk: ERGO, 2015. 196 p.
12. Malanov, S. V. *Systematic Activity of Cultural Historical Approach to the Analysis and Explanation of Psychic Phenomena: Explanatory Principles and Theoretical Positions*. Moscow: Publ. of Moscow Psychological and Social Institute, Voronezh: NPO «MODEK», 2010. 496 p.
13. Malanov, S. V. *Methodological and Theoretical Foundations of Psychology*. Moscow: Publ. of Moscow Psychological and Social Institute, Voronezh: NPO «MODEK», 2012. 224 p.
14. Naumenko, L. K. *Monism as a Principle of Dialectical Logic*. Almaty: Publishing house "Science" of Kazakh SSR, 1968. 328 p.
15. *Paradigms in Psychology: Scientific Analysis*. Moscow: Publ. of "The Institute of Psychology, the Russian Academy of Sciences", 2012. 468 p.
16. Sergienko, E. A. *Early Cognitive Development: A New Look*. Moscow: Publ. of "The Institute of Psychology, the Russian Academy of Sciences", 2006. 464 p.
17. Chuprikova, N. I. *Mind and Mental Processes (System of Concepts of General Psychology)*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2015. 608 p.

УДК 130.3

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-2-18-26

Финогентов В. Н.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ С Э.В. ИЛЬЕНКОВЫМ О БЕСКОНЕЧНОСТИ ВСЕЛЕННОЙ И РОЛИ "МЫСЛЯЩЕЙ МАТЕРИИ" В ЕЕ ЭВОЛЮЦИИ

Финогентов Валерий Николаевич, доктор философских наук, профессор. Орловский государственный аграрный университет, ул. Генерала Родина, д. 69, г. Орел, 302019, Россия. E-mail: v_fin@mail.ru

Аннотация

В статье разворачивается мировоззренческая дискуссия с позицией, представленной в работе Э.В. Ильенкова «Космология духа». С позиций трагического гуманизма критически анализируются представления Э.В. Ильенкова о бесконечности Вселенной, его концепция «мирового круговорота», а также сформулированная им гипотеза о решающей роли «мыслящей материи» в осуществление перехода материи («матери-природы») от стадии ее умирания к началу нового цикла ее развития.

Ключевые слова: бесконечность Вселенной; «мировой круговорот»; неисчерпаемость универсума; принцип инфинитизма; трагический гуманизм.

Finogentov V. N.

PHILOSOPHICAL DISCUSSION WITH E. V. ILYENKOV ABOUT THE INFINITY OF THE UNIVERSE AND THE ROLE OF THE "THINKING MATTER" IN ITS EVOLUTION

Finogentov Valery Nikolaevich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor. Orel State Agrarian University, 69 Generala Rodina St., Orel, 302019, Russia. E-mail: v_fin@mail.ru

Abstract

The article deploys a philosophical discussion with a position presented in the work of E.V. Ilyenkov, «The Cosmology of the spirit». From the position of tragic humanism the author critically analyzes the views of E.V. Ilyenkov about the infinity of the Universe, his concept of «world rotation», and his hypothesis on the decisive role of the «thinking matter» in the transition of the matter («mother-nature») from the stage of dying to the beginning of a new cycle of its development.

Key words: the infinity of the Universe; «world rotation»; the inexhaustibility of the universe; the principle of infinitism; tragic humanism.

Сразу же подчеркну, что ниже разворачивается дискуссия именно с той мировоззренческой позицией, которая в исключительно ясной и последовательной форме развита в сочинении, указанном в названии моей статьи. Иначе говоря, я не пытаюсь здесь давать какие-то оценки философии Э.В. Ильенкова как целостному феномену. Речь у меня идет об интерпретации и оценке только одной работы Э.В. Ильенкова. Здесь необходимо сказать также, что у рассматриваемого сочинения Э.В. Ильенкова есть весьма красноречивый подзаголовок: «философско-поэтическая фантазмагория, опирающаяся на принципы диалектического материализма». Поэтому, на первый взгляд, к этому сочинению не следует относиться слишком серьезно и, тем более, не следует с ним вступать в мировоззренческую дискуссию. Однако знакомство с содержанием

«Космологии духа» не оставляет никаких сомнений в серьезности этой работы.

Мировоззренческая позиция, представленная в обсуждаемом сочинении, в общем плане может быть охарактеризована как определенный вариант диалектического материализма. Некоторые особенности этого варианта будут представлены мной по мере осуществления дискуссии. В свою очередь, мировоззренческая позиция, с которой я веду здесь дискуссию с Э.В. Ильенковым, разрабатывается мной на протяжении многих лет и называется трагическим гуманизмом. (О трагическом гуманизме см. в моих книгах [2; 3].) Важнейшие принципы трагического гуманизма, необходимые для разворачивания мировоззренческой дискуссии с «Космологией духа», будут также сформулированы и разъяснены мной далее.

Итак, основываясь на тексте обсуждаемой работы, дадим реконструкцию

мировоззренческой позиции Э.В. Ильенкова. В основе этой позиции лежат несколько неразрывно связанных друг с другом положений.

Первое из этих положений Э.В. Ильенков формулирует следующим образом: «материя постоянно обладает мышлением, постоянно мыслит самое себя» [1, с. 415]. Другими словами, для Ильенкова мышление является атрибутом материи. Впрочем, это положение, указывает автор «Космологии духа», верно только по отношению к материи «в целом, как к бесконечной во времени и в пространстве субстанции» [1, с. 415].

Я прошу уважаемого читателя обратить особое внимание на это авторское пояснение и дополнение. Оно, на мой взгляд, чрезвычайно показательно и важно для понимания и оценки мировоззренческой позиции Э.В. Ильенкова. Я имею в виду то, что в этом положении мирно уживаются два утверждения, которые, по моему мнению, далеко не всегда удается соединить друг с другом. А именно: 1) материя (субстанция) бесконечна во времени и в пространстве; 2) материю (субстанцию) можно рассматривать «в целом». Сам Э.В. Ильенков не видит проблемы в соединении этих двух утверждений. Я же, напротив, считаю, что здесь скрыта серьезнейшая онтологическая и гносеологическая проблема, что «мирное» соединение этих положений возможно лишь в случае сугубо частного понимания бесконечности материи (субстанции). Соответственно, как только мы выйдем за пределы этого «сугубо частного понимания» бесконечности материи, так сразу же возможность рассматривать материю (субстанцию) «в целом» будет поставлена под вопрос. А эта возможность, несомненно, играет фундаментальную роль в мировоззренческих построениях Э.В. Ильенкова. Более того, забегая вперед, можно сказать, что именно гипотеза, согласно которой материю (субстанцию, Вселенную) можно рассматривать «в целом», определяет дальнейшие мировоззренческие построения Ильенкова. Конечно, не следует отождествлять понятия материи, субстанции и Вселенной. Но в обсуждаемой работе эти понятия часто используются как синонимы. В этот ряд синонимов вполне правомерно добавить также понятие «мир», которое также нередко звучит у Э.В. Ильенкова. Если материю (мир) можно рассматривать в целом, то это предполагает, что материя (мир) является некой целостностью, единством. А отсюда уже следует, что материя (мир) осуществляет некую глобальную

(общемировую) процессуальность. Отсюда следует также, что материя (мир) в целом может быть предметом человеческого познания и даже предметом человеческой преобразующей деятельности! В сущности, в этих нескольких фразах изложено главное содержание «Космологии духа».

Обратимся к более детальному рассмотрению этого содержания.

Прежде всего, ссылаясь на соответствующие размышления Дж. Бруно, Б. Спинозы и Ф. Энгельса, Э.В. Ильенков пишет о «материи в целом» и присоединяется к известной концепции «мирового круговорота». Согласно этой концепции, «в материи в целом развитие в каждый конечный момент времени актуально завершено, в ней одновременно актуально осуществлены все ступени и формы ее необходимого развития. Взятая в целом, материя не развивается – она не может утратить ни на один миг ни одного из своих атрибутов, как не может обрести и ни одного нового атрибута» [1, с. 415-416]. Именно на этом основании наш автор приходит к уже цитированному выводу о том, что мышление является атрибутом материи, который, естественно, не может быть утрачен «материей в целом» ни на один миг.

Далее в «Космологии духа» тоже всё логично и, на первый взгляд, убедительно. Если «материя в целом» осуществляет «мировой круговорот», то в этом глобальном процессе, полагает Э.В. Ильенков, неизбежно будут достигаться некие «абсолютно высшие» и «абсолютно низшие» формы движения и развития. В качестве «абсолютно высшей» формы движения и развития в «Космологии духа» выступает именно мышление (мыслящая материя). «Мышление, – утверждает в связи с этим наш автор, – бесспорно, есть высший продукт всеобщего развития, есть высшая ступень организации взаимодействия, предел усложнения этой организации» [1, с. 417]. Это утверждение мы должны принять, поскольку отрицание данного утверждения, полагает он, равносильно отрицанию «тезиса о принципиальной познаваемости окружающего мира» и «делает невозможной самую философию». «Итак, – еще раз подчеркивает Э.В. Ильенков, – мышление есть абсолютно высший продукт развития мироздания. В нем, в рождении мыслящего мозга, мировая материя достигает такой ступени, на которой исчерпываются все возможности дальнейшего развития «вверх» – по пути усложнения организации форм движения. Далее путь может идти только «вниз» [1, с. 419]. Что касается

«абсолютно низшей» формы движения и развития, то автор «Космологии духа» характеризует ее достаточно размыто. Поскольку, считает он, до ее открытия «нам, очевидно, еще очень далеко». Но само существование «нижнего предела» «мы неизбежно должны, вынуждены принять». Поскольку «признать абсолютно высшую форму невозможно, не приняв ее противоположность, абсолютно низшую, абсолютно простейшую форму материи и ее движения» [1, с. 420].

Итак, зафиксируем еще раз предварительные результаты, к которым пришел автор «Космологии духа». 1. Вечный, закономерный «Мировой круговорот» ограничен высшим и низшим пределами. 2. В качестве высшего предела этого круговорота выступает мыслящая материя, а его низшим пределом является некая еще не установленная наукой «абсолютно простейшая форма материи и движения».

Следующим основоположением мировоззренческой позиции автора «Космологии духа» является «бесспорное положение, согласно которому “всё, что существует, достойно гибели”», что всякая “конечная” форма существования имеет свое начало и свой конец». «Это положение, – указывает Э.В. Ильенков, – применимо как к ныне существующей солнечно-планетной системе, так и к обитающему на ней человечеству» [1, с. 421]. Надо признать, что принять это положение человеку нелегко. Но я с ним полностью согласен. Более того, оно является фундаментальным для мировоззрения, которое я развиваю, оно является важнейшим принципом трагического гуманизма. Такой гуманизм и называется трагическим, потому что он утверждает неизбежность прихода небытия и к человеку, и к человечеству.

Но вернемся к обсуждению «Космологии духа».

Именно в связи с тем, что «где-то во мраке грядущего человечество прекратит свое существование, и что вечный поток движения Вселенной в конце концов смочет и сотрет все следы человеческой культуры», Э.В. Ильенков и выдвигает свою чрезвычайно смелую гипотезу о решающем вкладе «мыслящей материи» в осуществление перехода материи («матери-природы») от стадии ее умирания к началу нового цикла ее развития. Под «мыслящей материей» в данном случае автор «Космологии духа» имеет в виду человечество (не обязательно земное), достигшее высочайшей ступени своего научного и технологического развития, способного, так сказать, подтолкнуть Вселенную на восходящую

ветвь ее развития. Сам Э.В. Ильенков формулирует эту гипотезу следующим образом: «Мыслящий дух ценой своего собственного существования возвращает матери-природе, умирающей “тепловой смертью”, новую огненную юность – состояние, в котором она способна снова начать грандиозные циклы своего развития, которые когда-то вновь, в другой точке времени и пространства, приведут снова к рождению из ее остывающих недр нового мыслящего мозга, нового мыслящего духа» [1, с. 431]. Он полагает также, что отрицание этой гипотезы неизбежно приводит к выводу, согласно которому «мышление, даже если его и продолжать называть “высшим цветом” материи, оказывается пустоцветом – красивым, но абсолютно бесплодным цветком, распустившимся где-то на периферии всеобщего развития лишь затем, чтобы тотчас увянуть под ледяным или огненно-раскаленным дуновением урагана бесконечной Вселенной...» [1, с. 432].

Любопытно, что Э.В. Ильенков, осознавая всю грандиозность и фантастичность своей философской гипотезы о решающем вкладе «мыслящей материи» в развертывание нового цикла развития Вселенной, пытается конкретизировать ее. В соответствии с этой конкретизацией, вернуть «матери-природе огненную юность» мыслящая материя сможет, если ей удастся «разрушить бесконечно малую структурную единицу материи» [1, с. 433]. В результате такого разрушения, предполагает наш автор, «получилось бы пропорционально бесконечное количество высвободившейся при этом энергии». Соответственно, по его мнению, этого количества энергии оказалось бы «достаточно для того, чтобы разрушить и превратить в раскаленные пары бесконечно большую массу остывшей материи» [1, с. 433-34].

Надо обязательно сказать, что здесь автора «Космологии духа» посещает некоторое сомнение. «Всю бесконечную Вселенную, – делится он этими сомнениями с читателем, – разрушить этот акт, конечно, не может...» [1, с. 434]. Казалось бы, что вот сейчас на этом основании Э.В. Ильенков поставит под сомнение и свою грандиозную гипотезу. Но нет, к сожалению, он тут же отбрасывает посетившее его сомнение. Между тем внимательное прочтение его рассуждения, посредством которого он пытается развеять свое сомнение, обнаруживает, что «разжечь мировой пожар» мыслящей материи всё же не по силам. Действительно, развеивая свои сомнения, Э.В. Ильенков пишет: «Поскольку разрушаемая

структура по размеру и по сложности своей организации стремится к исчезающе малому пределу, то и количество высвобождаемой при этом энергии соответственно стремится к бесконечности. Область мировой материи, захватываемая процессом, включаемая в цепь реакции, остается поэтому ограниченной какими-то пределами. Каковы эти пределы – сказать сейчас, конечно, невозможно, так же невозможно, как и указать размеры и качественные характеристики той частицы, разрушение которой необходимо для того, чтобы вызвать этот процесс. Но процесс этот вполне объясняет возможность превращения сколь угодно больших конечных масс остывшей материи в раскаленную туманность, способную положить начало новым мирам» [1, с. 434]. Как говорится, красиво сказано. Но, тем не менее, это рассуждение нашего автора, по сути, «бьет мимо цели». Действительно, «сколь угодно большие конечные массы материи», с одной стороны, и бесконечная Вселенная, с другой стороны, – это принципиально разные сущности. Иначе говоря, вполне правомерна гипотеза о том, что высокоразвитая «мыслящая материя» когда-нибудь сможет превратить «сколь угодно большие конечные массы остывшей материи в раскаленную туманность». Но между этой возможностью и возможностью «разжечь мировой пожар», увы, лежит непреодолимая пропасть. И эту пропасть не преодолеть с помощью анализируемого рассуждения Э.В. Ильенкова.

Таким образом, в «Космологии духа» мы, несомненно, имеем дело с очень привлекательной гипотезой. В соответствии с этой гипотезой «высшая и конечная цель существования мыслящего духа оказывается космически-грандиозной и патетически-прекрасной». От других гипотез относительно завершения истории человечества эта гипотеза, указывает наш автор, отличается не тем, что устанавливает в качестве этого завершения всеобщую гибель человечества. Гибель, смерть, уничтожение человечества представляют собой, по убеждению Э.В. Ильенкова, абсолютно необходимый результат, прогнозируемый любой разумной гипотезой относительно конечного этапа развития человечества. Гипотеза, предлагаемая в «Космологии духа», отличается от других гипотез лишь тем, что эта неизбежная гибель человечества «рисует» ею не как бессмысленный и бесплодный конец, но как акт по существу своему творческий, как прелюдия нового цикла жизни Вселенной» [1, с. 435]. «Смерть мыслящего духа, – подчеркивает Э.В. Ильенков в связи с этим, – становится тем самым его

бессмертием». «И когда-то вновь, – продолжает он, – в бесконечно далеком грядущем – новые существа, в которых природа разовьет мыслящий дух, будут – как и мы ныне – созерцать сверкающие над небом их Земли звездные миры с гордым сознанием, что эти миры обязаны своим существованием некогда исчезнувшему мыслящему духу, его великой и прекрасной жертве» [1, с. 435]. Следует согласиться с тем, что в «Космологии духа» нарисована грандиозная и вдохновляющая перспектива!

Но, разумеется, красоты и грандиозности гипотезы недостаточно для ее обоснования и принятия. Для обоснования и принятия философской, да и научной, гипотезы необходимо, прежде всего, чтобы эта гипотеза согласовывалась с исходными положениями соответствующей философской концепции (научной теории). Наиболее важным в данном отношении является вопрос, согласуется ли обсуждаемая гипотеза Э.В. Ильенкова о вселенской роли мыслящего духа с предположением о бесконечности Вселенной. А это предположение, как мы видели, вне всяких сомнений, принимается автором «Космологии духа». К этому вопросу примыкает еще одна очень серьезная проблема: насколько убедительным является то понимание бесконечности Вселенной, которого придерживался Э.В. Ильенков.

Ниже я демонстрирую, что обсуждаемая гипотеза лишь в определенном отношении согласуется с пониманием бесконечности Вселенной, принятым автором «Космологии духа». Далее я пытаюсь обосновать, что это понимание является весьма упрощенным, односторонним пониманием бесконечности Вселенной. Наконец, я показываю, что эта гипотеза не согласуется с тем, на мой взгляд, более глубоким пониманием бесконечности универсума, которое лежит в основе трагического гуманизма.

Итак, в первую очередь рассмотрим ильенковское понимание бесконечности Вселенной. При этом следует помнить, что проблема бесконечности Вселенной – это сложнейшая философская и научная проблема. Поэтому, конечно, я ничуть не претендую на какое-то «окончательное» ее решение. Следует также помнить, что, как уже сказано, у меня представлена лишь определенная, основанная на внимательном прочтении «Космологии духа», реконструкция ильенковского понимания бесконечности Вселенной.

На мой взгляд, ильенковское понимание бесконечности Вселенной, представленное в «Космологии духа», включает в себя два основных момента. Первый из них состоит в том, что у Э.В. Ильенкова речь идет о бесконечности Вселенной в пространстве и во времени. Причем в «Космологии духа» имеется в виду тот модус пространственной и временной бесконечности, который обычно обозначается словосочетанием «бесконечность вширь». Другими словами, такая Вселенная, во-первых, не имеет начала и конца во времени. Она существовала всегда и будет существовать всегда. Во-вторых, такая Вселенная имеет, так сказать, бесконечный объем. Она бесконечно простирается, в каком бы направлении мы ни двигались. Надо сказать, что такое понимание бесконечности Вселенной вполне правомерно. И в некотором смысле оно является обычным для материалистической философии. Но все-таки, скажем сразу, это – весьма бедное ее понимание. Чтобы обосновать данную оценку, достаточно сказать хотя бы то, что такое понимание абстрагируется от пространственной и временной «бесконечности вглубь», то есть от внутренней бесконечности каждого «конечного» фрагмента бытия.

Второй момент ильенковского понимания бесконечности Вселенной связан с основополагающим для «Космологии духа» предположением о «мировом круговороте» (о «вечном круговороте мировой материи»). Я думаю, что именно в этом «моменте» концентрируются основные слабости мировоззренческой позиции, отчетливо представленной в обсуждаемом сочинении. Добавлю также, что этот момент теснейшим образом связан с отмеченной мной в начале статьи гипотезой Э.В. Ильенкова, согласно которой материю (субстанцию, Вселенную) можно рассматривать «в целом».

Как уже сказано, эти два момента ильенковского понимания бесконечности Вселенной находятся в сложных и противоречивых отношениях друг с другом. А именно: в определенном отношении эти два момента согласуются между собой. Но в то же время, как мне представляется, они в некотором отношении противоречат друг другу.

Поясню только что сказанное.

Я уже писал, что обосновывая предположение о «мировом круговороте», Э.В. Ильенков ссылается на соответствующие разработки Б. Спинозы, Г. Гегеля и Ф. Энгельса и подчеркивает, что «круговой характер

бесконечности единственно соответствует диалектическому взгляду». Он полагает, что «альтернативой этому пониманию может быть только представление, включающее в себя идею “начала” и “конца” мирового развития, “первотолчок”, “равное самому себе состояние” и тому подобные вещи» [1, с. 419]. Я думаю, что утверждение «кругового характера бесконечности» – это очень интересная и глубокая философская идея.

Но, во-первых, по моему мнению, в «Космологии духа» дана далеко не самая глубокая интерпретация этой идеи¹. Действительно, «вечный круговорот мировой материи» истолковывается Э.В. Ильенковым как непрестанное повторение циклов мирового процесса. Причем каждый из этих циклов ограничен, с одной стороны, «абсолютно простейшей формой материи и движения» и, с другой стороны, «абсолютно высшей формой материи и движения» (т.е. «мыслящей материей»). Очевидно, что такое истолкование «подпирается» уже знакомыми нам принятыми в «Космологии духа» постулатами о существовании «абсолютно простейшей формы материи и движения» и существовании «абсолютно высшей формы материи и движения».

Очевидно, однако, что с этими постулатами совсем необязательно соглашаться. В частности, с постулатом о существовании «абсолютно простейшей формы материи и движения» не согласятся те авторы (и я среди них), которые признают наличие у универсума такого модуса бесконечности, как «бесконечность вглубь». Действительно, для таких авторов «абсолютно простейшей формы материи» нет, и быть не может.

Да и постулат о существовании «абсолютно высшей формы материи и движения» тоже не трудно оспорить. Ильенковское обоснование этого постулата с помощью тезиса о принципиальной познаваемости мира невозможно считать убедительным. Дело в том, что этот тезис сам нуждается в обосновании. И если внимательно к нему присмотреться, то станет ясно, что принятие этого гносеологического тезиса само основывается на вполне определенных онтологических предположениях. Причем центральное место в этих онтологических представлениях, несомненно, занимает предположение о своего

¹ Более глубокое, на мой взгляд, истолкование этой идеи может быть дано только на основе принципа инфинитизма. Об этом принципе см. ниже, а также в ранее указанных моих книгах.

рода простоте и конечности мира. Ибо только такой – «простой и конечный» – мир может быть признан познаваемым «в целом». Поистине бесконечный, неисчерпаемый мир, очевидно, не может быть познан человеком. И, кстати, это высказывание отнюдь не равносильно агностицизму, которого так опасался автор «Космологии духа». Это высказывание ведь не утверждает наличие непреодолимых границ между тем, что человек может познать, и тем, что человек в принципе познать не может. Это высказывание утверждает лишь то, что в бесконечном, неисчерпаемом мире на любой стадии развития человеческого познания непознанная человечеством часть мира останется бесконечной, неисчерпаемой.

Во-вторых, как мне представляется, ильенковскую интерпретацию «кругового характера бесконечности» невозможно согласовать с его же признанием пространственной и временной бесконечности Вселенной «вширь». Эта невозможность и означает наличие упомянутого выше противоречия между первым и вторым моментами ильенковского понимания бесконечности Вселенной. Я имею в виду в данном случае то, что во Вселенной, бесконечной «вширь», в принципе не может осуществляться «круговорот мировой материи» в ильенковском смысле этого выражения. Дело в том, что даже такой Вселенной, которой свойствен только один модус бесконечности («бесконечность вширь»), не может быть свойственна единая и глобальная, то есть охватывающая всю такую Вселенную, процессуальность. Все процессы в такой Вселенной неизбежно имеют более или менее локальный характер. Любое признание «единого закономерного мирового процесса», в частности признание «вечного круговорота мировой материи», утверждение закономерного характера мировой процессуальности неизбежно ведет к признанию наличия у бесконечного мира каких-то глобальных характеристик. Такое признание независимо от желания авторов, делающих такое признание, неявно «оконечивает» мир. По сути, авторы, утверждающие «вечный круговорот материи», неосознанно принимают гегелевское положение о пронизанности всего мира неким единым организующим началом. В качестве такого единого, организующего весь бесконечный мир начала у сторонников диалектического материализма выступают «всеобщие законы» развития (основные законы диалектики).

И наконец, в-третьих, по всей видимости, возможны и иные, помимо указанных Э.В. Ильенковым, альтернативы гипотезе о «мировом круговороте». Одна из таких альтернатив представлена в онтологической модели, построенной в моих работах. Именно эта модель образует онтологический базис мировоззрения, названного мною трагическим гуманизмом. Как уже отмечалось, в основе этого мировоззрения лежит принцип инфинитизма. Принцип инфинитизма утверждает многообразную количественную и качественную бесконечность, неисчерпаемость универсума.

Принятие принципа инфинитизма требует от исследователя своего рода «гносеологической скромности». А именно: принятие указанного принципа требует признания того, что любая форма мировоззрения, любое онтологическое построение охватывает (описывает, объясняет) лишь конечную часть универсума. Всё остальное – «бесконечная часть» неисчерпаемого универсума – остается за пределами любого описания и объяснения. Другими словами, в рамках инфинитистского подхода невозможна «позитивная глобальность». В его рамках невозможно построение глобального описания и объяснения универсума, поскольку такое описание и объяснение неизбежно будет основано на неправомерной экстраполяции свойств известной нам и всегда конечной части универсума на его неизвестную нам и всегда бесконечную часть. Инфинитистский подход допускает только, так сказать, «негативную глобальность». Иначе говоря, трансцендентная, непознанная часть неисчерпаемого универсума может быть охарактеризована в рамках такого подхода только негативно. Эта часть неисчерпаемого универсума характеризуется здесь как неизвестная, непознанная и т.п. Еще раз подчеркну, что экстраполяция характеристик познанной (и всегда конечной) части универсума на непознанную (и всегда бесконечную) его часть здесь недопустимо. Разумеется, при этом не отрицается возможность дальнейшего расширения той части универсума, которая в той или иной мере познана человечеством. Однако это расширение, в сущности, ничего не меняет: в неисчерпаемом универсуме сфера познанного человечеством остается всегда конечной, а сфера неизвестного, не познанного им – всегда бесконечной.

Из принятия принципа инфинитизма однозначно вытекает также требование «праксеологической скромности». Иначе говоря,

субъект (человек, человечество или другое воплощение «мыслящего духа») может рассчитывать на практическое преобразование только определенной части познанной (всегда конечной) части неисчерпаемого универсума. При этом бесконечная часть универсума останется всегда за пределами преобразовательных возможностей этого (и любого другого) субъекта.

Принятие принципа инфинитизма неизбежно ведет также к онтологическому плюрализму, то есть к утверждению множественности, многообразия, гетерогенности (разнородности) универсума. Неисчерпаемый универсум не является целостностью. Такой универсум просто не может осуществлять какой-либо глобальной, всеохватывающей процессуальности, в частности, он не может осуществлять «мировой круговорот». Добавлю, что такой универсум, тем не менее, не распадается на множество изолированных друг от друга универсумов.

Надо подчеркнуть, что отрицание концепции мирового круговорота совсем не обрекает неисчерпаемый универсум на «дурную» бесконечность переходов от «другого» к «другому». Дело в том, что такой универсум просто не знает «другого». Иначе говоря, понятие «другое» не применимо к многообразно бесконечному универсуму. «Другое» противостоит только какому-либо определенному образованию или состоянию. Неисчерпаемый универсум является, если воспользоваться термином Николая Кузанского, «неиным». Иными словами, такой универсум ничему не противостоит, но всё включает в себя. Принципиально важно также то, что многообразно бесконечный универсум не «знает», не «помнит» своих состояний, а потому не может как-либо к ним возвращаться. Можно сказать также, что понятие состояния не применимо к такому универсуму. Поэтому, конечно, такой универсум, вопреки мнению Э.В. Ильенкова, не может осуществлять вечный закономерный «мировой круговорот», ограниченный высшим и низшим пределами. Впрочем, надо признать, что в гипотезе о «мировом круговороте» все-таки есть истина. Действительно, многообразно бесконечный универсум во всех своих превращениях остается всегда самим собою, он абсолютно самотождествен. Но эта истина должна быть обязательно дополнена и другой, противоположной ей: многообразно бесконечный универсум в своих превращениях никогда не

остается самим собою, он абсолютно несамотождествен. Учитывая эту антиномичность неисчерпаемого универсума, можно сказать, что в определенном смысле он находится в процессе круговорота. Но, разумеется, этот «круговорот» не есть непрестанное повторение переходов от «абсолютно низшей формы материи и движения» к «абсолютно высшей форме материи и движения» и обратно.

Попытаюсь дать еще некоторые пояснения принципа инфинитизма. Прежде всего отмечу, что его не следует понимать излишне упрощенно и односторонне. Таким – «излишне упрощенным и односторонним» – является, например, понимание бесконечности универсума, представленное в «Космологии духа». Напомню, что по Ильенкову, бесконечность универсума означает, прежде всего, его бесконечность в пространстве и во времени. Принцип инфинитизма утверждает не бесконечность универсума в каком-то одном отношении, например, в пространственном и временном отношении, а именно многообразную качественную и количественную его бесконечность. Такую – многообразную качественную и количественную – бесконечность универсума я называю также неисчерпаемостью универсума. Можно сказать также, что принцип инфинитизма (утверждение неисчерпаемости универсума) несовместим с признанием конечности универсума в каком бы то ни было отношении. Отсюда следует, что бесконечность универсума в каком-либо одном отношении, в частности его пространственная и временная бесконечность, понимаемая сугубо в плане бесконечности «вширь», отнюдь не гарантирует его неисчерпаемости. Действительно, бесконечность универсума в каком-то одном отношении, к примеру, его бесконечность в только что указанном смысле, вполне совместима с его конечностью в некотором другом отношении (в некоторых других или даже во многих отношениях). Так, например, можно представить пространственно бесконечный универсум, который в субстратном или в номологическом отношении повсюду однороден. Такой универсум, на мой взгляд, нельзя признать неисчерпаемым. Его неисчерпаемость исключается субстратной или номологической глобальной однородностью универсума. Другими словами, я предполагаю, что любой вид глобальной однородности универсума тождествен неисчерпаемости этого универсума, поскольку признание такой однородности предполагает

возможность экстраполяции на весь бесконечный универсум характеристик, установленных при изучении некоторой конечной его области. Но такая экстраполяция, как уже отмечено, не допускается принципом инфинитизма.

Пояснить особенности неисчерпаемого универсума можно с помощью предположения, согласно которому не существует алгоритма построения такого универсума. Существование такого алгоритма, на мой взгляд, однозначно свидетельствовало бы о конечности универсума в соответствующем отношении. Действительно, существование алгоритма построения универсума предполагает ту или иную форму его однородности. И, таким образом, если такой алгоритм существует, то на весь универсум экстраполируется некоторое свойство, некая закономерность, лежащая в основе этого алгоритма. Но это и есть «оконечивание» универсума в данном отношении. Сказанное позволяет мне предположить, что для описания неисчерпаемого универсума недостаточно использования уже известных в философии и науке типов бесконечности. Речь идет о так называемой «дурной» бесконечности, а также о потенциальной бесконечности и актуальной бесконечности. Дело в том, что все эти типы бесконечности, по всей видимости, предполагают тот или иной алгоритм их построения. Следовательно, все они предполагают некоторую форму однородности систем, описываемых ими. В связи со сказанным любопытно вспомнить характеристику актуальной бесконечности, данную Г. Кантором. Для него актуальная бесконечность является «хорошо упорядоченным множеством» (*wohlgeordnete Menge*). Такому множеству, иначе говоря, свойствен определен алгоритм конструирования каждого ее элемента. Так что понятия актуальной бесконечности, очевидно, недостаточно для характеристики неисчерпаемого универсума. Описание неисчерпаемого универсума требует, на мой взгляд, введения нового типа бесконечности, которую можно назвать абсолютной бесконечностью или «бесконечным во всех отношениях». (Эта гипотеза выдвинута в моих предшествующих работах; см. об этом, в частности, в уже указанных моих книгах [2; 3]).

Таким образом, принятие принципа инфинитизма в качестве основоположения онтологии не позволяет мне согласиться с очень привлекательной и поистине грандиозной гипотезой Э.В. Ильенкова о решающем вкладе «мыслящей материи» в развертывание нового

цикла развития бесконечной Вселенной. С великим сожалением мне приходится констатировать, что в рамках мировоззрения, построенного на основе принципа инфинитизма, познавательные и преобразовательные возможности всегда останутся ограниченными. Соответственно, как бы ни были велики эти возможности, человечество никогда не сможет «разжечь мировой пожар».

Мне остается откликнуться на утверждение автора «Космологии духа», в соответствии с которым отрицание его величественной гипотезы обрекает человечество на роль «пустоцвета», на роль «абсолютно бесплодного цветка, распутившегося где-то на периферии всеобщего развития лишь затем, чтобы тотчас увянуть под ледяным или огненно-раскаленным дуновением урагана бесконечной Вселенной».

Я не думаю, что указанная Э.В. Ильенковым альтернатива: или «вселенская перспектива» или роль «пустоцвета» дает адекватную систему координат для оценки места и роли человечества («мыслящей материи») в неисчерпаемом универсуме. Как уже сказано, к сожалению, неисчерпаемый универсум не оставляет нам надежды на «вселенскую перспективу». Поэтому мы должны искать для себя другую – локальную, временную и, тем не менее, достойную – альтернативу роли «пустоцвета».

Как мне представляется, такая альтернатива намечена в трагическом гуманизме. Трагический гуманизм исходит из аксиологической нейтральности бытия универсума самого по себе. Для трагического гуманизма ценностное измерение бытия универсума «просыпается» вместе со становлением человека или его инопланетного аналога. До появления человека (или его аналога) ценностное измерение бытия «дремлет». До появления человека (или его инопланетного аналога) оно пребывает исключительно в потенциальном состоянии. Иначе говоря, бытие до человека содержит только предпосылки ценностного измерения. *Становление человека, таким образом, представляет собой грандиозную онтологическую революцию: рождение нового – ценностно-смыслового – измерения бытия.* Ценности и смыслы не существуют «сами по себе», подобно платоновским идеям. Соответственно, они – не дар и не творение Бога. Только через соответствующую деятельность человека, через особые взаимоотношения людей ценностно-смысловое измерение входит в мир.

С точки зрения трагического гуманизма, назначение человека состоит именно в том, чтобы пробудить, развивать и сохранять ценностное измерение бытия универсума. Разумеется, в рамках онтологии, построенной на основе принципа инфинитизма, это преобразование – возникновение ценностно-смыслового уровня бытия – носит сугубо локальный характер. Но эта локальность не отменяет фундаментального характера данной онтологической трансформации. Так что, с этой точки зрения, наша планета представляет собой уникальное место во Вселенной: именно на ней сформировался и развивается новый – ценностно-смысловой – уровень бытия. Такое понимание не может, с одной стороны, не повышать самооценки человечества. С другой стороны, оно не может не повышать ответственности человечества за сохранение и развитие этого – ценностно-смыслового – измерения бытия. Возможно, конечно, что где-то и когда-то аналогичное «измерение бытия» уже возникало во Вселенной. Возможно, где-то в бескрайних просторах Вселенной существуют и другие творцы и носители этого уровня бытия. Правомерно предположить также, что различные носители этого измерения бытия могут рано или поздно вступить в контакт друг с другом, расширяя и обогащая тем самым ареал ценностно-смыслового мира. Может быть, когда-нибудь в этот процесс совместного расширения и обогащения ареала ценностно-смыслового мира внесет свой вклад и человечество. Я имею в виду возможные встречи и конструктивные коммуникации человечества с другими творцами и носителями ценностно-смыслового измерения бытия, с представителями иных («внеземных») цивилизаций. Такого рода встречи будут, несомненно, грандиозными и вдохновляющими событиями. Однако и в этом случае этот «ареал» ценностно-смыслового мира неизбежно будет носить локальный и временный характер.

Признание антропогенного характера ценностно-смыслового уровня бытия означает, что ему, так же как человеку и обществу, угрожает небытие. Ценности и смыслы, увы, не вечны. Но от этого, на мой взгляд, они не становятся менее ценными. Соответственно, деятельность человека и человечества по их созиданию и сохранению не теряет своего смысла

с признанием локального и временного, преходящего характера этого уровня бытия. Поясню сказанное примерами, демонстрирующими сущностную независимость ценностей от того, что они носят преходящий характер. Так, ценность красоты прекрасного произведения искусства не уменьшается от того, что это произведение рано или поздно разрушится. Аналогично, ценность поступка человека, спасающего жизнь другому человеку, ничуть не понижается от того, что этот – спасенный – человек когда-нибудь умрет. И ценность любви человека к другому человеку не терпит ущерба от того, что когда-нибудь жизнь этих людей закончится. Точно так же ценность достижения научной и философской истин не отрицается тем, что когда-нибудь они будут забыты или утеряны. Скорее наоборот, угроза небытия, хрупкость и смертность человека и творимого им ценностно-смыслового мира повышают их ценность, интенсифицируют у человека переживание их ценности и требуют от человека бережного отношения к ним. Что может быть выше человека и человечества, созидающих ценности и смыслы, несмотря на постоянную угрозу и неотвратимую перспективу небытия? Это созидание, по моему убеждению, следует уподобить не «пустоцвету», а чарующей мелодии во всегда безмолвной пустыне бесконечной Вселенной. Его можно уподобить также вспышке света, разрывающей вечный мрак неисчерпаемого универсума.

Литература

1. Ильенков, Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с.
2. Финогентов, В.Н. Трагический гуманизм: Очерки онтологические, антропологические и аксиологические. Орел: Картуш, 2012. 333 с.
3. Финогентов, В.Н. Человек на грани небытия: Философские этюды. Орел: Картуш, 2015. 247 с.

References

1. Ilyenkov, E. V. *Philosophy and Culture*. Moscow: Politizdat, 1991. 464 p.
2. Finogentov, V. N. *Tragic Humanism: Essays on the Ontological, Anthropological and Axiological*. Orel: Kartush, 2012. 333 p.
3. Finogentov, V. N. *The Man on the Brink of Nothingness: Philosophical Etudes*. Orel: Kartush, 2015. 247 p.

УДК 141.1

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-2-27-33

Вахитов Р. Р.

**БОРЬБА ЗА ИСТИНУ: КРИТИКА РЕЛЯТИВИЗМА
В УЧЕНИЯХ ОБ ИДЕАЛЬНОМ ПЛАТОНА И Э. В. ИЛЬЕНКОВА**

Вахитов Рустем Ринатович, кандидат философских наук, доцент. Башкирский государственный университет, ул. Заки Валиди, 32, г. Уфа, 32450076, Республика Башкортостан, Россия. E-mail: Rust_R_Vahitov@mail.ru

Аннотация

Учения об идеальном возникают в истории философии как ответ на вызов философского релятивизма. Так было в древнегреческой философии, когда Платон, отвергнув учение софистов о всеобщем становлении и относительности истины, ввел гипотезу эйдосов. Так было и в советской философии 1960-х, когда Э.В. Ильенков подверг критике учение Д.И. Дубровского о субъективности идеального, показав, что невозможно обосновать истину, и идеалы, и сам научный поиск без объективного существования идеального. В этом плане Платон и Ильенков при всем различии их концепций выступают как два представителя классической мысли.

Ключевые слова: Платон; Э.В. Ильенков; идеальное; истина; релятивизм; софистика; Д.И. Дубровский.

Vakhitov R. R.

**THE STRUGGLE FOR THE TRUTH: CRITICISM OF RELATIVISM
IN PLATO'S AND ILYENKOV'S DOCTRINE OF THE IDEAL**

Vakhitov Rustem Rinatovich, PhD in Philosophy, Associated Professor. Bashkir State University, 32 Zaki Validy St., 450076, Ufa, Russia, E-mail: Rust_R_Vahitov@mail.ru

Abstract

Teachings about the ideal occur in the history of philosophy as a response to the challenge of ethical relativism. So it was in ancient Greek philosophy, where Plato, rejecting the doctrine of the Sophists on the general formation and relativity of the truth, introduced the hypothesis of Eidos. So it was in the Soviet philosophy of the 1960s, when E.V. Ilyenkov criticized the doctrine of D.I. Dubrovsky, who treated the ideal as subjectivity. Ilyenkov showed that it is impossible to prove the truth, and the ideals and scientific research itself without the objective existence of the ideal. In this regard, Plato and Ilyenkov, no matter how different their concepts are, appear as two representatives of the classical thought.

Keywords: Plato; E.V. Ilyenkov; ideal; true; relativism; sophistry; D.I. Dubrovsky.

«...Философия, как особая наука, разрабатывала и разработала категорию “идеального” именно в связи с проблемой истинности...»
Э.В. Ильенков. Диалектика идеального¹

Введение. К сожалению, редко обращают внимание на то, что философские концепции, отстаивающие объективность идеального, возникают в истории философии как своеобразный ответ на нигилистическую атаку учений философского релятивизма. Так было и в античности, когда Платон создал свое учение об эйдосах, преодолевая релятивизм софистов.

Так было и в советской философии 1960-х, когда Ильенков создал учение об идеальном как моменте общественно-исторической практики, преодолевая своеобразный отечественный криптопозитивизм, скрывавшийся под маской марксизма. Рассмотрению этого философского сюжета и посвящена данная статья.

¹ [5, с. 231]

Платон и софисты. В советских диаматовских учебниках, а также в их современных косметически подправленных переизданиях философию Платона излагали и излагают так, что остается непонятно, зачем Платон, собственно, предложил гипотезу эйдосов. Так, в своем учебнике «Философия древнего мира» (2001), который представляет собой переработанный курс лекций по древней философии советского периода, А.Н. Чанышев пишет: «платоновский эйдос или платоновская идея <...> фактически объективированное понятие, это та же самая умственная идея, но только вынутая из человеческого сознания и перенесенная в некий вымышленный идеальный мир...» [9, с. 333]. Складывается впечатление, что ни с того, ни с сего – может под влиянием излишне бурной поэтической фантазии, а может, как злостный «идеолог рабовладельчества», желавший «сбить с пути истинного» «прогрессивных афинских трудящихся» – Платон вдруг заявил, что кроме мира материальных вещей, данного нам в чувственном опыте, есть еще и мир сверхопытный, идеальный, где «находятся» умопостигаемые аналоги материальных дерева, кошки или кровати.

Преподнесенная в таком донельзя упрощенном и заведомо проигрышном виде гипотеза эйдосов, конечно, превращается в легкую добычу для критики. И вот авторы учебников выставляют Платона наивным представителем еще лишь зарождающейся философии, который, наряду со скромными прозрениями, нес нелепости, очевидные сегодня даже студентам второго курса.

Конечно, Платон был и выдающимся художником, и идеологом афинской аристократии. Но при этом он был великим философом, значение которого не уменьшается по прошествии веков. И как таковой он стремился не просто к свободному полету фантазии, и тем более не к политической конъюнктуре, а к поиску философской истины. Перед Платоном стояла определенная проблема, которую поставили его предшественники в философии, софисты, и чтобы решить эту проблему, он и ввел гипотезу эйдосов. Если мы осознаем эту проблему, то мы поймем, что не такой уж Платон и наивный простакомечтатель, и что проблему эту решать надо независимо от того, соглашаемся ли мы с Платоном в его философских предпочтениях или нет, а решение это неизбежно влечет введение категории идеального бытия.

Платон формулирует эту проблему в разных диалогах, но мы обратимся к диалогу «Тезетет». Произведение это, если отбросить его художественный антураж¹, повествует о разговоре Сократа – в данном случае философской маски самого Платона – и талантливого мальчика Тезетета, ученика знаменитого математика Феодора. Они рассуждают о том, что такое знание и могут ли быть его источником только лишь ощущения. В сущности, диалог посвящен критике софистики, но это такая критика, которая направлена не на оглушение и принижение значения софистики, а, напротив, на то, чтобы показать ее, софистики, философскую глубину. Платоновский Сократ демонстрирует, что основоположник софистики Протагор был не какой-нибудь любитель дешевых парадоксов, а выдающийся мыслитель, который поставил проблему относительности истины.

Суть ее сводится к следующему. Взгляд на имеющиеся у нас мнения как на универсальные истины наивен и не выдерживает критики. Всякое знание основано на ощущениях, однако ощущения принадлежат конкретным людям: у одних людей они такие, а у других – иные. Скажем, мерзнущему кажется, что дующий ветер холодный, а немерзнущему – что теплый. Наивные догматики, считающие, что они располагают общезначимой истиной, думают, что первый заблуждается, а второй прав. Но из самих ощущений невозможно сделать подобный вывод: ощущения мерзнущего пусть и неприятнее, но не менее истинны, чем ощущения немерзнущего. Итак, по Протагору, каждый по-своему прав: «поверим Протагору, что для мерзнущего он холодный, а для немерзнущего – нет» [7, с. 204]. «Мера вещей человек» – провозглашает отец софистики, а отсюда очевидно, что «для каждого истинно то, что он представляет себе на основании своего ощущения» [7, с. 215]. Из этого легко сделать вывод, что не существует красоты как таковой, ведь одному женщина или ваза кажутся красивыми, а другому – нет; нет и справедливости как таковой, ведь то, что в одной стране или в одно время считается справедливым, в другой стране и в другое время таковым не считается. Вместо устойчивых ценностей мы получаем текучее море мнений. В итоге мы не

¹ В современном платоноведении есть «драматическая школа», которая придает особое значение художественной форме платоновских диалогов, и с ее точки зрения эта процедура выглядит спорно. Но мы сейчас не будем вдаваться в тонкости платоноведения и возьмем лишь «логический скелет» произведения Платона.

сможем даже толком что-либо сказать: «нам и остается быть связанными друг с другом так, что если кто скажет “нечто есть”, то он должен добавить, для чего “есть”, от чего “есть” и в отношении к чему “есть”, и то же самое, если он говорит “становится”. Само же по себе что-то существующее или становящееся ни сам он не должен называть, ни другому позволять это делать – так требует рассуждение, которое мы разобрали» [7, с. 214].

Но дело не только в том, что людей много и ощущения у них разные. Даже если взять одного человека, то всё равно мы сталкиваемся с большой трудностью. Ощущения нам открывают мир вещей, которые находятся в движении и становлении, и который в том виде, в котором он нам предстает, существует лишь по отношению к нам. Поэтому говорить о независимом, объективном существовании этого мира не приходится: «ничто не есть само по себе, но всё всегда возникает в связи с чем-то, а понятие “существовать” нужно отовсюду изъять, хотя еще недавно мы вынуждены были им пользоваться по привычке и по невежеству» [7, с. 210] – заявляет Сократ. Мы, воспринимая мир, как бы выхватываем на мгновение какой-либо один предмет и обозначаем его неизменным словом, а потом употребляем это слово, потому что думаем, что перед нами та же самая вещь. Однако и вещь сразу же изменилась, и мы сами, так что неизменный мир, бытие, существует лишь в мире слов, или, как мы бы сейчас сказали, лишь в нашем сознании. Платоновский Сократ предупреждает: «В согласии с природой вещей должно обозначать их в становлении, созидании, гибели и изменчивости. Поэтому если бы кто-то вздумал остановить что-либо с помощью слова, он тотчас же был бы изобличен» [7, с. 210].

Итак, объективный мир, открывающийся нам через органы чувств, текуч и изменчив, подобен Гераклитовой реке. О нем невозможно неизменное, точное, истинное знание, а если бы оно и было, его невозможно было бы выразить словами, потому что любые слова оказывались бы ложью. Сократ иронизирует: «приверженцам этого учения нужно учредить другую какую-то речь, поскольку в настоящее время у них нет слов для своих положений...» [7, с. 240].

Но здесь и скрывается проблема. Ведь это, очевидно, не так; знание о мире, пусть и относительное, возможно и вполне выразимо при помощи языка. Более того, мы можем даже утверждать, что одно мнение является более близким к истине, чем другое (хотя софисты, конечно, правы в том, что абсолютной истиной не

обладает во всей ее полноте ни один отдельный человек). Ведь есть разница между суждениями знатока и разглагольствованиями невежды. Протагор опровергает сам себя, когда, с одной стороны, говорит, что все мнения равноценны, а с другой стороны, считает себя и других софистов – мудрецами, а толпу – невеждами: Сократ иронизирует: «...с какой же стати, друг мой, Протагор оказывается таким мудрецом, что даже считает себя вправе учить других за большую плату, мы же оказываемся невеждами, которым следует у него учиться, – если каждый из нас есть мера своей мудрости?» [7, с. 215-216].

Итак, Протагор поставил проблему относительности того знания, что мы получаем при опоре на чувственный опыт. Протагор решил ее в ключе философского релятивизма, но это решение Платон признает неудовлетворительным, потому что тогда непонятно, каким образом мы можем выражать при помощи языка хотя бы относительные истины, откуда у нас берется представление о более или менее правдоподобных мнениях, на каком основании сам Протагор говорит, что в его учении есть хотя бы частица истины (которая там, безусловно, есть)?

Платон согласен с Протагором, что в чувственном текучем мире критерия для разграничения мнений нет, но именно потому кроме этого чувственного, материального мира есть и другой уровень реальности – царство эйдосов, *объективно существующее идеальное*. После прочтения «Теэтета» становится понятным, что Платон вводит гипотезу эйдосов (в других своих диалогах) не просто так, а прежде всего для того, чтобы объяснить познаваемость и выразимость этого мира, который был бы сплошным текучим неразличимым маревом, если бы в действительности – вне отдельного человеческого ума и конкретной индивидуальной речи – не существовало ничего неизменного, общего, универсального. Это неизменное, общее и универсальное – эйдосы, умопостигаемые сущности вещей, придающие им смысл и наполняющие смыслами и весь окружающий нас мир. Без эйдосов, объективного идеального, мы не могли бы различить большое и малое, истинное и ложное, справедливое и несправедливое, наш космос был бы хаосом. Как всегда, предельно ясно и глубоко пишет об этом А.Ф. Лосев: «Если данная вещь ничем не отличается от всякой другой вещи, то это значит, что мы не можем приписать ей ровно никакого свойства или качества, и тогда невозможно говорить о нашем познании этой вещи. Если мы знаем, что такое данная вещь, то, следовательно,

она есть для нас нечто, а если нечто, то и нечто определенное, а если нечто определенное, то, значит, и совокупность тех или иных свойств. Стол есть нечто деревянное, это – раз. Стол есть приспособление для разного рода бытовых целей, для принятия пищи, для чтения и письма, для целесообразного помещения и размещения разных предметов. Это – два. Вот совокупность всех этих существенных свойств стола и есть его идея. Ясно, что, если мы не понимаем устройства и назначения стола, то у нас нет и никакой идеи стола, то есть мы ровно ничем не можем отличать стол от стула, от дивана, от кровати, от стен комнаты, где находится стол, и т.д. Но мы вполне понимаем, что такое стол, каково устройство этого деревянного предмета и каково его назначение. Следовательно, если мы действительно познаем стол, то мы обладаем и идеей стола. Другими словами, идея вещи есть нечто существенно, жизненно и разумно необходимое для того, чтобы мы познавали эту вещь, общались с ней, пользовались ею, могли ее создавать, могли ее переделывать и могли ее направлять в тех или иных целях» [4, с. 39-40].

Разумеется, это только одна проблема, которая разрешается при помощи гипотезы эйдосов. Вместе с тем, великие философские гипотезы тем и велики, что они разрешают сразу, одним ударом, целую связку философских проблем. Платон это делает и с проблемой бытия, и с проблемой любви, и с проблемой государства – если есть вечные неизменные эйдосы, то получает свое объяснение существование вещей, тяга человека к прекрасному и к благу, справедливость как база государственного управления. В этом отношении интересна мысль Алана Бадью, который видит в платоновской «идее» «понятийный оператор», связывающий воедино четыре аспекта любой сколько-нибудь развитой философии: онтологию, эстетику, философию любви и философию политики (Бадью называет их: матема, поэма, любовь и политическое изобретение) [см.: 1, с. 20].

Э.В. Ильенков и Д.И. Дубровский. Тем из представителей младших постсоветских поколений, кто в наши дни обращается к полемике между Д.И. Дубровским и Э.В. Ильенковым по вопросу о бытии идеального, может показаться, что полемика эта, скорее, имела отношение к идеологии. Первое впечатление после прочтения статей оппонентов: их главным образом интересовало, кто лучше и правильнее понимает интерпретацию идеального в трудах Маркса, Энгельса и Ленина. Ильенков апеллирует к фразе Ленина о превращении

идеального в реальное и обвиняет Дубровского в вульгарном домарксовом материализме; Дубровский апеллирует к фразе Маркса о том, что идеальное есть материальное, пересаженное в голову человека, и обвиняет Ильенкова в гегельянстве. Кажется, что перед нами спор, значимый только для представителей марксистско-ленинской философии, которая давно уже растеряла своих сторонников и, правду сказать, сдана в архив истории науки.

Кстати, такое толкование произошедшего весьма выгодно для школы Дубровского. Сам главный оппонент Ильенкова в своих интервью, которые он дал уже после перестройки и падения СССР, неоднократно намекал, что он, дескать, ученый, который изучал феномен идеального сугубо научными средствами и лишь вынужден был использовать марксистскую фразеологию в силу условий того времени, тогда как Ильенков и его сторонники занимались навешиванием на него идеологических ярлыков. Складывается такая же ситуация, как с объяснением причин выдвижения Платоном гипотезы эйдосов. Бдительные советские диаматчики не в силах были понять, почему Платон «судваивает мир» и склонялись к тому, что это связано с его злостной сущностью идеолога рабовладельчества – мешал, мол, «прогрессивным афинским трудящимся» постичь материалистическую истину о мире, удерживал их в плену религиозных суеверий и тем самым «лил воду на мельницу» класса рабовладельцев. Дубровский так же до сих пор не в силах понять, почему Ильенков выступил против «столь очевидного», «научного» определения идеального, и не может ничего предположить, кроме того, что Ильенков якобы обнаружил в этом «научном определении» несоответствие с буквой некоторых высказываний Маркса и встал на защиту «буквы»...

В действительности всё, конечно, совершенно не так. Ильенков выступил против теории «субъективного идеального» Дубровского не столько потому, что был марксистом, сколько потому, что был вообще сторонником классической философии. Будь на его месте представитель любой другой вариации классической философии – например, религиозный философ-платоник, – и он с тем же пылом стал бы опровергать Дубровского. Просто ситуация в советской философии 1960-1970-х гг. была такова, что публично выступать можно было только с позиций марксизма, и религиозным платоникам никто не дал бы слова в официальной печати.

И подобно тому как Платон выдвинул гипотезу эйдосов для решения проблемы

относительности истины, которая была поставлена софистами, Ильенков тоже утверждает объективность идеального, дабы отстоять существование неизменных, всеобщих, абсолютных истины, добра и красоты. Собственно, он не скрываясь говорит об этом в своих работах. «Что нашему автору до того, что философия, как особая наука, разрабатывала и разработала категорию “идеального” именно в связи с проблемой истинности (курсив Ильенкова. – Р.В.) и что только в этой связи ее определения идеального и материального вообще имели и имеют смысл?» [5, с. 231] – иронизирует Ильенков над философской наивностью Дубровского и затем раскрывает эту мысль подробнее. «Хорошо известно, что теоретическая разработка категории “идеального” в философии была вызвана необходимостью установить, а затем и понять как раз то самое различие, которое, по Д.И. Дубровскому, “для характеристики идеального безразлично”, – различие и даже противоположность между мимолетными психическими состояниями отдельной личности, совершенно индивидуальными и не имеющими никакого всеобщего значения уже для другой личности, и всеобщими и необходимыми, и в силу этого объективными, формами знания и познания человеком независимо от него существующей действительности» [5, с. 232].

Действительно, Д.И. Дубровский сводил идеальное к субъективным психическим феноменам, которые, как и полагается всему субъективному, существуют лишь в голове человеческого субъекта. Ильенков приводит показательное определение, имеющееся в работах Д.И. Дубровского: «Идеальное — это психическое явление <...>; а постольку идеальное представлено всегда только в сознательных состояниях отдельной личности <...> Идеальное есть сугубо личностное явление, реализуемое мозговым нейродинамическим процессом определенного типа» [5, с. 230].

Обычно обращают внимание на момент вульгарного материализма, который, безусловно, присутствует в этом определении, но для нас сейчас важно другое, что также не ускользнуло от взора Ильенкова, – тенденция к философскому релятивизму, скрытая в трактовке идеального по Дубровскому. В самом деле, если идеальное принадлежит только отдельным человеческим личностям и тождественно их психическим феноменам, которые, ясно, у разных личностей различны, да и у одной и той же личности постоянно меняются или, как специально подчеркивает Ильенков, являются

«мимолетными», то никакого постоянного, неизменного, универсального идеального не существует. *А следовательно, не существует постоянных, неизменных, всеобщих истины или добра, или красоты, а есть лишь текущие изменчивые субъективные мнения об истине, добре и красоте у отдельных личностей.* Но тогда спрашивается: как возможна та самая наука, принадлежностью к которой так гордился Дубровский, противопоставлявший свой «научный», «точный», физиологический подход к проблеме идеального «абстрактному», «расплывчатому», «слишком философскому» подходу Ильенкова? Ведь еще Иммануил Кант показал, что законы природы, которые открывает естествознание, носят общезначимый, универсальный, общеобязательный характер и именно потому из опыта как совокупности текущих и субъективных ощущений они не выводимы. Кант в «Пролегоменах» в главе «Как возможно чистое естествознание?» прямо пишет: «... опыт, хотя и учит меня тому, что существует и как оно существует, но никогда не научает тому, что это необходимо должно быть так, а не иначе <...> Тем не менее мы действительно обладаем чистым естествознанием, которое a priori и со всей необходимостью, требуемой для аподиктических положений, излагает законы, коим подчинена природа» [6, с. 182].

Строго говоря, невозможно даже утверждать, что Дубровский поставил проблему относительности истины, для разрешения которой Ильенков ввел свою концепцию объективности идеального. Дубровский и его сторонники не обладали философской пронизательностью, глубиной и последовательностью греческих софистов, чтобы до конца осознать эту проблему. Они создали некий абрис современной криптопозитивистской софистической гносеологии, закамуфлированной под марксизм, в рамках которой все идеалы и ценности латентно сводились к текущим, мимолетным и субъективным психическим феноменам. Но они в полной мере даже и не поняли: к чему ведут их теоретические установки – вероятнее всего, в силу своей философской малограмотности и незнания философской классики – от Платона до Канта и Гегеля. Малограмотность же эта проистекала из сугубо позитивистской гордыни: зачем, мол, изучать философов-классиков, когда они якобы давно устарели, и пришло время использовать вместо архаичной диалектики новейшие научные – физиологические, лингвистические, кибернетические – теории? Ильенков верно подметил, что Дубровский даже не осознавал сути философской проблемы идеального и

пытался подменить ее сугубо научной проблемой из области физиологии высшей нервной деятельности: «Нетрудно понять, что понятие “идеального”, “конкретизированное” таким способом, превращается в простое название (“обозначение”) этого, очень специализированного, мозгового (нейродинамического) процесса, а философская проблема отношения “идеального” к “материальному” подменяется вопросом об отношении одного нейродинамического процесса к другим нейродинамическим же процессам, – специальной проблемой физиологии высшей нервной деятельности» [5, с. 231].

Непонимание это Дубровский продемонстрировал и через двадцать лет после начала дискуссии – в статье 1988 года «Категория идеального и ее соотношение с понятиями индивидуального и общественного сознания», где он писал: «если материальное означает объективную реальность, то тогда идеальное должно обозначать субъективную реальность» [8, с. 157]. Не совсем ясно, почему Д.И. Дубровский априори утверждает, что объективная реальность именно материальна, а не, скажем, идеально-материальна, ведь никакого доказательства этого он не приводит. Но даже если так – материальный мир отражается в человеческом сознании, и если мир вне человека объективен и в нем есть общезначимые универсальные, объективные закономерности, которые открывает наука, то эти характеристики должны отражаться и в сознании, в мире человеческого бытия; иначе получится, что закон природы объективен и общезначим, а человеческое суждение о законе природы субъективно и необязательно. А отсюда следует, что никакое познание, осмысление мира невозможно, поскольку научное и философское знание превращается в набор необязательных личных мнений.

Сравнительно недавно Д.И. Дубровский, правда, стал приближаться к осознанию этой проблемы; в статье 2007 года он наконец-то ставит проблему субъективной реальности и пытается ее решить с позиций своего «информационного подхода» [3]. Беда лишь в том, что все его рассуждения об информации как основе психических феноменов, о кодировании и раскодировании мозговых процессов снова бьют мимо цели: всё это так и не объясняет того, почему объективные мозговые процессы отражаются в субъективных психических феноменах. И это не говоря уже о том, что сами мозговые процессы даны нам не

непосредственно, а тоже в отраженном виде, как феномены сознания, пусть и лишенные образности и сведенные к математическим и биологическим моделям, а согласно позиции самого же Дубровского, всё, что находится в сознании – субъективно...

Собственно, это и пытался Ильенков объяснить Дубровскому, а Платон – софистам: без объективно существующего идеального мир был бы непознаваемой субъективной реальностью, но мы ведь познаем мир, пусть и не без ошибок, мы имеем общезначимое знание, универсальные критерии для различения явлений, значит, существует не только текущая и изменчивая реальность индивидуальных субъективных сознаний. Ильенков пишет: «Проблема идеальности всегда была аспектом проблемы объективности (“истинности”) знания, то есть проблемой тех и именно тех форм знания, которые обуславливаются и объясняются не капризами личностной психофизиологии, а чем-то гораздо более серьезным, чем-то стоящим над индивидуальной психикой и совершенно от нее не зависящим. <...> Вот эта-то своеобразная категория явлений, обладающих особым рода объективностью <...> и была когда-то обозначена философией как *идеальность* этих явлений, как *идеальное* вообще (курсив Э.В. Ильенкова – Р.В.). В этом смысле идеальное <...> фигурирует уже у Платона, которому человечество и обязано как выделением этого круга явлений в особую категорию, так и ее названием» [5, с. 232].

Разумеется, понимание идеального у марксиста Ильенкова и у мистика Платона различное, но это сейчас не суть важно, и это пока можно оставить за скобками нашего рассуждения. Главное, что и Платон, и Ильенков выдвинули свои концепции идеального в борьбе с софистическими течениями своего времени, грозившими утопить философию и вообще научное познание в болоте релятивизма. Платону это удалось – греческая философия вышла из тупика софистики и пошла торной дорогой классической мысли. Вслед за Платоном появился Аристотель, который не только систематизировал учение Платона, попытавшись разрешить его некоторые внутренние противоречия, но и систематизировал все имевшиеся к тому времени достижения в области естествознания и тем самым определил развитие конкретных наук на тысячелетие вперед.

Ильенкову это, увы, не удалось; и не его вина, что криптопозитивизм Дубровского и его сторонников, сначала скрывавшийся под маской

марксизма, заполнил советскую философию, а затем, в постсоветские времена, сбросил эту маску и открыл свое истинное лицо (Дубровский, как известно, теперь открыто заявляет о своей принадлежности к «аналитической философии сознания»). Сейчас в российской философии мы видим доминирование разного рода неопозитивистов, сторонников лингвистической и аналитической философии с одной стороны и постмодернистов разного толка с другой. И те и другие при слове «истина» высокомерно усмеваются, как и полагается софистам, считающим свое отрицание истины высшей истиной (так, В.П. Руднев снисходительно сообщает читателям «Независимой газеты»: «В своем определении реальности я сказал, что это настолько сложная разветвленная знаковая система, что простому человеку трудно понять, что реальность – это знаковая система. <...> Но как философ я понимаю, что реальность – это иллюзия» [2]). К сожалению, выступления сторонников классической диалектической философии, в позднесоветские времена с разных позиций критиковавших «Большую современную софистику» (А. Бадью) в ее латентном псевдомарксистском варианте и отстаивавших идеальное и идеалы – это были, конечно, со стороны марксистов Э.В. Ильенков и М.А. Лившиц, а со стороны религиозных мыслителей А.Ф. Лосев, – оказались мало кем услышанными. Однако борьба за классическую мысль в России еще не окончена.

Литература

1. Бадью, А. Манифест философии / Сост. и пер. с франц. В.Е. Лапицкого. СПб: Machina, 2003. 184 с.
2. Бойко, М. Реальность – это иллюзия. Интервью с В.П. Рудневым // Независимая газета. NG Ex libris. 24 июня 2010 г. № 23.
3. Дубровский, Д.И. Зачем субъективная реальность или «почему информационные процессы не идут в темноте?» (ответ Д. Чалмерсу) // Вопросы

философии. 2007. № 3. С. 90–104.

4. Лосев, А.Ф., Тахо-Годи, А.А. Платон и Аристотель. 3-е изд., испр. и доп. М: Молодая гвардия. 2005. 392 с.

5. Ильенков, Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с.

6. Кант, И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука / Пер. с нем. В.С. Соловьева // Кант, И. Трактаты. СПб: Наука, 1996. С. 147–258.

7. Платон. Теэтет. Пер. с древнегр. Т.В. Васильевой // Платон. Федон. Пир. Федр. Парменид. М.: Мысль, 1999. С. 192–274.

8. Плеханов, И.А. Д.И. Дубровский и Э.В. Ильенков: неоконченный спор о природе психики и идеальном // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 1(6). С. 153–162.

9. Чанышев, А.Н. Философия древнего мира. М.: Высшая школа, 2001. 703 с.

References

1. Badiou, A. *Manifesto for Philosophy*. St. Petersburg: Machina, 2003. 184 p.
2. Boiko, M. Reality – This is an Illusion. Interview with Vadim Rudnev. *Nezavisimaya gazeta. NG Ex libris*. June 24, 2010. No. 23.
3. Dubrovsky, D. I Why Subjective Reality or "Why Information Processes do not Go in the Dark?" (The Answer to D. Chalmers). *Voprosy filosofii*. No. 3 (2007). Pp. 90-104.
4. Losev, A. F., Takho-Godi, A. A. *Plato and Aristotle*. Moscow: Molodaya gvardiya. 2005. 392 p.
5. Ilyenkov, E. V. *Philosophy and Culture*. Moscow: Politizdat, 1991. 464 p.
6. Kant, I. Prolegomena to Any Future Metaphysics, which Might Occur as a Science. *Treatises*. St. Petersburg: Nauka, 1996. Pp. 147-258.
7. Plato. *Theaetetus. Phaedo. Feast. Phaedrus. Parmenides*. Moscow: Mysl, 1999. Pp. 192-274.
8. Plekhanov, I. A. D. I. Dubrovsky and E. V. Ilyenkov: Unfinished Debate on the Nature of Mind and the Ideal. *Bulletin of the N. I. Lobachevsky Nizhni Novgorod University*. No. 1(6) (2007). Pp. 153-162.
9. Chanyshev, A. N. *The Philosophy of the Ancient World*. Moscow: Vysshaya shkola, 2001. 703 p.

УДК 165.9

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-2-34-42

Зайцев Е. А.

ИДЕАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Зайцев Евгений Алексеевич, кандидат физико-математических наук, доцент.

Институт истории естествознания и техники Российской Академии наук им. С.И. Вавилова,
Старопанский переулок, д. 1/5, г. Москва, 109012, Россия. E-mail: e_zaitsev@mail.ru

Аннотация

В статье сделана попытка прояснить основное положение концепции идеального Э.В. Ильенкова, согласно которому идеальное является формой деятельности человека по преобразованию природы. В основу изложения положено восходящее к самому Ильенкову представление о том, что идеальное по-настоящему «живет» только в деятельности, «умирая» в готовом продукте этой деятельности (если этот продукт не вовлечен в новую деятельность). В статье эта мысль конкретизирована на примере создаваемого человеком механического движения. С этой целью в механическом движении выделены два основных аспекта, которые не проявляют себя в природном движении. Это – регулярная (прямолинейная или круговая) форма траектории и возможность достижения постоянства скорости (равномерности) движения. В статье показано, что данные идеальные аспекты не принадлежат изначально механическому движению, но лишь постепенно выявляются (создаются искусственно) в ходе исторического развития техники. В качестве основного примера рассмотрен генезис токарного станка. Кроме того, проанализирован тезис Аристотеля, согласно которому техника подражает природе; рассмотрена его судьба в Средние века и раннее Новое время. Показано, что техника вступает в противоречие с тезисом Аристотеля, начиная с XV–XVI вв., вследствие реализации в механических устройствах этого периода идеального движения.

Ключевые слова: идеальное; история механики; идеальное движение; техника; природа; аристотелизм.

Zaytsev E.A.

AN IDEAL MOTION

Zaytsev Evgeny Alekseevich, PhD in Physics and Mathematical Sciences, Associate Professor.

S. I. Vavilov Institute of History of Science and Technology, the Russian Academy of Sciences,
1/5 Staropansky Lane, Moscow, 109012, Russia. E-mail: e_zaitsev@mail.ru

Abstract

In this paper, an attempt is made to explicate the main point of E. Ilyenkov's concept of ideality, according to which ideality is a form of human activities aiming at transforming nature. The argumentation is based upon Ilyenkov's own idea that ideality is really "alive" in activities only, dying, as it were, in the finished products (if they are not involved in new activities). In the paper, this idea is specified by using an example of artificial (mechanical) motion. In mechanical motion two main aspects are singled out which do not manifest themselves in natural motion. These are a regular form of the trajectory and the possibility of the realization of a uniform motion. Such aspects did not belong to mechanical motion from the very outset but were gradually revealing themselves (being artificially created) in the course of technical development. To specify this thesis, the genesis of the lathe is taken into account. Besides that, a famous Aristotelian dictum "ars imitatio naturae" and its historical fate in the Middle Ages and the Early Modern Times is analysed. It is shown that technique in its development from the 15th-16th centuries onwards, started to contradict this dictum which is due to the fact, that exactly at that time both ideal aspects of mechanical motion have finally become manifest.

Keywords: ideality; history of mechanics; ideal motion; technique; nature; Aristotelian philosophy.

Согласно Э.В. Ильенкову, *идеальное* есть категория, относящаяся к материальному миру. Идеальное, однако, не «выводится» из *природы* (греч. *physis*, лат. *natura*), существующей независимо от человека, но «встроено» в деятельность человека по преобразованию природы, т.е. имеет не *природное*, но *техническое* происхождение (греч. *techne*, лат. *ars*; термин «техника» будет использоваться нами в его античном значении – как искусственное вообще, противопоставляемое естественному или природному). Тезис о том, что идеальное «выводится» из деятельности человека, предполагает наличие в этой деятельности таких характеристик, которые свойственны только ей. Иными словами, они должны отграничивать эту деятельность от процессов, протекающих в природе.

Задача нахождения таких характеристик сталкивается со следующими трудностями. Во-первых, они лишь постепенно проявляются по ходу совершенствования технической деятельности. Поэтому приходится держать в поле зрения всю цепочку технического развития. Другая трудность состоит в том, что источники по истории техники обычно не содержат информации об идеальной стороне технического. Создавая артефакты, творцы исторических форм техники почти никогда не оставляли «следов», которые могли бы раскрыть логику их действий. В тех редких случаях, когда рефлексия над собственной деятельностью присутствует, она либо некритически следует за вульгарной версией аристотелизма, согласно которой искусство есть подражание природе (см. ниже), либо просто фантастична. Особенно это относится к технике античности, средневековья и начала Нового времени. Третья трудность состоит в том, что в самой философии нет развернутого ответа на вопрос о сущности технического (сравнимого по масштабу с ответом на вопрос о сущности капитала). Ряд глубоких замечаний, принадлежащих К. Марксу, а еще раньше Гегелю, в которых содержатся указания на связь между техникой и природой и одновременно на наличие противоположности между ними, в силу своей фрагментарности, дают лишь общий абрис проблемного поля¹. Поэтому в современном

¹ К. Акселос писал, что Маркс, намеревавшийся прояснить вопрос о сути технического, такого объяснения не представил [7, р. 55].

марксизме имеет место и точка зрения М.А. Лифшица, диаметрально противоположная ильенковской, согласно которой техническое является «стилизацией процессов природы» [6, с. 123]. Идеальное при этом «выводится» непосредственно из природы, ибо нет смысла «выводить» его из того, что является онтологически вторичным.

Наиболее разработанной по-прежнему остается концепция Аристотеля. В ней Аристотель исходит из того, что сущее есть то, что несет в себе принципы своего «движения», т.е. изменения, направленного на обретение соответствующей формы. Поскольку воспроизведение собственных форм является прерогативой природы, сущее полностью исчерпывается ею. Техника, которая такой способностью не обладает (созданное столяром деревянное ложе не может породить другое ложе), оказывается тем самым за рамками подлинно сущего. Она лишь копирует отдельные аспекты природных процессов.

Аристотелевский тезис «искусство (*techne*) подражает природе» (*Физ.* II 2, 194a21; II 8, 199a17; *Метеор.* IV 3, 281b7) сохранял свое парадигмальное значение на протяжении всей античности. Он оставался общепризнанным и в средние века², несмотря на то что в данный период самостоятельность природы была ограничена догматом Творения, а точнее, положением о так называемом «продолжающемся творении» (*creatio continua*), а границы технического мира, напротив, колоссально расширились за счет широкого использования механических устройств (мельниц различного назначения и т.д.) [14, 15].

Некритическое отношение к аристотелевской точке зрения объясняется тем, что перипатетическая концепция являлась своего рода «образом» (отражением) того раннего этапа в развитии техники, на котором характерные для техники идеальные моменты еще не проявили себя. Это обстоятельство и позволяло Аристотелю использовать при анализе природных процессов понятия, имевшие ярко выраженные технические коннотации, а зачастую и происхождение («форма», «материя», четыре

² Гуго Сен-Викторский (XII в.): «Есть три рода деятельности, а именно действие Бога, действие природы и действие ремесленника, подражающего природе» (*Didasc.* I, 9) [11, col. 747C].

«причины» движения и т.д.). Анализируя природу в терминах техники, Аристотель тем самым навязывал ей техническую структуру. Ситуация начала меняться в XV–XVI вв., когда практическая механика вышла на более высокий уровень развития по сравнению со своей античной и средневековой предшественницей. Именно тогда в ней проявились те ключевые моменты, которые позволяют отграничить искусственное от природного. И хотя до научно-философского осмысления этой метаморфозы дело не дошло, сомнения в адекватности аристотелевской формулы о подражательном характере «искусства» были в этот момент впервые сформулированы (Николай Кузанский, Леонардо да Винчи) [2].

***

Согласно Ильенкову, выражения «материальный объект» или «вещь», употребляемые с целью прояснения понятия идеального, относятся не только к предметам, но и к движениям (процессам), состояниям, событиям и т.д., иными словами, они могут обозначать и статическую, и динамическую реальность [3, с. 258; 4, с. 235]. Такое расширительное толкование слова «вещь» нужно Ильенкову, чтобы подготовить читателя к восприятию совершенно оригинальной мысли о том, что идеальное на самом деле «живет» не в застывших артефактах, но в самой деятельности, в которую эти артефакты вовлечены. «Самое комическое, – пишет Ильенков, – заключается в том, что любая разновидность фетишизации словесно-символического существования идеального не схватывает самого идеального как такового. Она фиксирует результаты человеческой деятельности, но не самую деятельность. Поэтому она схватывает не само идеальное, а только его отчужденные во внешних предметах или в языке, застывшие продукты. И неудивительно: *идеальное, как форма человеческой деятельности, и существует только в деятельности*, а не в ее результатах, ибо деятельность и есть постоянное, длящееся отрицание наличных, чувственно воспринимаемых форм вещей, их изменение, их снятие в новых формах, протекающее по всеобщим закономерностям, выраженным в идеальных формах. Когда предмет создан, потребность общества в нем удовлетворена, а деятельность угасла в ее продукте, умерло и самое идеальное» [4, с. 223].

Итак, согласно Ильенкову, идеальное обретается не в сфере «застывших» предметов, даже если эти предметы артефакты, но лишь в движениях, в частности, в движении, которое совершается с целью придания некоторой вещи новой формы (вопрос о движениях, связанных с потреблением артефактов, хотя он крайне важен, мы здесь оставим в стороне). Именно эту мысль Ильенкова мы и попытаемся конкретизировать в оставшейся части статьи. С этой целью мы рассмотрим феномен механического движения. Область механики выбрана потому, что в ней наиболее выпукло (и одновременно в элементарной форме) проявились те идеальные аспекты технического движения, которые, как нам представляется, мог иметь в виду Ильенков.

***

Во всяком механическом перемещении присутствуют два формальных момента. Первый связан с формой пройденного пути, второй – с формой интенсивности или скорости. Форма пути есть та геометрическая фигура, которая описывается телом при его перемещении (траектория движения). Форма скорости есть некоторое присущее движению «качество», определяемое степенью его равномерности. Совокупность этих двух форм средневековая схоластика называла просто «формой» движения.

До начала Нового времени в натурфилософии обсуждались лишь самые элементарные формы движения. В качестве формы пути фигурировали, в основном, прямая линия и окружность, а в качестве формы скорости – равномерное и равноускоренное (равнозамедленное) движение. Для обозначения последних средневековые схоласты создали специальные термины – *униформное* и *униформно-дифформное* движение, подчеркивающие наличие (отсутствие) соответствующего формального момента. Классическая античность этих терминов не знала.

Начнем с указания на то, что эти элементарные характеристики движения не могут быть «выведены» из наблюдения за природным движением. Так, в природе как таковой нет движения по прямой (свободное падение тяжелого тела – случай особый, требующий отдельного обсуждения). В ней также нет движения по окружности. Отрицательно решается и вопрос о наличии в

природном движении указанных форм скорости. Это обстоятельство отметил еще Аристотель, указывавший на то, что во всяком естественном движении присутствует ускорение, которое наступает либо в начале, либо в конце, либо в середине (*О небе* II б, 288a17–21). Это высказывание будет неоднократно повторено средневековой схоластикой, для которой невозможность природного движения с постоянной скоростью станет поводом для отнесения равномерного перемещения к сфере абсолютного Божественного могущества (*potentia Dei absoluta*) или, говоря философским языком, логически возможного (*possibile logicum*) [10, fol. 108].

Античность и средневековье допускали возможность равномерного движения лишь в отношении вращения (последней) небесной сферы. Обосновывалась такая возможность ссылкой на особые свойства небесной материи и волевой характер двигателей (интеллигенций в перипатетизме, ангелов в средневековой схоластике). Что касается прочих небесных сфер, то для описания их движения использовались композиции, состоящие из нескольких круговых движений, осуществлявшихся теми же двигателями (интеллигенциями), не знавшими усталости и не встречавшими сопротивления со стороны движимых тел. Впрочем, соответствующие построения имели в античности и в средние века статус гипотез, «спасающих феномены», т.е. заслуживающих доверия с точки зрения практического использования, но не претендующих на выражение истинного положения дел.

В природе также не существует равноускоренного и равнозамедленного движения. Во всяком случае, без активного вмешательства в ее процессы такого рода движения не могут быть выявлены. Все пространственные рассуждения схоластов о таких движениях, включая способы их сведения к равномерным (так называемая «теорема о средней скорости»), носили абстрактно-логический характер. Они относились к некоторой гипотетической природе, которую мог бы создать Творец, привнеся в нее специальные условия постоянства сил и движений. Не случайно, что гипотеза о равноускоренном падении тел – первая попытка применения этого вида движения к описанию физической

реальности – была сформулирована лишь в середине XVI в. (Доминго де Сото). В этот период на природу уже смотрели через призму технической механики. Когда же встал вопрос о ее обосновании, то с этой целью Галилей создал целый арсенал технических средств, включавших наклонные плоскости, отполированные желоба, цепочки и т.д.

Регулярные параметры движения (путь и скорость) могли проявить себя только в сфере технической механики. Для этого, однако, было необходимо, чтобы сама механика достигла определенного уровня развития. В этой статье мы ограничимся примером, который относится к развитию технологии вытачивания предметов определенной формы, в данном случае шаров. Этот пример выбран по двум причинам. Во-первых, практика вытачивания шаров получила в начале Нового времени широкое распространение – источники изобилуют ссылками на нее [1, с. 664; 5, т. 2, с. 252; 8, fig. VII-X; 11, art. Der Holzdrechsler; 13, art. Tornarius. Der Holzdreher]. Во-вторых, токарный станок, использовавшийся для вытачивания шаров, был той идеальной вещью, которая, оставаясь собой, выражала *всеобщую природу* других механизмов. Более точно: в работе токарного станка проявились законы движения, лежащие в основе ряда других механических устройств.

Изначально процесс вытачивания предметов определенной формы состоял в обработке заготовки, находящейся в руке мастера, при помощи стамески или ножа. Принципиальное различие между техническим и естественным движением, приводящим к одной и той же форме, проявляется уже на этом этапе. Техническое движение состоит в *уменьшении* материи посредством действием *извне*, в то время как естественное – рост плода апельсина и т.д. – в ее *увеличении изнутри*. Однако формальные моменты технического движения здесь еще отсутствуют. И траектория, и интенсивность искусственного движения, осуществляемого режущим инструментом, остаются нерегулярными.

Иначе обстоит дело, когда для изготовления шара используется токарный станок, в конструкции которого сочетаются два вида движения – обрабатываемой заготовки по окружности и резца по прямой. Ключевой момент состоит в том, что человек при этом

заставляет заготовку двигаться по окружности, т.е. неестественным образом. Вот здесь-то и возникает возможность создания идеального движения, т.е. движения по регулярной траектории и с постоянной скоростью. Реализуется она не сразу, но постепенно, в несколько этапов.

В своем историческом развитии токарный станок прошел три основные стадии, каждая из которых приносила в его функционирование новый формальный элемент, способствовавший повышению степени идеальности движений. Сначала использовался станок лучкового типа, в котором вращение вала и шпинделя, на котором крепится заготовка, происходило попеременно в одну и в другую сторону. Рабочий ход при этом сменялся холостым ходом, который вызывался

выпрямлением «лука», натягивавшимся во время рабочего хода. Последнее обстоятельство имело свои «человеческие» преимущества – во время холостого обратного хода токарь успевал передохнуть. Лучковые станки, происхождение которых относят ко временам античности (если не древности), получили широкое распространение в средние века и раннее Новое время (рис. 1, 2). «Логическое» значение связанного с ними этапа в развитии практической механики состоит в том, что в станках лучкового типа была реализована круговая форма движения. Однако проблема регулировки скорости в таких станках в принципе не могла быть решена: вращение вала в разных направлениях неизбежно приводило к неравномерности движения.

Рис. 1. На миниатюре из «Морализующей Библии» (Bible moralisée, 1220-1230 гг.) изображен токарный станок лучкового типа. Сцена служит иллюстрацией к строкам «руце его обточены златы» (Песнь песней 5.14). Поводом для изображения станка стало использование в латинском тексте технического термина *tornatiles*, означающего «выточенные на токарном станке» (от глагола *tornare* – вращать).

Fig. 1. The miniature from The Moralized Bible (Bible moralisée, 1220-1230) shows a lathe of arched type. The scene illustrates the rows "his hands – gold rings" (Song of Songs 5.14). The reason for the machine image was the use of the Latin text of the technical term "tornatiles", meaning "carved on a lathe" (from the verb *tornare* – rotated).

Рис. 2. На гравюре Йоста Аммана из «Книги сословий и ремесленников» (1586) изображен токарь, вытачивающий шар на станке лучкового типа. В тексте: «Я вытачиваю из букового дерева ... для крестьян шары и кегли» [12, art. Der Holzdrechsler].

Fig. 2. The Jost Amman' engraving from "Book of classes and artisans" (1586) depicts a turner, sharpening the ball on the arched type machine. In the text: "I turned from beech wood ... bowling balls and bowls for farmers" [12, art. Der Holzdrechsler].

Следующий этап в развитии токарного станка относится к XVI в. В станках, созданных в этот период, происходит преодоление основных недостатков станков лучкового типа –

разностороннего вращения и холостого хода. Происходит это путем реализации одностороннего вращения. «Логическое» значение этого обстоятельства состоит в том, что

теперь становится возможной регулировка скорости, в частности, превращения неравномерного движения в равномерное. Первое изображение станка с односторонним вращением мы находим на рисунке из записной книжки Леонардо да Винчи. Одностороннее вращение

осуществляется посредством кривошипно-шатунного механизма, преобразующего поступательное движение ноги и, соответственно, педали, во вращательное движение рабочего вала, а регулировка скорости достигается использованием махового колеса (рис. 3).

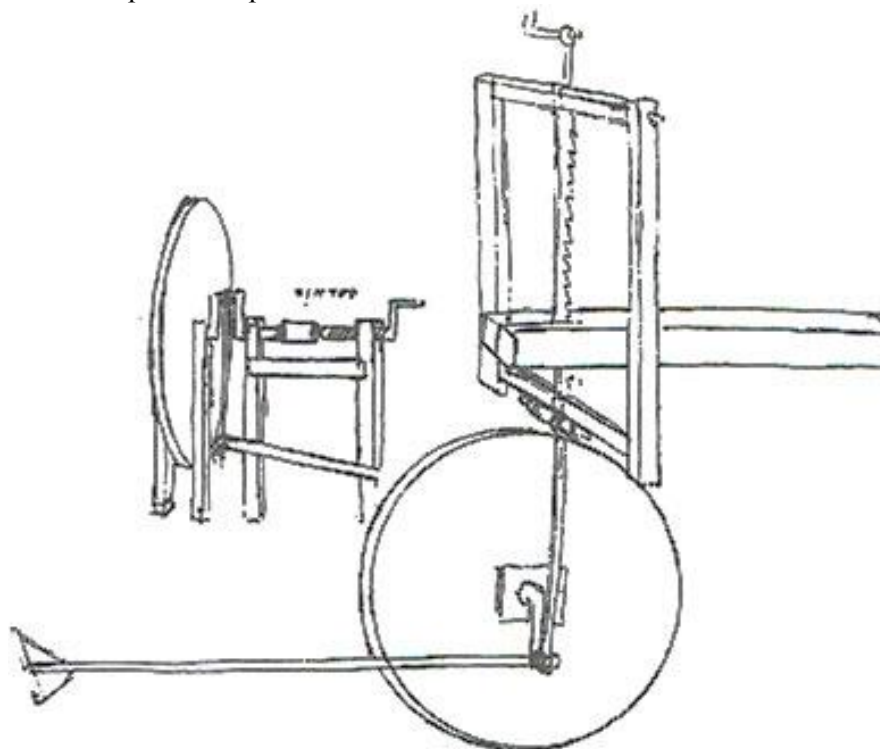

Рис. 3. На рисунке из «Атлантического кодекса» Леонардо да Винчи (ок. 1500) изображены токарный станок и механическая пила, снабженные кривошипно-шатунным механизмом и маховым колесом. В станке кривошип используется для преобразования поступательного движения во вращательное, а в пиле, наоборот, – для преобразования вращательного движения в поступательное.

Fig. 3. The figure from the "Atlantic Code" by Leonardo da Vinci (about 1500) shows a lathe and a mechanical saw fitted with a crank mechanism and a flywheel. The machine uses a crank to convert rotational motion into translational and vice versa in a saw – to convert rotary motion into linear.

В XVI в. применение кривошипно-шатунных механизмов и маховых колес, сменивших более примитивные маховые грузы, не ограничивалось токарным станком, но распространялось и на другие технические устройства (рис. 4, 5). Оба эти элемента сохраняют свое «идеальное» значение и в современной механике. Так, маховое колесо, обеспечивающее движение вала по инерции, и сейчас выполняет функцию регулировки скорости вращательного движения. Роль кривошипно-шатунного механизма, преобразующего поступательное движение во вращательное, еще более очевидна. Особенно большое значение имеет совместное

применение этих двух элементов. Дело в том, что технические средства для обеспечения *равномерности* поступательного движения весьма ограничены, поэтому его регулировка обычно достигается посредством преобразования во вращательное, которое регулируется затем при помощи махового колеса. *Обратное* преобразование приводит к равномерному поступательному движению (простейший пример – движение повозки или автомобиля). Кривошипно-шатунный механизм и маховое колесо являются идеальными элементами почти всех машин, в которых происходит преобразование движений и обеспечение постоянства скорости.

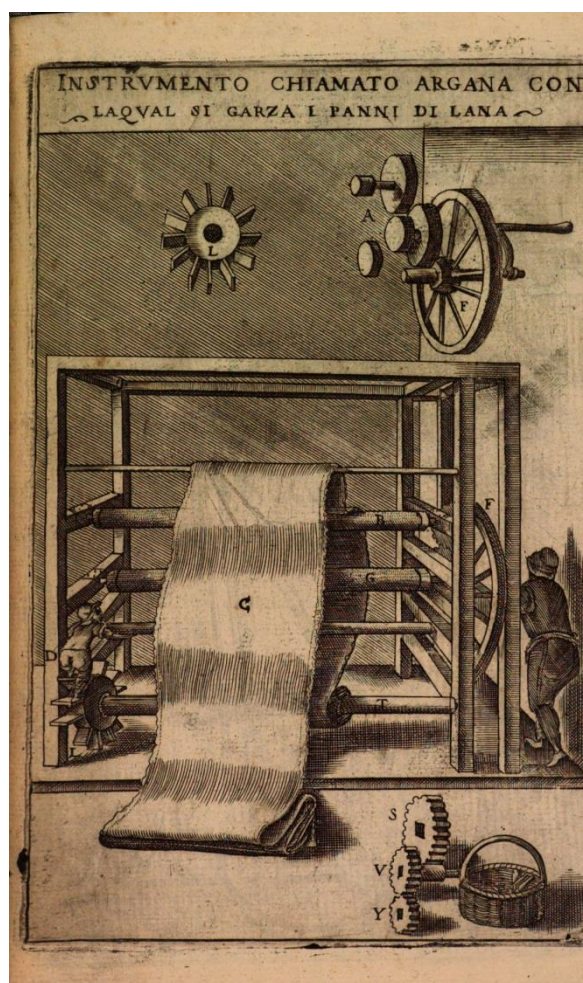

Рис. 4. Машина для чесания шерстяных сукон, снабженная маховиком (F). Значение маховика подчеркнуто его отдельным изображением в правом верхнем углу. Из книги Витторио Дзонки «Новый театр машин» (1607) [16, p. 96].
Fig. 4. The machine for carding wool felts provided with a flywheel (F). The value of the flywheel is emphasized with its separate image in the upper right corner. From the book by Vittorio Dzonki "New machines Theatre" (1607) [16, p. 96].

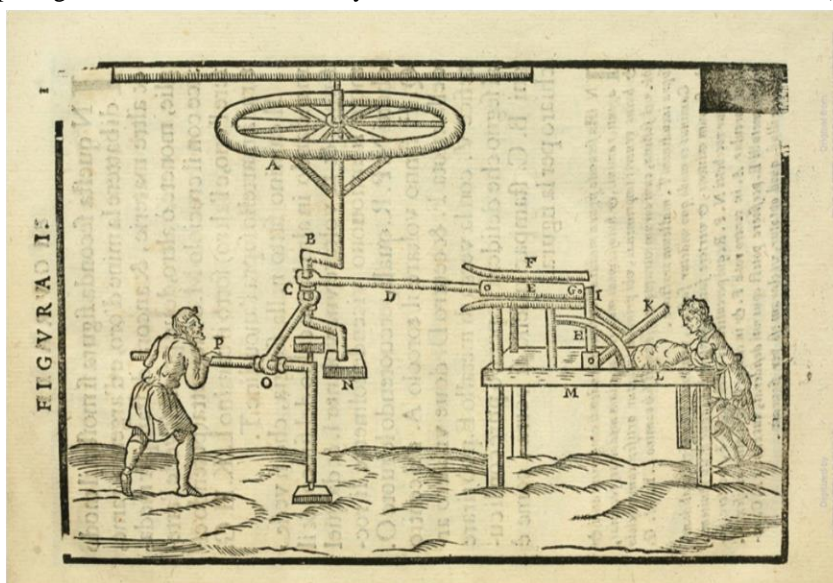

Рис. 5. Тестомесильная машина, снабженная кривошипно-шатунным механизмом (BCD) и маховиком (A). Из книги Джованни Бранки «Машины» (1629) [9, fig. 1].
Fig. 5. A dough mixing machine equipped with a crank mechanism (BCD) and a flywheel (A). From the book by Giovanni Branca "Machines" (1629) [9, fig. 1].

Третий этап в развитии токарного станка связан с введением суппорта, на котором крепится резец. Это позволяет сделать движение резца более плавным, а в пределе абсолютно равномерным или подчиняющимся заданному закону (в станках с ЧПУ¹). В современном токарном станке суппорт может быть закреплен на поворотном круге, который вращается в плоскости, перпендикулярной плоскости вращения заготовки. На таком станке можно выточить «идеально» круглый шар, чего в принципе нельзя было достигнуть при использовании его исторических предшественников. Можно сказать, что станок с суппортом на поворотном круге завершает историю практического освоения одного из древнейших «идеальных» объектов. Шар, известный со времен греческой математики исключительно в своей абстрактной ипостаси, превратился, наконец, в материальный объект. Благодаря использованию технического движения «идеальная» форма обрела свой материальный носитель.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Тема грантовой заявки: «От средневековой науки о движении к механике Галилея: социокультурные предпосылки развития». Проект № 15-03-00218а.

Литература

1. Вазари, Дж. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. М.: Альфа-книга, 2008. 1280 с.
2. Зайцев, Е.А. У истоков теоретической механики: история превращения технического искусства в научную дисциплину (Античность, Средневековье, начало Нового времени) // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция (2015). Т. 1: Общие проблемы развития науки и техники. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 132–141.
3. Ильенков, Э.В. Об эстетической природе фантазии // Вопросы эстетики. Вып. 6. М.: Искусство, 1964. С. 224–277.
4. Ильенков, Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с.
5. Николай Кузанский. Сочинения в 2-х тт. М.: Наука, 1979.
6. Лифшиц, М.А. Об идеальном и реальном // Вопросы философии. 1984. № 10. С. 120-145.
7. Axelos, K. *Alienation, Praxis, and Techne in the Thought of Karl Marx*. Austin&London: University of Texas Press, 1977. 464 p.

8. Besson, Jacques. *Theatrum instrumentorum et machinarum*. Lugduni, 1582. 127 p.
9. Branca, Giovanni. *Le Machine*. Roma, 1629.
10. Buridanus, Johannes. *Subtilissime questiones super octo libros physicorum Aristotelis*. Paris, 1509.
11. Hugo de St. Victore. *Didascalicon / Patrologia latina*. T. 176. Paris, 1854. Coll. 770-812.
12. Sachs, Hans, Amman, Jost. *Eygentliche Beschreibung aller Stände .... Frankfurt am Main*, 1568.
13. Schopper, Hartmann. *Panoplia omnium illiberalium mechanicarum ... artium*. Frankfurt am Main, 1568.
14. White, L. *Medieval Technology and Social Change*. Oxford: Clarendon Press, 1962. 224 p.
15. White, L. *Medieval Religion and Technology*. Berkeley: University of California Press, 1978. xxiv,360 p.
16. Zonca, Vittorio. *Novo Teatro di Machine*. Padova, 1607.

References

1. Vasari, J. *Lives of the Most Excellent Painters, Sculptors, and Architects*. Moscow: Alfa-kniga, 2008. 1280 p.
2. Zaytsev, E. A. At the Root of Theoretical Mechanics: the History of Art in the Technological Transformation of Scientific Discipline (Antiquity, Middle Ages, Early Modern Times). *S. I. Vavilov Institute of History of Science and Technology. The Annual Scientific Conference (2015)*. Vol. 1. Moscow: LENAND, 2015. Pp. 132-141.
3. Ilyenkov, E. V. The Aesthetic Nature of Fantasy. *Aesthetics Questions*. Iss. 6. M.: Iskusstvo, 1964. Pp. 224-277.
4. Ilyenkov, E. V. *Philosophy and Culture*. Moscow: Politizdat, 1991. 464 p.
5. Nicholas of Cusa. *Works in 2 vols*. Moscow: Nauka, 1979.
6. Lifshitz, M. A. On Ideal and the Real. *Voprosy filosofii*. No. 10 (1984). Pp. 120-145.
7. Axelos, K. *Alienation, Praxis, and Techne in the Thought of Karl Marx*. Austin&London: University of Texas Press, 1977. 464 p.
8. Besson, Jacques. *Theatrum instrumentorum et machinarum*. Lugduni, 1582. 127 p.
9. Branca, Giovanni. *Le Machine*. Roma, 1629.
10. Buridanus, Johannes. *Subtilissime questiones super octo libros physicorum Aristotelis*. Paris, 1509.
11. Hugo de St. Victore. *Didascalicon. Patrologia latina*. Vol. 176. Paris, 1854. Coll. 770-812.
12. Sachs, Hans, Amman, Jost. *Eygentliche Beschreibung aller Stände .... Frankfurt am Main*, 1568.
13. Schopper, Hartmann. *Panoplia omnium illiberalium mechanicarum ... artium*. Frankfurt am Main, 1568.
14. White, L. *Medieval Technology and Social Change*. Oxford: Clarendon Press, 1962. 224 p.
15. White, L. *Medieval Religion and Technology*. Berkeley: University of California Press, 1978. xxiv, 360 p.
16. Zonca, Vittorio. *Novo Teatro di Machine*. Padova, 1607.

¹ Числовое программное управление – компьютеризованная система управления.

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-2-43-46

Laufer K. M.

CONSCIOUSNESS AS A NECESSARY ELEMENT OF EVOLUTION OF THE COSMOS

Laufer Konstantin Markovich, PhD in Philosophy, Associate Professor. I.M. Sechenov First Moscow State Medical University, 8-2 Trubetskaya St., Moscow, 119991, Russia. E-mail: klaufer@yandex.ru.

Abstract

The article considers the ideas of the early work of E.V. Ilyenkov «Cosmology of the Spirit» of necessity and inevitability of matter to create consciousness. Dialectics of subject responses to impacts of the outside world is represented from the materialist point of view: from mechanical response in inanimate nature to subject and activity-oriented nature of human consciousness. Differences between human and animal psyche and human thinking were highlighted using the ideas of G. Lukács on the I'-signaling system of a person. The basis for specification of the mechanism to implement the cosmic role of humanity in the course of evolution foreseen by E.V. Ilyenkov lies in the principle of human-to-environment energy exchange increase. It was shown that misunderstanding of nature of consciousness leads to wrong decisions when selecting key areas to implement scientific and technical progress, in particular in development of artificial intelligence.

Keywords: Ilyenkov; consciousness; ideal; aesthetic; psyche; scientific activities; Big Bang; artificial intelligence.

Лауфер К. М.

СОЗНАНИЕ КАК НЕОБХОДИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ЭВОЛЮЦИИ КОСМОСА

Лауфер Константин Маркович, кандидат философских наук, доцент. Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова, Трубецкая ул., д. 8, стр. 2, Москва, 119991, Россия. E-mail: klaufer@yandex.ru.

Аннотация

В статье развиваются идеи ранней работы Э.В. Ильенкова «Космология духа» о необходимости и неизбежности порождения материей сознания. С материалистических позиций представлена диалектика развития реакций субъекта на воздействия внешнего мира: от механического отражения в неживой природе до предметно-деятельностной природы человеческого сознания. Показано отличие человеческой психики и мышления от психики животного, в том числе с использованием идей Д. Лукача об I'-сигнальной системе человека. В основу уточнения механизма реализации космической роли человечества в ходе эволюции, предвиденной Э.В. Ильенковым, положен принцип возрастания масштабов энергетического обмена человека со средой благодаря научно-техническому прогрессу. Показано, что неверное понимание природы сознания приводит к ошибочным решениям при выборе главных направлений реализации научно-технического прогресса, в частности, в области разработки искусственного интеллекта.

Ключевые слова: Ильенков; сознание; идеальное; эстетическое; психика; научная деятельность; Большой взрыв; искусственный интеллект.

The necessity and inevitability of matter to create consciousness was sensitively noted in the early text of E.V. Ilyenkov «Cosmology of the Spirit» [6]. The aim is to justify the inevitability and this necessity without references to infinity of time and space and the concept of duty of a thinking spirit to mother-nature, as later acted E.V. Ilyenkov.

Evolutionary development of the Cosmos here is understood as a dialectical removal of lower forms of motion by higher forms of motion - from the simplest mechanical form of interaction between physical

bodies to the social form of motion which creates the phenomenon of consciousness. Consciousness is a purely humane phenomenon as it is the ideal side of activity of a public person in forms of the external world to meet the needs which appeared in the course of labor and go beyond the boundaries of its biological body.

However higher animals that do not have consciousness moves along shapes of the external world (contours and geometric arrangement of objects in space) as well.

The principal difference includes three points that animals are lacking:

1. Society. Consciousness is created by non-biological and social needs. Every single person is a specifically general unity of an individual biological body and the a body of culture in which it operates;

2. Language. Development of abstract representations and semantic-symbolic forms of communication and learning means that it is not necessary for every human individual to independently pass all the way to knowledge of the world around him;

3. I'-signaling system of a person. Aesthetic attitude towards reality and its highest manifestation - art are associated with imagination, foresight, intuition and imaginative grasp of the whole.

Human - is a phenomenon of cosmic scale. Of the most complex forms of the ideal - the aesthetic is the very expression of this phenomenon. It can be understood if we take the position of G. Lukács on the role of the third I'-signaling system in development of the world by men [8, S. 5-179]. Using imagination mechanisms a human includes effects and regions of surrounding world available only to his contemplation but not directly exposed in the scope of his/her experience and human culture expanding its borders to perceived universe. «Das spezifisch Ästhetische setzt einerseits, wie bereits aufgeführt, objektiv und subjektiv eine relative Höhe in der Entfaltung dieser Tendenz voraus, löst sich jedoch andererseits vom hier geschilderten allgemeinen Fonds langsam als selbständige gesellschaftlich-menschliche Ausdrucksweise ab, da es objektiv wie subjektiv in jeder einzelnen Äußerung einen-freilich relative, tendenzartigen – totalen Charakter, eine Intention auf Ganzheit besitzt» [7, S. 218]. And in his theoretical consciousness using the power of logic and imagination, a human opens areas inaccessible for direct perception: multidimensional spaces, black holes, quantum phenomena, etc. In the process of scientific knowledge the aesthetic expresses its universal nature, aesthetic plays the role of foresight and indicator of truth which is available for perception of a developed subject. «Concerning the fruitfulness of the future result, about which, strictly speaking, we most often do not know anything in advance, that sense of beauty can inform us and I cannot see anything else allowing us to foresee. At least, contesting that would seem to me to be a mere question of words. Without knowing anything further we *feel* that such a direction of investigation is worth following; we feel that the question *in itself* deserves interest, that its solution will be of some value for science, whether it permits further applications or

not. Everybody is free to call or not to call that a feeling of beauty» [4, p. 127].

Human activities in accordance with external forms of the objective world, i.e. thinking, are different from those of animals in that animals live in Spinoza's *imagines corporeae* world. It is commonly characterized by searching and orientation activities where objects are a mere external view which specifies motion along body contours of the external world and forms of activity of the animal which are limited by anatomical organization and biological needs of its organism. Animal psychological researches which spread beyond Pavlovian S-R paradigm let us conclude that objects of the world which do not affect living of animals, are not apprehended by them [2].

The human, in contrast to the animal, carries out the movement not only along body contours in a physical space, but it also «moves» into the events - from visibility to the phenomenon, from the phenomenon to the essence and back, carrying a dialectical process of understanding the world and including it into the objective world of human culture or, in other words into a collective objective body of humanity.

The logical question arises: is it possible to develop consciousness of the animal? If it is possible to teach a deaf-blind child to develop his/her mind (thinking) prior to defense of PhD and doctoral thesis (selfless labor of A.I. Meshcheryakov's and E.V. Ilyenkov's team for development of consciousness in deaf-blind children in special care homes in Zagorsk has confirmed this in practice), can we similarly teach a deaf-blind monkey cub? - Definitely not! - The structure of limbs, brain, genotype – something interferes - most likely a combination of factors. You can teach a monkey (by taming) to use cutlery to imitate a man. The comic effect of copying human manners by an animal is widely used in circuses.

Work experience is an active independent reaction aimed at changing the environment to measure nature of change of the environment with set aims which is not characteristic of animals. Change of environment as a result of animal living has an implied effect on instinctive actions and a genetic program naturally inherent from the birth. However animals never have a need to change something in the world around them.

However animals living in artificial man-made conditions, especially tame ones and those left without care (free-ranging urban dogs) show wonderful flexibility of psyche and adaptation to urban conditions. In this case the habitat forms only a sequence of conditioned reflexes and stimuli that cause responses: for example, a traffic signal - you

can (if you want!) quickly run across the street along the shortest path.

Then there go dolphins. It is generally accepted that they are the most «intelligent» animals. As an example of their intelligence, they provide cases of rescued drowning people who were pushed to the water surface and transported to the shore. Unfortunately, no one can testify for the opposite case. This is a classic example of a «statistical error of survivor» by Abraham Wald.

Joint aggregative games of dolphins, as well as other higher animals and birds (e.g. *Corvidae*) can be explained by the need to use excess energy generated during metabolism.

This is how the following chain of reactions of the subject in the interaction with the outside world which inevitably leads to emergence of consciousness is built:

- mechanical response in inanimate nature (The Sun heats the stone);

- biological irritation (from unicellular *paramecium caudatum*: reaction to light and heat to regulation of biological cycles using heat of the Sun and development of complex stimuli and responses of heterotrophic predatory plants). At this stage psychic phenomena are not yet observed. Actions of organisms are determined by the primary biological regulation system based on enzymes;

- psychic reactions in animals are associated with sensations. Predators standing on the top step of the food ladder have the most advanced psyche among animals which is caused by an active attitude towards the habitat. They experience simplest emotions - fear, anger, tenderness. They have dreams, have memory, ability to learn and recognize objects;

- people also have a rich psychic world. The difference in the content of psychic activity in animals and humans is not quantitative but qualitative: people can experience complex emotions generated by collective living and collective labor, such as remorse, repentance, infatuation, etc.;

- in contrast to animals, humans have thinking (consciousness) as they live and work in the ideal world. Thinking is the ideal form of practical social activity, the product of social labor, it is their ideal form itself, the ideal form of labor forming social needs of a «social animal», i.e. person – these are specific requirements that go beyond the boundaries of the biological body. Labor as a specific historical process of functioning of labor force acts on the one hand as a process of using and spending the latter, its biological, physical and psychic components, professional knowledge and skills, communication skills and information. On the other hand, labor as a purposeful and socially motivated activity suggests action according to forms of the external world, in

accordance with preset objectives caused by social practice.

The task set out in the beginning of the article thus can be solved by answering the question: what is the necessity and inevitability of development of response forms from mechanical to ideal ones in the process of evolution of the universe?

Each of response forms is removed with the development of the subsequent form being its basis; it is included as a particular historical moment of development causing the logic of further development. This is the inevitable certainty, determinism of sequential historical development of response forms.

The need for the development of these forms is revealed when considering energy exchange with the environment of media of these response forms. Each stage is characterized by higher level of consumed and produced energy, as it converts more and more Cosmos space. Human thinking is labor activity on transformation of the environment into an objective environment, an objective body of human collective life. «Thinking as such is labor (so it is hard to think!), and the highest form of thought - science - according to Marx is a “universal labor”. It is a hard work even for a human to think» [9, p. 180]. Scientific activity is connected with the transformation of neurophysiological brain structure. The result is the formation of new, non-biological needs which are objectified later in practical work of the human. Finally this is how space telescope "Hubble" and the Large Hadron Collider at CERN appeared. Energy levels and objects operated by the human today are cosmic in scope: if experiments with thermonuclear charges in the early 60-ies of the XX century could destroy our planet, experiments in quantum fields of the microcosm, such as creation of artificial black holes generate eschatological fears of universal scale in the ordinary consciousness of the Internet community.

Mankind will never make a conscious aim for itself to practice the destruction of the universe, as follows from the text by E.V. Ilyenkov on his early Romantic period [6, p. 417]. We are driven by the desire to reconstruct the world, reform it in ever-increasing space and energy scale to meet our ever-increasing needs. Science is the engine of this process. In subjective reality we perceive it as a desire for knowledge being one of the basic properties of the human nature, justifying the need for the expense of resources for theoretical science by the development of technologies and search for new ways to develop the changing world for the benefit of future generations. Only developed scientific theoretical thinking can give the way for mankind to reorganize the world using greater and greater quantities of energy which are

limited by total possible cosmic energy, single-time use of which is the Big Bang.

Objectively, outside of our consciousness, but only through using it, humanity can be an essential element to launch a new cycle of the Universe. Science and accompanying high technology will play the role of a fuse for a new Big Bang because the essence of objective reality can be disclosed, understood and mediated by the practice of humanity only through science. The ancient epiphany shall happen: «Κόσμον τόνδε τόν αὐτόν ἀπάντων οὔτε τις Θεῶν οὔτ(ε) ἀνθρώπων ἐποίησεν, ἀλλ' ἦν αἰεὶ καὶ ἔστιν καὶ ἔσται πῦρ ἀείζωνον ἀπτόμενον μέτρα καὶ ἀποσβεννύμενον μέτρα» [F 30; 5, c. 162] – «This world, which is the same for all, no one of gods or men has made. But it always was and will be: an ever-living fire, with measures of it kindling, and measures going out» [DK B30, 3, p. 217].

Philosophical understanding of thinking, seemingly distant from daily urgent problems in the transition to IV technological order, which was announced in January 2016 at the World Economic Forum in Davos [10], is very important. «We will see more technological changes in the next decade than in the last 50 years» [11]. In particular this applies to digital information technology, smart technology, the Internet of things and «artificial intelligence». Incorrect understanding of the nature of consciousness by decision-makers leads to inefficient allocation of billions of rubles of state funds which can not affect the economic condition of the country in the conditions of tough international competition for innovative technological solutions.

One prime example: Russian Venture Company (RVC), a leading state-owned corporation responsible for the innovative development of the country released a compilation of texts «Challenge-2035» published by «Business-Olympus» publishing house in February 2016 [1]. Those texts reflect the vision of RVC on the main strategic directions of development of the country till 2035. It is this vision that defines state policy in the field of innovative development as well as main flows of investments and expenditure of considerable budgetary funds. One of the main long-term funding directions which determine future development of the country in RVC vision is the development and creation of artificial intelligent systems (AI). For the development of AI, we must clearly understand and functionally determine what is intelligence, thinking, and consciousness.

The analyzed texts considered some serious, in our opinion, social development issues, issues of futurological nature. However, formulation of issues to be solved which as we know supposes available

conditions of their decision should be carried out more thoroughly than the current edition.

To support the above, here are short excerpts from this screed (all references to the first edition) – «Currently, robots do not have *consciousness*, and no robot has been created *yet* that would foresee even the simplest consequences of its actions. On the other hand, machines are getting faster, *smarter*, more powerful, so *the need to provide them with moral* is more and more urgent». «Can we consider an AI robot as a personality? *Now* this question fortunately is not relevant but with the development of AI systems it will require more and more attention» [1, p. 132, 137] (*italics in quotations by K.L.*).

How many dozens and hundreds of billions of rubles should be spent for «empowerment robots with a moral» remains unclear but the result can be predicted exactly with one hundred percent certainty.

References

1. Agamirzyan, I., Belousov, D., Kuznetsov, E. et al. *Challenge-2035*. Moscow: Olimp-Biznes, 2016. 256 p.
2. Fedorovich, E. Yu., Sokolova, E. E. On the Prospects of Understanding by E.V. Ilyenkov of Psyche Nature of Animals for Modern Zoopsychological Research. *E.V. Ilyenkov's Philosophy and the Contemporaneity: Materials of the XVIII International Scientific Conference «Ilyenkovsky' Reading»*. Belgorod, 28-29 April 2016. Belgorod: Publishing House «Belgorod» of Belgorod State University, 2016, Pp. 239-243.
3. *Fragments of Early Greece Philosophes*. Part I. Moscow: Nauka, 1989. 576 p.
4. Hadamard, Jacques. *An Essay on the Psychology of Invention in the Mathematical Field*. Princeton: Princeton University Press, 1949. 145 p.
5. *Heraclitus of Ephesus: All Heritage: Original Texts and Russian Transl: Short Edit*. Ed. by S.N. Muravyov. Moscow: Ad Marginem Press, 2012. 416 p.
6. Ilyenkov, E. V. *Cosmology of the Spirit. Philosophy and Culture*. Moscow: Politizdat, 1991. Pp. 415-437.
7. Lukács, G. *Die Eigenart des Ästhetischen. Band 1*. Berlin-Weimar: Aufbau-Verlag, 1981. 814 s.
8. Lukács, G. *Die Eigenart des Ästhetischen. Band 2*. Berlin-Weimar: Aufbau-Verlag, 1981. 944 s.
9. Maidansky, A. D. How Was Decomposed the Thought. *Logos*, No. 1 (2009), Pp. 175-183.
10. *World Economic Forum Annual Meeting 20-23 January 2016 Davos-Klosters*, Switzerland. Programme [Online] URL: <https://www.weforum.org/events/world-economic-forum-annual-meeting-2016/programme?theme=Fourth%20Industrial%20Revolution> (date of access: May 03, 2016).
11. *World Economic Forum. Annual Report 2014-2015*. 36 p. [Online] URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Annual_Report_2014_15.pdf (date of access: May 03, 2016).

УДК 159.929:591.511

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-2-47-56

Федорович Е. Ю.,
Соколова Е. Е.

ОТ «БАШНИ МОЛЧАНИЯ» К «ДВИЖЕНИЮ ПО ФОРМЕ ПРЕДМЕТОВ»: ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ Э.В. ИЛЬЕНКОВА В СОВРЕМЕННОЙ ЗООПСИХОЛОГИИ

Федорович Елена Юрьевна, кандидат психологических наук. Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, г. Москва, 119991, Россия. E-mail: labzoo_fedorovich@mail.ru
Соколова Елена Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент. Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, г. Москва, 119991, Россия. E-mail: ees-msu@mail.ru

Аннотация

В статье обсуждается значимость идей Э.В. Ильенкова для современной зоопсихологии и общей психологии. Определяя, как и Э.В. Ильенков, психику животных как их «движение по форме предметов», авторы анализируют релевантные данному определению работы отечественных психологов и антропологов и представляют результаты своих теоретических и эмпирических исследований в контексте идей психологической школы А.Н. Леонтьева, доказывая методологическую несостоятельность весьма распространенного в современной науке «реактивного» понимания психики по схеме «стимул – реакция». Особое внимание авторы обращают на то, что формулу Э.В. Ильенкова «движение по форме предметов» не следует трактовать только «абстрактно-геометрически», поскольку в процессе решения текущих задач жизнедеятельности животные «уподобляются» не столько собственно физическим свойствам объектов как таковым, сколько «представленным» в этих объектах возможным способам действий с ними. Опираясь на приведенные в статье данные эмпирических исследований, авторы статьи развенчивают существующий в психологии миф о «самостоятельности» поисково-ориентировочной (исследовательской) активности животных (которая якобы осуществляется сама по себе и ради самой себя). Напротив, особенности поведения животных в незнакомом для них предметом поле, а именно то, какие предметы (точнее, их свойства) будут «втянуты» в их деятельность, определяются задачами, которые животные решают в ходе своей жизнедеятельности в единстве ее «исполнительной» и «ориентировочной» составляющих. Данный вывод также сопрягается с соответствующими взглядами Э.В. Ильенкова и способствует развитию ключевой идеи школы А.Н. Леонтьева о психике как «функциональном органе» деятельности.

Ключевые слова: Э.В. Ильенков; А.Н. Леонтьев; зоопсихология; теория деятельности; движение по форме предметов; эффорданы; ориентировочно-исследовательское поведение.

Fedorovich E. Yu.,
Sokolova E. E.

FROM THE "TOWER OF SILENCE" TO THE "MOVEMENT ACCORDING TO THE OBJECTS FORM": THE CONCEPTUAL LEGACY OF E.V. ILYENKOV IN MODERN ANIMAL PSYCHOLOGY

Fedorovich Elena Yurievna, PhD in Psychology. M.V. Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia. E-mail: labzoo_fedorovich@mail.ru
Sokolova Elena Evgenievna, PhD in Psychology, Associate Professor. M.V. Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia. E-mail: ees-msu@mail.ru

Abstract

The article dwells on the importance of E.V. Ilyenkov's ideas for modern animal psychology and general psychology. Following E.V. Ilyenkov in defining animal psychology as "movement according to the objects form", the authors analyze the works of domestic psychologists and anthropologists relevant to this definition. They present the results of their theoretic and empiric researches in the context of A.N. Leontiev's scientific school of psychology and prove the methodological inconsistency of the "reactive" understanding of psyche according to the scheme "stimulus – reaction" which is wide-spread in modern science. The authors lay a strong emphasis

on the fact that the E.V. Ilyenkov's formula of "movement according to the objects form" should not be interpreted only from the "abstract geometric" point of view, as while managing the current tasks of life-sustaining activity of animals relate not to physical properties of objects at large, but rather to possible modes of treating these objects "represented" in them. Relying upon the empiric researches presented in the article, the authors dispel a myth of "independence" of search and orientation (exploratory) activity of animals (allegedly carried out by itself and for itself), popular in psychology. On the contrary, the peculiarities of animal behavior in the unknown object field, that is what objects (or to be more exact, their properties) are involved in their activity, are determined by the tasks that the animals perform during their life activity in complex with "executive" and "orientation" components. This conclusion goes in line with the corresponding views of E.V. Ilyenkov and contributes to the key idea of the A.N. Leontiev's scientific school, which defines psyche as a "functional organ" of activity.

Keywords: E. V. Ilyenkov; A. N. Leontiev; animal psychology; activity theory; "movement according to the objects form"; affordance; exploratory behavior.

В многогранном творчестве Э.В. Ильенкова есть ряд работ, чрезвычайно актуальных для современной психологии, в том числе для исследований в области зоопсихологии и сравнительной психологии. В этих работах представлен взгляд на природу психики животных, открыто противостоявший весьма распространенному в СССР «павловскому» подходу, в основе своей картезианскому. К сожалению, этот подход, суть которого отчетливо выражена в так называемом постулате непосредственности, как его называли Д.Н. Узнадзе и А.Н. Леонтьев (или в двучленной схеме анализа, то есть в схеме S – R), не только не ушел в прошлое, но и весьма распространен в современных – как отечественных, так и зарубежных – исследованиях когнитивных способностей животных (и не только животных), особенно в рамках *neuroscience*. Целью настоящей статьи является представить значимость ильенковского понимания природы психики животных – «низшего этажа психики» – в тех ее характеристиках, «которые инвариантны для всякой психики, общие¹ и психике человека, и психике животного» [8, с. 34], для реализации принципа экологической валидности при проведении исследований в области зоопсихологии и сравнительной психологии.

В подготовительных материалах к большой работе «К понятию “тело человека”, “человеческое тело”», которую Э.В. Ильенков, к сожалению, так и

не написал, содержалась резкая критика понимания в рамках схемы S – R природы психики животных. По мнению Эвальда Васильевича, при таком подходе изучение психического заменялось анализом совсем другой реальности, а именно активности мозга животного в ответ на стимулы, поступающие из окружения. Эксперименты И.П. Павлова «в башне молчания», считал философ, могут обеспечить «идеальные условия наблюдения только тех процессов, которые совершаются ВНУТРИ собачьего организма», то есть тех процессов, «которые реально никакой психики не требуют и никакой психики не выявляют, а дают сумму явлений работы мозга собаки» [7, с. 403]. Эта подмена происходила потому, утверждал Э.В. Ильенков, что в подобных экспериментах «выключалась» поисково-ориентировочная деятельность животного, т.е. фундаментальный психический феномен. И подчеркивал: «психика осуществляется не в пространстве ОРГАНИЧЕСКОГО ТЕЛА, а в том реальном пространстве, где ТЕЛО ЖИВОТНОГО ИЩЕТ-РЫЩЕТ ПИЩУ, ВОДУ и пр.» [7, с. 401]. Поиск же психики в пространстве черепа животного, то есть «безвылазная картезианщина», по мнению Э.В. Ильенкова, приводит не только к механицизму в понимании деятельности животных², но и к «натурализации» В<ЫСШЕЙ> Н<ЕРВНОЙ> Д<ЕЯТЕЛЬНОСТИ> ЧЕЛОВЕКА» [7, с. 404].

Альтернативой подобной «картезианщины» для Э.В. Ильенкова было спинозовское учение о мышлении как функции действующего в

¹ Здесь слово «общее» следует, конечно, понимать в ильенковском смысле: не как внешне-сходное в психике человека и животных (поиск такого «общего» является, к сожалению, чрезвычайно любимым занятием многих наших коллег), а как «всеобщее», т.е., по Э.В. Ильенкову, как закон существования единичных явлений в их взаимосвязи, или как единство многообразного [6].

² Заметим от себя, что объяснительной схемы «стимул – реакция» недостаточно даже для понимания поведения беспозвоночных. Еще Г. Дженнингс [H. Jennings] в 1906 г. в своей книге о поведении низших животных приводил многочисленные примеры их активности, которую он описывал как *пробующие движения (trial movements)* (по: [36]).

пространстве предметов индивида, как его движения «по форме» этих предметов. «Психика от начала до конца есть функция и производное *от внешнего действия организма*, то есть от его передвижения во внешнем пространстве, заполненном предметами», – писал Э.В. Ильенков в другой своей работе [10, с. 98], а вовсе не функция мозга как такового, который, по мнению философа, является не *субстанцией* психического, а его биологическим *субстратом*. Аналогичные идеи, как известно, развивались в психологии в рамках родственной Э.В. Ильенкову по духу школы А.Н. Леонтьева. Согласно этим идеям, деятельность (как человека, так и животных) как субстанция психического [20] первоначально необходимо протекает во внешней форме, в практических процессах (контактах) с предметным миром. При этом, утверждал А.Н. Леонтьев, «осуществляясь, деятельность не остается сама собой, но *изменяется в соответствии с реальным предметом*, подчиняясь [уподобляясь, как часто говорили в школе А.Н. Леонтьева. – Е.Ф., Е.С.] ему; а это изменение деятельности, порожденное ее встречей с *объективным* предметом, в свою очередь, неизбежно ведет к изменению и обогащению связанного с ней внутреннего, отражающего предмет состояния субъекта» [14, с. 110].

То, как осуществляется «живое построение движений» по «форме предметов», по любимому выражению Э.В. Ильенкова, как «втягиваются» эти предметы в активность животных, мы продемонстрировали в одном из ранних циклов наших работ. Животные (крысы, а в дальнейшем и мыши) помещались в своей домашней клетке в экспериментальную установку «открытое поле»; после того как дверца клетки-домика открывалась, у животных появлялась возможность выходить на незнакомую для них территорию [15; 27]. Этот выход *всегда* начинался с особого этапа «ориентировок из домика»: прежде чем выйти в «открытое поле», животные, бегая по клетке, совершали ориентировочные стойки внутри нее в разных направлениях, всматривались, принюхивались, опускали голову к полу у порога и начинали водить вибриссами по полу, ощупывая его таким образом. Только после этого животные наступали на пол «открытого поля» передними лапами, при этом поскрѣбывая его когтями. Медленно двигаясь первый раз от домика вдоль стен, зверьки буквально «протирали пол животом», ощупывая одновременно пол и стену вибриссами, а движение к домику уже происходило шагом и в более быстром темпе, без ощупывания пола

вибриссами, при этом у зверьков появлялись дистантные ориентировки. Если крыса или мышь хотя бы однажды проходила вдоль двух стен «открытого поля», она возвращалась назад уже с учетом «объективной метрики» «поля», нередко срезала угол, сокращая путь к клетке.

В этих исследованиях мы фактически «поймали» сам процесс построения образа предметного мира животным посредством **уподобления** его движений (локомоторных и манипуляционных) **форме предметов** и получили фактический материал, иллюстрирующий важный для психологии процесс перехода от сукцессивно протекающего предметно-практического действия, посредством которого происходит построение образа мира субъектом, к его образу как симультанному «слежку» произошедшей деятельности и – обратно – к действию, которое теперь осуществляется с учетом того, что представлено в сформировавшемся образе.

Здесь следует подчеркнуть, что движения животного по отношению к предмету не просто уподобляются его свойствам: животное замечает изменения в предметном поле, происходящие в результате его собственной активности, – и начинает их «опробовать». Так, известный отечественный психолог С.Л. Новосѣлова в своих ранних, проведенных в русле сравнительной психологии, работах отмечала, что, заметив какие-либо изменения в «ситуационном поле», обезьяна обычно начинает действовать в этом направлении, углубляя изменения, т.е. учитывает результаты произошедших изменений в дальнейших своих действиях [16]. По мнению исследовательницы, в этом наглядно проявляется «единство предметно-манипуляционной деятельности и ориентировочно-исследовательской деятельности»¹ [16, с. 201]. На то обстоятельство, что предметы, поддающиеся воздействию, привлекают животное сильнее, чем менее податливые, обращал внимание и советский антрополог Н.Ю. Войтонис. Он писал, что обезьяны охотнее и дольше манипулировали шариком на длинном шнуре, чем таким же шариком, привязанным к короткому шнурку. В эксперименте с двумя резиновыми грушами, из которых одна была полая, а другая залита парафином и «не поддавалась сжатию», обезьяны «занимались» сначала обеими грушами примерно одинаковое

¹ Или, иначе говоря, единство «исполнительной» и «ориентировочной» составляющих деятельности, в соответствии с ключевой идеей школы А.Н. Леонтьева [19; 20].

время, затем интерес к твердой груше падал, а к мягкой держался на одном уровне, пока, наконец, животные не разрывали ее на две половины. На короткий период весь интерес животного сосредоточивался на оторванной свободной половине [3]. Впоследствии в разных исследованиях было неоднократно показано, что шимпанзе тем длительнее манипулирует с объектами, чем больше те представляют из себя «подвижные», «гетерогенные» и «поддающиеся изменениям» стимульные конфигурации (по: [38]).

Таким образом, говоря об уподоблении у животных посредством «движений по форме предметов», мы имеем в виду то, что индивиды «уподобляются» не столько собственно **физическим** свойствам объектов как таковым, сколько «представленным» в этих объектах возможным **способам действий** с ними: по выражению П.Я. Гальперина, окружающий мир открывается перед индивидом как «поле его возможных действий» [4, с. 32]. Поддерживая эту позицию, известный отечественный психолог В.К. Вилюнас писал: «Воспринимать предмет – это значит видеть, что с ним или по отношению к нему можно сделать» [2, с. 33]. Иными словами, видеть, как может **измениться** объект, обычно означает вместе с тем «видеть, **как можно его изменить**». Иллюстрацией данного положения является поражающее многообразие способов манипуляционного «опробывания» предметов приматами, о котором упоминали практически все отечественные ученые, описывавшие ориентировочно-исследовательскую деятельность этих животных [3; 16; 17]. Изучая шимпанзе, Г.З. Рогинский насчитал у них «многие десятки различных движений и действий с предметами в процессе манипуляционной деятельности, благодаря чему шимпанзе оказывается в состоянии обнаружить ряд таких свойств предметов, которые остаются скрытыми для других животных» [17, с. 49]. Это расширяет познавательные возможности шимпанзе и обеспечивает его многообразные связи с окружающим его миром (Umwelt).

В наших собственных исследованиях синантропные серые крысы, вынужденные жить в условиях постоянно изменяющейся человеком физической среды, сталкиваясь впервые с неизвестными для них объектами, манипулируя с ними, обычно последовательно осуществляли большое количество разнообразных действий. Даже при обследовании тяжелых и не поддающихся непосредственным изменениям объектов (например, камня размером с куриное

яйцо) у всех серых крыс разворачивалось последовательное опробывание различных действий из репертуара манипуляционных, свойственных данному виду [15; 27], при этом животные осуществляли более двух десятков (!) действий, обеспечивающих отражение таких свойств объектов, как их твердость или мягкость, размер, характер поверхности, вес и даже их «звучание».

Значимость подобного многообразия опробывания разных способов действий для расширения познавательных возможностей индивидов и обеспечения их более многообразных связей с внешней средой становится очевидной при изучении активности тех видов животных, которые изобретают новые способы поведения, расселяются в новые места обитания или продолжают процветать после антропогенного изменения прежних мест их обитания [37]. Причины приспособленности животных к незнакомым для них или постоянно изменяющимся условиям жизни следует искать не в якобы присущих им сложных формах человекоподобного «мышления» или других «высших» когнитивных способностей (выявлению которых посвящены многие работы, проведенные, например, в русле исследований «animal cognition» в XX веке; их обзор см.: [18]), но в широком диапазоне разных форм «опробываний» предметов и гибком и быстром подлаживании поведения в ответ на изменения, произошедшие благодаря исследовательским, опробывающим действиям животных. Так, Н.Ю. Войтонис обнаружил, что при большом многообразии приемов и действий, какое наблюдается при манипулировании предметами обезьянами, при длительном и упорном манипулировании они нередко достигают в своей деятельности блестящих результатов, например, вырабатывают весьма сложные навыки: распутывают шнур, расплетают сетку, отодвигают засов и т.п. [3]. Вместе с тем те же индивиды обнаруживают поразительную неспособность решать задачи на основании только лишь восприятия (без манипуляционных действий) цельных конструкций (например, решить, за какой конец потянуть, чтобы распутать узел).

Сходные выводы делают некоторые авторы, изучающие поведение животных в природе. Например, анализируя возможные причины «процветания» знаменитых новозеландских попугаев кеа при значительной антропогенной трансформации мест их обитания, ученые

сделали вывод, что успешно решают новые задачи (в природе – открыть мусорные баки; в лаборатории – выкрутить болт или вынуть проволоку, чтобы открыть крышку) только те птицы, которые более длительно перебирают различного рода способы действия и внимательны к любым, даже малейшим, изменениям, произошедшим благодаря им. Ярко выраженная у кеа склонность к исследованию сопрягается у них с настойчивой, тщательной деструктивностью [33]. Исследователи поведения этих птиц особо отмечают «заинтересованность» попугаев кеа в объектах, которые можно разобрать, разрушить [31]. Одной из причин появления у животных определенных видов или конкретных индивидов новых способов решения задач (т.н. «инноваций») некоторые исследователи считают то, что склонные к этому индивиды поочередно опробывают в новых условиях сформированные ранее способы взаимодействий с предметами [33; 35; 37; 39].

Подчеркнем еще раз: говоря об «уподоблении свойствам предметов» как способе порождения животными психического образа *их* мира, мы можем утверждать, что в образе мира животного представлены не **физические свойства вещи как таковые**, а **открытые животным способы взаимодействия с ней**, то есть совокупность операций, которые можно совершить с вещью для достижения определенного желаемого результата. Особенно наглядно это выступает при анализе поведения животных в естественных для того или иного биологического вида условиях.

Понимание того, что поведение индивида нельзя рассматривать в отрыве от возможностей, которые задает предметное окружение для его действий, привело к тому, что при описании и объяснении поведения животных за рубежом всё чаще прибегают к понятию эффордансов (affordances) [напр., 29; 30; 31; 32], введенному Дж. Гибсоном [5, с. 188]. Эффордансы — это то, что окружающий мир «разрешает» индивиду реализовать, **те «возможности объектов», которые открываются животному того или иного вида посредством его непосредственных предметно-практических действий**. В этом смысле «эффордансы» относятся одновременно и к окружающему миру, и к животному, то есть определяются некоторыми авторами лишь при условии рассмотрения «расширенных систем» (extended system) «животное-в-его-окружении» [29]. Отстаиваемое этими авторами понятие «расширенное познание» (extended cognition)

подразумевает, что когнитивная активность животных (и человека) представляет собой систему, неотделимыми компонентами которой являются мозг, тело и окружение, нелинейно связанные между собой. О необходимости рассмотрения индивида в единой системе с окружением, а когнитивных функций – как выходящих за пределы «мозга и тела» пространственно-временных систем, для функционирования которых необходимы определенные условия окружения и/или прошлого субъекта, говорится все больше и больше в рамках так называемых динамических подходов в когнитивной науке [11].

Уточним, что, с точки зрения Э.В. Ильенкова и психологии деятельности школы А.Н. Леонтьева, «рассмотрение животного в его окружении» означает тщательный анализ его **реальной деятельности**, которая, по мнению А.А. Леонтьева, «не “прибавляется” к субъекту и объекту, а конституирует их» [13, с. 262]. Эта мысль в еще более эксплицированном виде выражена А.В. Сурмавой, который, рассматривая любой акт жизни организмов (в том числе обладающих психикой) как спонтанный и продуктивный процесс, определяет продуктивность как «расщепление спонтанного потока активности на два полюса – полюс субъекта и полюс предмета», то есть как **«акт полагания предмета и тем самым акт полагания субъекта»**. «Как для существа, обладающего психикой, – утверждает он, – для меня существует только то, что я положил своей активностью в качестве моего предмета». Только «при наличии вышеназванных предпосылок, – считает А.В. Сурмава, – можно, наконец, двинуться по форме, по логике самого предмета» [23].

О том, что формулу Э.В. Ильенкова «движение по форме предметов» не следует трактовать только «абстрактно-геометрически» (о чем, впрочем, писал и сам Э.В. Ильенков [9, с. 95; см. также 24, с. 16]), доказывают и наши собственные относительно недавние исследования. Их целью было показать: то, какие эффордансы предметов будут «представлены» животным в их восприятии (иными словами, по какой именно «форме» предметов будут двигаться животные), зависит от **тех практических задач жизнедеятельности, которые стоят перед ними**.

Мы наблюдали за поведением рыжих лесных полевок – самых распространенных грызунов лесов средней полосы России – в ситуациях спонтанного освоения ими незнакомого для них

предметного пространства (предметы условно разделялись нами на «высокие» (h=40 см), а именно коряги, «невысокие» и в которые можно спрятаться – чайник, горшок, и «бесполезные» предметы – детская пирамидка) [12]. Прежде чем у животных появлялась возможность выйти в незнакомое помещение, одна группа полевок в течение суток «переживала наводнение» – на полу кюветы, где жили зверьки, появлялась вода, и животные могли бегать лишь по мостику, связывающему гнездо и кормушку. Другая группа полевок перед выходом в незнакомое помещение пережила встречу с хорошо знакомым им по предыдущему опыту «хищником» – рядом с их «домашней» кюветой в течение суток находился кот. Мы наблюдали за поведением полевок после того, как кювета открывалась и у животных появлялась возможность выходить в незнакомое для них помещение. Как выяснилось, животные, оказавшись в одинаковом для всех них «предметном пространстве», **выделяли своей жизнедеятельностью** именно те свойства предметов, которые были важны им с точки зрения ситуации, с которой они сталкивались накануне. Те полевки, которые пережили «наводнение», бегали преимущественно между предметами, не прижимаясь к их стенкам. Они чаще подходили к самым высоким предметам, нюхали их, чаще залезали на них и ориентировались с них, дольше находились на них, чем те индивиды, которые накануне пережили опасность «быть съеденным хищником». Они никогда не спали на полу – только на корягах или на бортиках стенок помещения. Полевки, встретившиеся с «хищником», оказавшись в незнакомом для них помещении, бегали, плотно прижимаясь к предметам, подходили преимущественно к низким, закрытым сверху и с боков объектам, чаще, чем полевки из группы «после наводнения», залезали в них, никогда не спали, находясь снаружи предметов. Они никогда не залезали на высокие предметы до конца, надолго не задерживаясь на них.

Данные исследования внесли, как нам представляется, существенный вклад и в развенчивание давно существующего в психологии мифа о «самостоятельности» «поисково-ориентировочной деятельности» животных, которая осуществляется сама по себе и ради самой себя [28]. Это сопрягается с утверждениями Э.В. Ильенкова о том, что нет «никаких мифических рефлексов вроде “рефлексов цели”, “свободы” <...> или

“поисково-ориентировочного рефлекса”, которые многим физиологам до сих пор кажутся “безусловными”, то бишь врожденными», оторванными в своем развитии от реальной жизнедеятельности [8, с. 34]. Именно задачи жизнедеятельности определяют пристрастный характер развертывания той или иной «ориентировочной активности» животных. Конкретный индивид строит **свой** «образ мира», вычерпывая именно ту информацию (в широком смысле), которая необходима ему на данный момент времени [22; 28].

Приведем данные еще одного нашего раннего исследования, доказывающего это [15; 27]. Мы наблюдали за группой домовых мышей, населявших экспериментальную «жилую комнату», в которую помещались различные предметы человеческого обихода, такие, например, как стол, стулья и кровать, чемодан, ботинки, «незаряженные», т.е. неработающие, «живоловки» (домики-ловушки) и т.п. В каждой из живущих в «комнате» групп домовых мышей через некоторое время самцы разделялись на доминанта и подчиненных. Значительная часть активности доминантных особей была направлена на охрану территории и попытки «выжить» других самцов и пришедших чужих. Задачами подчиненных особей было найти подходящие убежища и/или покинуть «комнату», чтобы избежать преследований и травм со стороны доминантного самца. При изменении физического расположения объектов в обстановке «комнаты» зверьки разных рангов различным образом реагировали на произошедшее. Подчиненные самцы всегда замечали большее количество изменений, т.е. изменяли свою активность в соответствии с ними. Мыши низкого ранга замечали перестановку вещей (когда, например, ведро переворачивалось кверху дном, а ботинки менялись местами) и даже их исчезновение (!) (когда убирался стул или домики): сначала зверьки с разных мест ориентировались в сторону «пустого места», где раньше находился предмет, потом с короткими перебежками и резкими сменами направления движения ходили по месту – «проекции» – стоявшего ранее предмета, сопровождая обход частыми ориентировками «столбиками» вверх, несколько раз отбежали от него в сторону и, поворачиваясь в разных направлениях, совершали ориентировки, после чего пробегали по этому месту из разных участков комнаты на большой скорости.

Доминанты в каждой из экспериментальных групп, напротив, замечали только те изменения,

которые происходили рядом с местами их активного и частого передвижения, а также, как правило, никак не реагировали на исчезновение и перестановку предметов (например, не замечали исчезновения стула, если у них на нем не было убежища). Однако интереснее всего то, что примерно в половине случаев доминантные мыши замечали появление нового предмета далеко не с первого раза своего пребывания рядом с местом изменения. Когда доминант бегал в поисках производившего шум индивида, шел по запаховому следу другой мыши или активно преследовал ее, он не замечал появившихся на его пути даже достаточно крупных предметов, например, железных домиков-ловушек. Иногда его «знакомство» с произошедшим изменением обстановки происходило «принудительно»: преследуя другую мышь, самец-доминант буквально «врезался» с разбегу в новые предметы, которые при этом ловко обегал удирающий от него подчиненный зверек (успевавший к тому времени уже обследовать произошедшие изменения), и кубарем откатывался от удара в сторону.

В подобных ситуациях самцы-доминанты, если и прерывали свою текущую активность (преследование, поиск, вынюхивание следов), то проявляли сильно выраженную **неофобию** (боязнь новизны): надолго замирали, резко отбегали к ближайшему укрытию, урывками выглядывали из-за него и пробегали несколько шагов по направлению к «неожиданно для них появившемуся» предмету, после чего вновь бежали к укрытию, осуществляя множество непродолжительных горизонтальных ориентировок. Столь сильную неофобию у доминантов мы можем объяснить резким рассогласованием между их ожиданиями и тем, с чем они реально, буквально физически, сталкивались в ходе своей жизнедеятельности (как в выше приведенном примере – ударяясь о только что поставленные нами предметы или о дно перевернутого нами ведра). Мы никогда не наблюдали столь сильной неофобии у подчиненных самцов, которых буквально «притягивало» к местам изменений, «как магнитом».

В связи с этим следует упомянуть очень интересную особенность поведения в уже обследованной комнате подчиненных зверьков (которая никогда не наблюдалась у доминантов) всех исследованных видов грызунов, а именно «переобследование». «Переобследование» заключалось в том, что зверек, выйдя из убежища после сна, не шел прямо к кормушкам, а начинал

петлять по части «комнаты», заново пробегая рядом или по верху уже хорошо знакомых предметов, при этом он нюхал, кусал, трогал их лапами, лазал внутри, по бокам и сверху, обходил, протирая боком многие из них. Создавалось впечатление, что субдоминанты буквально «ожидали» изменений. При этом упавшая в «комнату» «бесполезная» шишка столь же эффективно притягивала к себе подчиненного самца, как и появившийся в помещении домик-живоловка, который представлял из себя потенциальное укрытие¹.

Вышеприведенный эмпирический материал, с нашей точки зрения, наглядно иллюстрирует разделяемое нами теоретическое положение деятельностного подхода школы А.Н. Леонтьева: то, какие именно свойства объектов, какие связи и отношения между ними «отражаются» животными в процессе их обследования и последующих действий с ними, можно выявить, лишь изучая реальные формы деятельности животных, которые постоянно решают различные жизненные задачи [22; 28]. Таким образом, мы можем подтвердить на зоопсихологическом материале общую идею школы А.Н. Леонтьева, с одной стороны, и Э.В. Ильенкова, с другой: образ мира животного (который выступает у него как поле его возможных действий) строится исключительно посредством предметно-практической деятельности животного в этом мире, в результате его ориентировки в нем при решении текущих задач жизнедеятельности. Иными словами, психика есть функция (или, точнее говоря, функциональный орган [20; 21]) деятельности, а не мозга как такового. При всей модности и распространенности в настоящее время «церебрализма»² в современных нейронауках лежащее в его основе «реактивное понимание» психического по формуле S – R представляется нам в свете новых данных научно несостоятельным даже по отношению к психике животных, не говоря уже о психической жизни человека. Поэтому всерьез говорить о простом взаимовлиянии «функций мозга, культуры и генов» [26, с. 5] кажется методологическим тупиком, причем не только нам, но и некоторым

¹ Следует, впрочем, отметить, что подобные «переобследования» не имели у подчиненных мышей какого-либо «системного характера», иначе следовало бы ожидать, что они раз за разом пунктуально обходили бы разные участки комнаты.

² Очень удачный, на наш взгляд, термин «церебрализм» (brainism) взят из статьи Д. Бэксхёрста [1].

нашим зарубежным коллегам, которые – вопреки всеобщему тренду на «церебрализм» – осмеливаются утверждать, что «нельзя использовать правила, действующие на физиологическом клеточном уровне, для достоверного предсказания действий на ином – психологическом – уровне» [25, с. 23].

В предложенной вниманию читателя статье мы совершенно не затрагивали взглядов Э.В. Ильенкова на особенности психической жизни человека. Между тем, рассматривая ее в той же логике «движений по форме предметов», Э.В. Ильенков подчеркивал, что лишь «недиалектически мыслящие ученые» толкуют ее как ту же «зоопсихику», только более «разветвленную и усложненную», т.е. считают, что «человеческая психика развивается в ходе простой плавной эволюции психических функций, свойственной всем высшим животным» [8, с. 35]. Напротив, утверждал философ, «уже в сфере сенсомоторного мышления человеческое развитие принципиально отличается от развития “мышления” животного», поскольку «сенсомоторные схемы человеческой деятельности завязываются как *схемы деятельности с вещами, созданными человеком для человека* [выделено нами. – Е.Ф., Е.С.], и воспроизводят логику “опредмеченного” в них разума, общественно-человеческого мышления» [9, с. 96]. Однако анализ данного вопроса, в том числе на основе сравнительно-психологических исследований, проведенных нами в логике идей Э.В. Ильенкова и школы А.Н. Леонтьева, выходит за рамки поставленных в настоящей работе задач и требует отдельной объемной статьи.

Литература

1. Бэжхёрст, Д. Психика, мозг и образование // Вопросы философии. 2013. № 11. С. 50-65. [Электронный ресурс] URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=851&Itemid=52 (дата обращения: 17.05.2016).
2. Вилюнас, В.К. Психология развития мотивации. СПб.: Речь, 2006. 458 с.
3. Войтонис, Н.Ю. Предыстория интеллекта. К проблеме антропогенеза. М.-Л.: АН СССР, 1949. 271 с.
4. Гальперин, П.Я. Лекции по психологии. М.: Книжный дом «Университет», 2002. 400 с.
5. Гибсон, Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988. 464 с.
6. Ильенков, Э.В. Всеобщее // Философская энциклопедия: В 5 т. / Под ред. Ф.В. Константинова. Т. 1. М.: Советская Энциклопедия, 1960. С. 301-304.
7. Ильенков, Э.В. К понятию «тело человека», «человеческое тело» // Эвальд Васильевич Ильенков /

Под ред. В.И. Толстых. М.: РОССПЭН, 2008. С. 396-408.

8. Ильенков, Э.В. Откуда берется ум // Э.В. Ильенков. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. С. 30–43.

9. Ильенков, Э.В. Соображения по вопросу об отношении мышления и языка (речи) // Вопросы философии. 1977. № 6. С. 92–96.

10. Ильенков, Э.В. Школа должна учить мыслить. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «Модек», 2002. 112 с.

11. Князева, Е.Н. Информационный, конструктивистский и самоорганизационный подходы к объяснению познания // Философия науки. 2010. Вып. 15. С. 74–90.

12. Кондрашкина, П.Е., Семенова, И.П., Федорович, Е.Ю. Особенности освоения предметного пространства рыжими полевками в зависимости от задач жизнедеятельности, которые решали индивиды при его более раннем посещении // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сб. мат-лов юбилейной конференции: В 5 томах / Отв. ред. Богоявленская Д.Б. Т. 1. М.: Когито-центр, 2015. С. 415–417.

13. Леонтьев, А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл, 2001. 392 с.

14. Леонтьев, А.Н. Философия психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 228 с.

15. Мешкова, Н.Н., Федорович, Е.Ю. Ориентировочно-исследовательская деятельность, подражание и игра как психологические механизмы адаптации высших позвоночных к урбанизированной среде. М.: Аргус, 1996. 226 с.

16. Новоселова, С.Л. Развитие интеллектуальной основы деятельности приматов. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «Модек», 2001. 288 с.

17. Рогинский, Г.З. Новые опыты над шимпанзе (ориентировочно-исследовательский рефлекс и подражание) // Тезисы докладов на I съезде Общества психологов, 29 июня – 4 июля 1959 г. Вып. 2. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959. С. 47–50.

18. Резникова, Ж.И. Интеллект и язык животных и человека. Основы когнитивной этологии. М.: Академкнига, 2005. 518 с.

19. Соколова, Е.Е. Введение в психологию. М.: Академия, 2005. 352 с.

20. Соколова, Е.Е. Есть ли будущее у теории деятельности? // Вопросы психологии. 2011. № 4. С. 129–140.

21. Соколова, Е.Е. К истории понятия «функциональный орган» в психологии деятельности // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сб. мат-лов юбилейной конференции: В 5 томах / Отв. ред. Богоявленская Д.Б. Т. 1. М.: Когито-центр, 2015. С. 178–180.

22. Соколова, Е.Е., Федорович, Е.Ю. Возможности деятельностного подхода в изучении

исследовательского поведения животных // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 92–100.

23. Сурмава, А.В. Мой ответ Чемберленам. 2004. [Электронный ресурс] URL: <http://www.avramus.com/я/мои-тексты/> (дата обращения: 17.05.2016).

24. Сурмава, А.В. Происхождение жизни, психики и человеческого сознания. Принципы рефлексивной теории деятельности. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. [Электронный ресурс] URL: <http://www.avramus.com/я/мои-тексты/> (дата обращения: 17.05.2016).

25. Сэйтл, С., Лиленфельд, С.О. Нейромания. Как мы теряем разум в эпоху расцвета науки о мозге. М.: Эксмо, 2016. 368 с.

26. Фаликман, М.В., Коул, М. «Культурная революция» в когнитивной науке: от нейронной пластичности до генетических механизмов приобретения культурного опыта // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 3. С. 4–18.

27. Федорович, Е.Ю. Изучение поведения животных в ситуациях новизны // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2011. № 1. С. 112–123.

28. Федорович, Е.Ю. Сравнительный анализ подходов к изучению исследовательского поведения животных в психологии и этологии: Автореферат дис. ... канд. психол. наук. М., 2012. 24 с.

29. Chemero, A., Heyser, C. Methodology and reduction in the behavioural neurosciences: object exploration as a case study // Oxford Handbook of Philosophy and Neuroscience / Ed. by J. Bickle. Oxford: University Press, 2009. Pp. 68-90.

30. Chemero, A., Heyser, C. Object exploration and a problem with reductionism // Synthese. 2005. Vol. 147. № 3. Pp. 403–423.

31. Diamond, J., Bond, A. Social play in kaka (Nestor meridionalis) with comparisons to kea (Nestor notabilis) // Behaviour. 2004. Vol. 141. Pp. 777-798.

32. Ennaceur, A. One-trial object recognition in rats and mice: Methodological and theoretical issues // Behavioural Brain Research. 2010. Vol. 215. P. 244–254.

33. Huber, L., Gajdon, G. Technical intelligence in animals, the kea mode // Animal Cognition. 2006. Vol. 9. Pp. 295–305.

34. Huber, L., Rechberger, S., Taborsky, M. Social learning effects object exploration and manipulation in Keas, Nestor notabilis // Animal behavior. 2001. Vol. 62. Pp. 945-954.

35. Kendal, R., Coe, R., Laland, K. Age Differences in Neophilia, Exploration, and Innovation in Family Groups of Callitrichid Monkeys // American Journal of Primatology. 2005. Vol. 66. Pp. 167–188.

36. Pisula, W. Curiosity and information seeking in animal and human behavior. Florida: Brown Walker Press, USA, 2009. 147 p.

37. Reader, S. M., Laland, K. N. Animal innovation: an introduction // Animal Innovation / Ed. by S. M. Reader & K. N. Laland. Oxford: Oxford University Press, 2003. Pp. 3–35.

38. Russel, P. Psychological studies of exploration in animals: a reappraisal // Exploration in animals and humans / Ed. by J. Archer, L. Birke. UK: Van Nostrand Reinhold, 1983. Pp. 22-55.

39. Wright, T., Eberhard, J., Hobson, E., Avery, M., Rusello, M. Behavioral flexibility and species invasions: the adaptive flexibility hypothesis // Ethology, Ecology & Evolution. 2010. Vol. 22. Pp. 393–404.

References

1. Bakhurst, D. Mind, Brain and Education. *Voprosy filosofii*. No. 11 (2013). Pp. 50-65. [Online] URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=851&Itemid=52; (date of access: May 17, 2016).

2. Viljunas, V. K. *Psychology of Development of Motivation*. St. Petersburg: Rech', 2006. 458 p.

3. Vojtonis, N. Yu. *The Prehistory of Intelligence. To the Problem of Ontogenesis*. Moscow-Leningrad: AN SSSR, 1949. 271 p.

4. Gal'perin, P. Ya. *Lectures on Psychology*. Moscow: Knizhny dom «Universitet», 2002. 400 p.

5. Gibson, J. *The Ecological Approach to Visual Perception*. Moscow: Progress, 1988. 464 p.

6. Ilyenkov, E. V. The Universal. *Encyclopedia of Philosophy (in 5 volumes)*. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, Vol. 1. 1960. Pp. 301-304.

7. Ilyenkov, E. V. About the Concept of "the Body of Human", "the Human Body". *Evald Vasilievich Ilyenkov*. Ed. by Tolstykh V. I. Moscow: ROSSPEN, 2008. Pp. 396-408.

8. Ilyenkov, E. V. What is the Origin of Mind? *Philosophy and Culture*. Moscow: Politizdat. 1991. Pp. 30-43.

9. Ilyenkov, E. V. Considerations about the Relation of Thinking and Language (Speech). *Voprosy filosofii*. No. 6 (1977). Pp. 92-96.

10. Ilyenkov, E. V. *Schools Should Teach Thinking*. Moscow: MPSI; Voronezh: NPO «Modek», 2002. 112 p.

11. Knyazeva, E. N. Informational, Constructivist and Self-Organizational Approaches to Explaining Knowledge. *Filosofija nauki*. Vol. 15 (2010). Pp. 74-90.

12. Kondrashkina, P. E., Semyonova, I. P. and Fedorovich, E. Yu. Peculiarities of Objective Space Assimilation by Bank Voles Depending on the Objectives of Vital Activity Pursued by Individuals during Earlier Visits. *From the Beginnings to Contemporaneity: 130th Anniversary of the Foundation of Moscow University Psychological Society: Jubilee Conference Information Package: In 5 volumes*. Vol. 1. Moscow: Kogito-Centr, 2015. Pp. 415-417.

13. Leontiev, A. A. *Active Mind (Activity, Sign, Personality)*. Moscow: Smysl, 2001. 392 p.

14. Leontiev, A. N. *Philosophy of Psychology*. Moscow: Moscow University Publishers, 1994. 228 p.

15. Meshkova, N. N. and Fedorovich, E. Ju. *Orientation and Exploratory Activity, Imitation and Game as Mechanisms of Superior Vertebrates' Psychological Adaptation to Urban Environment*. Moscow: Argus, 1996. 226 p.

16. Novoselova, S. L. *Development of the Intellectual Basis of Primates' Activity*. Moscow: MPSI, Voronezh: NPO «MODEK», 2001. 288 p.
17. Roginskiy, G. Z. New Experiments on Chimpanzees (Orientative and Exploratory Reflex and Imitation). *Abstracts of the 1st Congress of the Psychological Society, June 29 – July 4, 1959*. Vol. 2. Moscow: APN RSFSR, 1959. Pp. 47-50.
18. Reznikova, Zh. I. *The Intelligence of Animals and Humans. The Foundations of Cognitive Ethology*. Moscow: Akademkniga, 2005. 518 p.
19. Sokolova, E. E. *Introduction to Psychology*. Moscow: Akademia, 2005. 352 p.
20. Sokolova, E. E. Does Activity Theory Have a Future? *Voprosy psihologii*. No. 4 (2011). Pp. 129-140.
21. Sokolova, E. E. About the History of "Functional Organ" Notion in the Activity Theory Approach. *From the Beginnings to Contemporaneity: 130th Anniversary of the Foundation of Moscow University Psychological Society: Jubilee Conference Information Package: In 5 volumes*. Vol. 1. Moscow: Kogito-tsentr, 2015. Pp. 178-180.
22. Sokolova, E. E. and Fedorovich, E. Yu. The Possibility of the Activity Theory Approach in the Study of the Exploratory Behavior of Animals. *Voprosy psihologii*. No. 3 (2013). Pp. 92-100.
23. Surmava, A. V. *My Answer to Chamberlains*. 2004. [Online] URL: <http://www.avramus.com/ja/moi-teksty/> (date of access: May 17, 2016).
24. Surmava, A. V. *The Origin of Life, Psyche and Human Consciousness. The Principles of Reflexive Activity Theory*. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. [Online] URL: <http://www.avramus.com/ja/moi-teksty/> (date of access: May 17, 2016).
25. Sjejt, S. and Lilienfel'd, S.O. *Neuromania. How We Lose Mind at the Age of Brain Science Progress*. Moscow: Eksmo, 2016. 368 p.
26. Falikman, M. V. and Cole, M. "Cultural Revolution" in Cognitive Science from Neural Plasticity to the Genetic Mechanisms of Acquisition of Cultural Experience. *Kulturno-istoricheskaya psihologia*. Vol. 10. No. 3 (2014). Pp. 4–18.
27. Fedorovich, E. Yu. The Study of Animal Behaviors in Situations of a Novelty. *MSU Vestnik. Series 14. Psychology*. No. 1 (2011). Pp. 112-123.
28. Fedorovich, E. Yu. *The Comparative Analysis of Approaches to Studying Animal Behavior in Psychology and Ethology*. Thesis of PhD Dissertation. Moscow. 2012. 24 p.
29. Chemero, A. and Heyser, C. Methodology and Reduction in the Behavioral Neurosciences: Object Exploration as a Case Study. *Oxford Handbook of Philosophy and Neuroscience* (Ed. by J. Bickle). Oxford: University Press, 2009. Pp. 68-90.
30. Chemero, A. and Heyser, C. Object Exploration and a Problem with Reductionism. *Synthese*. Vol. 147. No. 3 (2005). Pp. 403-423.
31. Diamond, J. and Bond, A. Social Play in Kaka (Nestor Meridionalis) with Comparisons To Kea (Nestor Notabilis). *Behaviour*. Vol. 141 (2004). Pp. 777-798.
32. Ennaceur, A. One-Trial Object Recognition in Rats and Mice: Methodological and Theoretical Issues. *Behavioural Brain Research*. Vol. 215 (2010). Pp. 244-254.
33. Huber, L. and Gajdon, G. Technical Intelligence in Animals, the Kea Mode. *Animal Cognition*. Vol. 9 (2006). Pp. 295-305.
34. Huber, L., Rechberger, S. and Taborsky, M. Social Learning Effects Object Exploration and Manipulation in Keas, Nestor Notabilis. *Animal Behavior*. Vol. 62 (2001). Pp. 945-954.
35. Kendal, R., Coe, R. and Laland, K. Age Differences in Neophilia, Exploration, and Innovation in Family Groups of Callitrichid Monkeys. *American Journal of Primatology*. Vol. 66 (2005). Pp. 167-188.
36. Pisula, W. *Curiosity and Information Seeking in Animal and Human Behavior*. Florida: Brown Walker Press, USA, 2009. 147 p.
37. Reader, S. M. and Laland, K. N. Animal Innovation: an Introduction. *Animal Innovation*. Ed. by S. M. Reader & K. N. Laland. Oxford: Oxford University Press, 2003. Pp. 3-35.
38. Russel, P. Psychological Studies of Exploration in Animals: a Reappraisal. *Exploration in Animals and Humans*. Ed. by J. Archer, L. Birke. UK: Van Nostrand Reinhold, 1983. Pp. 22-55.
39. Wright, T., Eberhard, J., Hobson, E., Avery, M. and Rusello, M. Behavioral Flexibility and Species Invasions: the Adaptive Flexibility Hypothesis. *Ethology, Ecology & Evolution*. Vol. 22 (2010). Pp. 393-404.

ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 93/94(908)

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-2-57-61

Борщик Н. Д.

**ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
И СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОГО РЕГИОНА)**

Борщик Наталья Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор. Курский государственный университет, ул. Радищева, 33, г. Курск, 305000, Россия. E-mail: arktur4@rambler.ru

Аннотация

Интенсивное интегрирование России в мировое экономическое пространство в условиях современной геополитической обстановки требует более пристального внимания к устойчивому и динамичному развитию ее регионов. Трансформация российского общества на современном этапе привлекла самое пристальное внимание как к институтам гражданского общества и государства в целом, так и к проблемам управления социально-экономическим развитием ее регионов.

В статье рассматривается одна из сложных внутренних проблем современной России – соотношение полномочий властных структур федерального и регионального уровней в сфере эффективного управления регионами. В настоящих условиях усиления роли России в мировом сообществе, активизации экстремистской деятельности в традиционно считавшихся «устойчивыми» в этом отношении европейских странах, повышении террористической угрозы в отдельных регионах Российской Федерации требуется осмысление исторического опыта взаимодействия центральных и местных властей.

Автором сделана попытка проследить историю управления конкретным регионом в советский и постсоветский период.

Ключевые слова: история регионального управления; Курский регион.

Borshchik N. D.

**THE HISTORY OF NATIONAL REGIONAL MANAGEMENT
AND MODERN REALITIES (EXAMPLE OF KURSK REGION)**

Borshchik Natalya Dmitrievna, Doctor of Historical Sciences, Professor. Kursk State University, 33 Radishcheva St., Kursk, 305000, Russia. E-mail: arktur4@rambler.ru

Abstract

Intensive Russian integration into the global economy in today's geopolitical situation requires more attention to sustainable and dynamic development of its regions. The transformation of Russian society at the present stage has attracted the most attention both to the institutions of civil society and the state in general, and to the management problems of socio-economic development of its regions.

The article focuses on one of the most complex internal problems of modern Russia – the right balance of federal and regional management in the region for achieving effectiveness. In real conditions of the strengthening role of Russia in the world community, with the activation of extremist efforts in the European countries which were traditionally considered to be "steady" in this regard, and with the increase of terrorist threat in certain regions of the Russian Federation it is important to analyze the historical experience of interaction of the central and local authorities.

The author has made an attempt to track the history of management in Kursk region in the period of the Soviet Union and modern Russia.

Keywords: history of regional management; Kursk region.

Введение. Сложные процессы интеграции России в мировое сообщество на региональном

уровне автоматически ведут к фундаментальным проблемам, с которыми постоянно сталкиваются

российские федеральные властные структуры – взаимоотношения центра и субъектов федерации с их уровнем полномочий и компетенций. В современных российских реалиях возникли так называемые проблемы «федерализма и регионализма» и, как результат, – неравномерность регионального развития, появление в рейтинге успешности регионов как стабильно благополучных субъектов Федерации, так и отстающих по ключевым показателям. Вызовы времени требуют осмысления отечественного опыта управления регионами и их социально-экономическим развитием.

Целью настоящего исследования стало изучение истории регионального управления в советский и постсоветский период на примере Курского региона. Исследование основано на опубликованных в открытой печати материалах; использованы как печатные, так и Интернет-источники. Привлечены сочинения советских и современных специалистов, зарубежных публицистов. Работа выполнена с учетом важнейших общенаучных методологических принципов, в частности, принципов объективности и историзма, предусматривающих анализ собранной информации в контексте конкретной исторической обстановки, который дополняют такие специальные методы исследования, как многофакторность, сравнение, аналогия и др. Далее предлагаются основные результаты исследования и некоторые выводы.

***

Советская система государственного управления в целом имела целый ряд особенностей, которые влияли и на управление регионами. Практически во всё время своего существования Советский Союз был одним из самых централизованных государств в мире при наличии плановой экономики и отсутствии частной собственности. Отдельным регионам, как и хозяйствующим субъектам, не было предоставлено никакой самостоятельности. Очевидно, что в таких условиях говорить о культуре местного самоуправления было бы неуместно, так как деятельность местных органов власти полностью контролировалась вышестоящими органами. Они, в свою очередь, ориентировались на показатели годовых и пятилетних планов, разрабатываемых Государственным плановым комитетом.

После периода «застоя» стало понятным, что в СССР к 1980-м годам был уже исчерпан ресурс «стремительной индустриализации», присущей 1930-м, и страна вступила в фазу системного кризиса. Реформы М. Горбачева, направленные на интенсификацию советской экономики,

которые многими современными исследователями и общественными деятелями оцениваются крайне негативно [см.: 1, с. 82; 3], ускорили развитие кризиса.

Несмотря на особенности исторического контекста конца XX в., распад Советского Союза аналогичен распаду многих империй, имевших общие характерные черты: авторитет центральных властей крайне низок при усилении политических амбиций региональных и местных властей; страна практически неуправляема из-за деградации государственных институтов и т.п. [см.: 4]

Нужны были не только экономические реформы, но и радикальная модернизация системы государственного и регионального управления, местного самоуправления, создание нормативно-правовой базы для возможности формирования новой политической культуры, в том числе, по мнению зарубежных авторов, в духе «цивилизованной децентрализации» [9, 10]. Но курс социально-экономических реформ, предложенный правительством в начале 1990-х годов, полностью игнорировал региональную составляющую: «Ельцинское правительство начало обращаться к проблеме регионализации реформ с опозданием, лишь с середины 1992 года. В обращении к региональным руководителям на встрече в Чебоксарах в сентябре 1992 г. Ельцин признал, что региональные проблемы реформаторского курса проигнорированы и что необходимо перенести фокус реформ с Москвы на регионы» [5].

В действительности дело обстояло еще хуже. Политический и экономический кризис в начале 1990-х привел к стремительному обособлению регионов. Местные власти и региональные лидеры пытались в этих непростых условиях уберечь подведомственные им территории от охватившего страну хаоса. Возникла интересная ситуация, когда местные чиновники для решения своих проблем пытались игнорировать федеральное законодательство – на местах принимались нормативы, не только существенно ограничивающие выплаты федеральных пособий, но и изменявшие налоговую базу. Кроме этого, региональные лидеры в местном самоуправлении стали видеть угрозу своей реальной власти в условиях кризиса центральной власти и обособления регионов.

Ко второй половине 1990-х годов неопределенность в отношениях федерального центра и регионов России так и не была преодолена. Значительный политический вес региональных лидеров [7], их влияние на принятие решений законодательной и

исполнительной властью, бесконтрольность и всеобъемлющий характер власти губернаторов в регионах породили явление в экономической жизни страны, печально известное как «бонапартизм». Последний означал гипертрофированное значение руководителей субъектов федерации в системе государственной власти, проявляющееся как внутри региона, так и на уровне федерации. Главной чертой его являлось противостояние федеральному центру и представительству федеральных органов власти в регионах. Существование этого своеобразного явления возможно только в условиях слабости федеральных властей, их неспособности контролировать субъекты федерации, как в плане соблюдения действующих федеральных законов, так и в отношении создания законов для регионов.

Ярким примером проявления «бонапартизма» можно считать деятельность А.В. Руцкого на посту губернатора Курской области в 1996–2000 гг. Многочисленные опросы общественного мнения показывали, что в этот период среди наиболее острых, нерешенных проблем Курской области респонденты называли проблемы экономики области, долги по зарплате, пенсиям и пособиям, безработицу, социальные проблемы, низкий уровень благосостояния. Другими словами, данные социологических опросов общественного мнения курян позволяют косвенно судить об оценке деятельности губернатора и его администрации. Предвыборное обещание сделать из Курской области за четыре года «черноземный Кувейт» и привлечь значительные иностранные инвестиции в экономику А.В. Руцким не были выполнены. Проблема слабости областной промышленности и сельского хозяйства оставалась, по мнению жителей, главной. Социальные проблемы Курской области (долги по зарплате, пособиям, благосостояние населения, строительство жилья и др.) также требовали решения. «Очевидно, что губернаторская власть в Курске в условиях практической реализации регионального бонапартизма осталась самоцелью, а не средством достижения экономических и социальных целей» [6, 8].

В этих условиях федеральный центр начал предпринимать первые шаги по упорядочению управления регионами: была сделана попытка ограничить всевластие глав регионов. В частности, появились проекты договоров о разграничении полномочий и предметов ведения федерального центра и регионов.

После инаугурации в марте 2000 г. В.В. Путин открыто выступил против

«регионального бонапартизма»; в рекордные сроки была проведена так называемая федеральная реформа. Главы регионов уже не выбирались, а назначались Президентом и могли быть отстранены им в случае нарушения норм законодательства РФ. Страна была разделена на федеральные округа, в каждый из которых назначался полномочный представитель Президента. Очевидно, что эти меры, ограничивающие властные полномочия региональных лидеров, были предприняты с целью построения сильной централизованной вертикали власти, опирающейся не на политические, а на финансовые рычаги.

На современном этапе уместно провести такую историческую параллель: как на рубеже 1990-х наблюдался «распад империи» (СССР. – Н.Б.), так сегодня идет обратный процесс – «собрание земель». При этом необходимо учитывать, что современная политическая система радикально отличается от советской, а значит, структура современных региональных социально-экономических систем с появлением пространственной экономики и пространственных инноваций, а также общемировые глобалистские тенденции делают принципиально невозможным использование опыта советских методов управления государством.

Тем не менее, деятельность региональных администраций значительно осложняется отсутствием у правительства РФ четкой региональной политики, обеспечивающей справедливое отношение ко всем регионам и в то же время адекватно реагирующей на особенности развития региональных социально-экономических систем. В этих условиях большая ответственность возлагается на региональные органы управления, в связи с чем выдвигается актуальная задача по созданию эффективных систем местного управления и выработке оптимальных региональных стратегий. В то же время центр тяжести в решении многих социальных проблем все более смещается на уровень муниципального образования. Не вызывает сомнения тот факт, что решение социальных проблем территорий возможно лишь при стабильно работающей и развивающейся экономике. От того, как работают предприятия, как функционирует малый бизнес, каков инвестиционный климат территории, какими ресурсами она обладает, во многом зависит решение социально-экономических проблем территории.

Современная Курская область выступает как один из субъектов Центрального федерального

округа и входит в состав Центрально-Черноземного экономического района. Среди актуальных проблем эффективного регионального управления можно выделить повышение инвестиционной привлекательности муниципальных районов Курской области, для чего необходимо реализовать ряд мер:

- эффективное использование бюджетных средств на проведение мероприятий по развитию агропромышленного производства;
- ограничение насыщения продовольственного рынка импортной продукцией и повышение уровня продовольственной безопасности;
- создание благоприятных условий для ведения предпринимательской деятельности.

Курская область имеет статус приграничного региона, а значит, теоретически имеет возможность налаживать трансграничное сотрудничество. Сферы взаимодействия с сопредельными государствами различны и зависят от социально-экономического развития, потребностей, уровня конфликтности и пр. Они могут охватывать торговлю, инвестиции, агропромышленный комплекс, т.е. приграничное сотрудничество может развиваться по многим направлениям, способствуя развитию и укреплению хозяйственных, культурных, гуманитарных связей между приграничными территориями РФ и сопредельных государств, способствовать созданию и эффективному развитию экономической и социальной инфраструктуры на приграничных территориях. Совместное решение экономических, транспортных, энергетических, коммунальных, экологических, социально-демографических, гуманитарных и других проблем приграничных территорий может реализоваться на основе совместно или согласованно разрабатываемых проектов [2].

Для реализации этих целей необходим ряд условий – от образования специальных органов управления приграничным сотрудничеством и привлекательного инвестиционного климата до создания условий, способствующих прохождению экспортных и импортных товаров через приграничную территорию РФ и совершенствования миграционного, налогового, таможенного, уголовного законодательства.

Как пример взаимовыгодного сотрудничества двух приграничных областей – Курской (в составе РФ) и Сумской (в составе Украины) в 2007 г. был образован еврорегион «Ярославна». За годы существования еврорегион зарекомендовал себя исключительно с положительной стороны: упрощение пересечения границы, новые туристические маршруты, модернизация транспортной инфраструктуры,

культурное взаимодействие и пр. Еще до создания «Ярославны» Курскую и Сумскую области связывало соглашение о сотрудничестве. С 2002 года внешнеторговый оборот между регионами вырос в шесть раз, почти до 60 млн долларов. Более 40 млн долларов – итог только девяти месяцев 2013 г. Курская и Сумская области значительно нарастили товарооборот и обмен культурными связями: работал международный лагерь студенческого актива «Славянское содружество»; Курская епархия совместно с органами власти Сумской области организовали единственный в стране международный крестный ход с чудотворной иконой по территориям двух областей. Были подписаны и реализовывались 19 соглашений между городами, районами и сельскими территориями участников еврорегиона «Ярославна». Опыт двух регионов приводился в пример Ассоциацией европейских приграничных регионов (АЕПР), собравшейся в Курске в 2011 г. В планах на 2014 г. было создание совместных бизнес-проектов, Сетевого трансграничного университета на базе Курского госуниверситета, уроки русской и украинской культуры в школах, совместное изучение фольклорных традиций и мн. др.; был обсужден широкий круг вопросов взаимодействия Курской и Сумской областей в сферах экономики, экологии, молодежной политики, культуры, спорта и др., высказан ряд новых инициатив.

Но после государственного переворота на Украине 2014 г. реализация проекта была приостановлена, на официальном уровне все мероприятия и встречи оказались замороженными. Тем не менее, Курская область как приграничный регион продолжает свое развитие. Исследование состояния приграничного сотрудничества показало необходимость усиления внимания к этой сфере деятельности приграничных субъектов Российской Федерации не только со стороны государства, но и бизнес-структур, политических элит и оппозиции. При этом совершенствование системы управления в отношении приграничных регионов должно быть направлено на скорейшее выравнивание их социально-политического потенциала и повышение уровня жизни населения, а не служить корыстным интересам отдельных социальных групп. Органы местного самоуправления тоже не должны оставаться в стороне, хотя у нас в стране нет нормативных актов, делегирующих подобные государственные полномочия органам и должностным лицам приграничных муниципалитетов.

Заключение. В условиях современного геополитического положения России можно отметить, что при выстраивании эффективного управления регионами следует учитывать, во-первых, отечественный исторический опыт; во-вторых, существенные недостатки федеративного устройства нашей страны:

– угроза сепаратизма и отделения отдельных территорий;

– этнические и культурно-национальные конфликты;

– привилегированное положение отдельных субъектов вследствие необходимости удержания их в составе Российской Федерации;

– потеря управляемости и оперативности власти в российских географических и климатических условиях. Учитывая исторический опыт реформирования государственного, регионального управления и местного самоуправления, обоснованно можно предложить в российской государственности усиление «имперских начал» с дальнейшей централизацией (укрепление вертикали власти).

Постсоветский период убедительно показал, что федерация является единственно возможной на данном историческом этапе формой существования такого неоднородного, многонационального, многоконфессионального государства, как Россия. Но экономический рост и повышение благосостояния населения связано с интересами как отдельных регионов, так и всего государства в целом. Именно поэтому управление регионами современной России сегодня приобретает большое значение и становится одним из ведущих направлений в развитии нашего государства.

Литература

1. Бжезинский, З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы / Пер. с англ. О. Ю. Уральской. М.: Международные отношения, 1998. 255 с.

2. Борщик, Н.Д. Совершенствование системы управления приграничным регионом (на примере Курской области) // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2015. № 3 (6). С. 56-58. [Электронный ресурс] URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23802467> (дата обращения: 22.03.2016).

3. Брейтвейт, Р., Мэтлок, Д., Тэлботт, С. Горбачев. Крах советской империи / Пер. с англ. М.: Алгоритм, 2012. 400 с.

4. Верт, Н. История советского государства. 1900-1991 / Пер. с фр. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. 480 с.

5. Герасимов, Г. Гайдар и его реформы // Эксперт Online. [Электронный ресурс] URL: http://expert.ru/2009/12/17/reformy_gaidara/ (дата обращения: 21.03.2016).

6. Магомедов, А. Мистерия регионализма: Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья) [Электронный ресурс] URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/19192911/> (дата обращения: 21.03.2016).

7. Пшенкин, А.А. Metaphorical Image of the USSR / Russia in American and Russian Political Discourse // Политическая лингвистика. 2006. № 20. С. 146–160.

8. Сарычев, С. Губернаторство Александра Руцкого: развитие регионального бонапартизма (1996–2000). [Электронный ресурс] URL: http://kursk-psychol.narod.ru/agn_kursk/statdwa.pdf (дата обращения: 21.03.2016).

9. The Soviet dictatorship / by H. McClosky and E. Turner. New York: McGraw-Hill, 1960. 657 p.

10. Raymond, E. The Soviet State. New York – London, 1968. 248 p.

References

1. Brzezinski, Z. *The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1998. 255 p.

2. Borshchik, N. D. The Development of the System of Management in the Border Region (Example of Kursk Region). *Rossiyskaya nauka i obrazovaniye segodnya: problem i perspektivy [Russian science and education today: problems and prospects]* No. 3(6) (2015). Pp. 56-58. [Online] URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23802467> (date of access: March 22, 2016).

3. Braithwaite, R., Matlock, D., Talbott, S. *Gorbachev. The Collapse of the Soviet Empire*. Moscow: Algoritm, 2012. 400 p.

4. Werth, N. *The History of the Soviet State. 1900–1991*. [Histoire de l'Union Soviétique. De l'Empire russe à la CEI, 1900-1991]. Moscow: Progress, 1992. 480 p.

5. Gerasimov, G. Gaidar and his Reforms. *Expert Online*. URL: http://expert.ru/2009/12/17/reformy_gaidara/ (date of access: 21.03.2016).

6. Magomedov, A. *Mystery of Regionalism: The Regional Governing Elites and Regional Ideologies in Modern Russia: Models of a Political Reconstruction "from the bottom upwards"*. [Online] URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/19192911/> (date of access: March 21, 2016).

7. Pshenkin, A. A. Metaphorical Image of the USSR / Russia in American and Russian Political Discourse. *Politicheskaya lingvistika*. No. 20 (2006) Pp. 146-160.

8. Sarychev, S. *Alexander Ruskoi's Governorship: the Development of Regional Bonapartism (1996–2000)*. [Online] URL: http://kursk-psychol.narod.ru/agn_kursk/statdwa.pdf (date of access: March 21, 2016).

9. McClosky, H. and Turner, E. *The Soviet Dictatorship*. New York : McGraw-Hill, 1960. 657 p.

10. Raymond, E. *The Soviet State*. New York – London, 1968. 248 p.

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-2-5-62-68

Yanitsky O.N.

**LOOKING BACK: RUSSIAN ENVIRONMENTAL MOVEMENT
IN THE LATE 1980s**

Yanitsky Oleg Nikolaevich, Doctor of Philosophy, Professor. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 24/35 bld. 5 Krzhizhanovskogo St., 117218, Moscow, E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

Abstract. The Soviet environmental movement (the EM) has existed for more than 50 years now. It exerted a significant impact on the course of the early years of reforms (*perestroika*) in the late 1980s, when the author played the roles of the EM researcher, its critic and adviser. The article presents a combination of systematically organized field-research, the study of literature, and the author's personal experience. The description of approaches and methods, the main features of those turbulent years, the EM's diversification processes and the relationships with the power structures and other social movements, and the main outcomes of the early years of reforms are the main points of the article. The author concludes that despite all twists the EM has played a significant role in the *perestroika* processes.

Key words: critical state; diversification; environmental movement; methods; *perestroika*; power structures; the Soviet Union.

Яницкий О. Н.

**ОГЛЯДЫВАЯСЬ НАЗАД: РОССИЙСКОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ
ДВИЖЕНИЕ В КОНЦЕ 1980-х гг.**

Яницкий Олег Николаевич, доктор философских наук, профессор. Институт социологии Российской академии наук, ул. Кржижановского 24/35, корп. 5, 117218, Москва, Россия. E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

Аннотация Экологическое движение (ЭД) в СССР/России существует более 50 лет. Оно оказало существенное воздействие на процесс перестройки, в годы которой автор был одновременно исследователем ЭД, его критиком и советчиком. Статья представляет комбинацию полевого исследования, изучения литературы и осмысления накопленного автором опыта. Описание подходов и методов исследования, главных черт тех беспокойных времен, процессы диверсификации ЭД и его взаимодействия с другими социальными движениями, основные результаты реформ тех лет – главные темы данной статьи. Автор заключает, что, несмотря на трудности и ошибки, ЭД оказало существенное воздействие на ход перестройки в названные годы.

Ключевые слова: диверсификация; критическое состояние; методы; перестройка; структуры власти; экологическое движение; Советский Союз.

Methods, Approaches, and the Competency

As a city planner in origin, I was well acquainted with the literature on environmental processes and their studies across the world, especially focused on an urban environment. This article is a combination of the systematically organized field-research with the study of sociological and scientific literature as well as the comprehension of my personal inclusion in a range of public discussions and actions so popular in those times. Besides, being the member of the Soviet National Committee for the UNESCO's "Man and the Biosphere" program and in parallel the member of the ISA Research committee "The Environment and Society". I had access to the "club" of leading environmentalists of the world. In 1987-91s, I was the initiator and co-leader of the international

research project titled "Cities of Europe: The Public participation in Urban Environment Protection" in which we gathered about 16 environmentalists from the Western Europe and the Soviet Union [4]. In the same period, I studied the Soviet social movements by interviews with very different socially and politically public figures of those times [11].

In early 1990s, I took part in the French-Russian research project "Ecological movements in Russia" guided by Prof. Alain Touraine (France). It had been a rather interesting experiment of application of the "Sociological Intervention" method developed by Touraine and his colleagues. Later on, the results of such "intervention" were checked by means of individual interviews and by content analysis of the Green press, leaflets, manifestos, mottos, etc. Of course, in those times I widely used the method of

semi-structured in-depth interviews combined with building of the chronicles of particular environmental conflicts with a focus on the disposition of parties involved and the dynamics of its configuration. Finally, from the childhood and onwards I liked any historic literature, and my father, a historian in origin, maintained my interest to historical literature and in particular to the deeds of the pathfinders and other travelers. Finally, since my ‘big family’ was rather diverse in age and professional skill, I had a lucky chance to look on current social processes “top-down” and “bottom-up”. So, I was more or less well prepared to enter this multidisciplinary realm of studies and action as environmental sociology.

Looking back to the history of Russian environmentalism as such, there are, in my view, two authors, Douglas Weiner [8; 9] and Vladimir Boreiko [1; 2; 3] who have studied the history of the Soviet and Russian EMs most carefully and in detail. Of course, I should mention many other researchers, such as Nikolai Reimers, Felix Schtilmark, Sergei Zalygin, Valentin Rasputin and many others. But the first two were the most fundamental explorers.

As to my personal experience, I am convinced that the childhood, family and its nearest milieu had played the key role in my choice of environmentalism in the widest sense of the word. My family and its immediate milieu were rather diverse and attractive. There were physicians, psychoanalysts, polar researchers, historians, geographers, etc. But it doesn’t mean that this milieu was an “elitist”. Later on, being already a professional environmentalist, I realized how important it is to be close to the nature, to understand its laws and to love it. To my mind, the environmentalism is not only a profession – it is a mission.

Main features of the critical years: Glasnost, democratization vs. the decay of the social order

Earlier, I have introduced the notion of critical area or zone [12]. But in this case we are dealing with the critical networks and processes. The years under consideration were rather contradictory and critically unstable. On the one hand, one could observe the processes of environmental turn everywhere: in politics, in public life, in mass consciousness, in the media, etc. The environmental issues have been at the top of public agenda. The independent green press has emerged (the info letters, press releases, memorandums, manifestos, appeals, etc.). It was the period of mass emergence of grassroots among the young as well as the old. The universities, research institutes, the unions of newspaper writers, architects, and cinematographers played the engendering milieu for them. This intellectual milieu played a double

role: it protected the civic initiatives from the Communist Party pressure, and at the same time educated the environmental activists. It was the period of “learning by doing”.

On the other hand, it was a period of industrial decay, political disorder and of the emanation of giant masses of energy of collapse (the mass of the jobless, the flows of refugees and forced migrants). During this very period, the stratum of the “wasted people” (Z. Bauman) has emerged. Then, it was an obvious trend of diminishing attention to such traditional for Russian science and practice issues as keeping the reserves, including the biosphere, and of shifting the public attention toward such nation-wide technological projects as hydropower stations, nuclear power plants, gas-and-oil infrastructures, channels, and the like. Finally, it was the period of mass protests against the northern rivers diversion project, in the defense of the Aral Sea and Lake Baikal. The weakening social order gave way to various asocial groups: criminals, shadow dealers, street-gangs, etc.

Just after the 2nd Congress of the Peoples’ Deputies of the USSR (1990), it became clear that the overall cohort of environmental activists have divided into two parts: those who were actually striving for the nature protection and those who used environmental slogans for building their political carriers. Nevertheless, the post-totalitarian system turned out far more flexible and adaptive than it was predicted by some western sociologists and politicians. Simulating its democratic stance, the system developed and refined its most efficient survival tactics: it converted its economic and political power into private property. Almost nobody noticed that this conversion was going on despite all mass protests and public opinion polls. The cause is that inside of the “socialist mode” of production the capitalist one was gradually shaping. The giant system of industrial production, not sufficient and sometimes backward, but still working was gradually literally taken to pieces by cooperatives. Then, the Young Communist League (the YCL) took the lead in launching such initiatives as the establishment of Centers for Scientific-and-Technical Creativity of the Youth (the CSTC), the Young Housing Cooperatives built by the hands of young people, etc. After then, the struggle against such mega-projects as the diversion of some Siberian rivers, the Volga-Don and the Volga-Chograi channels turned off public opinion from the processes of privatization of lands and enterprises in the interests of a few powerful groups. The upper level of national agenda was occupied by the idea of a quick conversion of the socialist mode

of production into a capitalist one. Finally, the main priority of the system was and still is the control over production and sale of oil, gas, and other nonrenewable resources.

Monopolization was another distinguishing feature of the Soviet system. Decentralization and self-government turned out into a particular form of monopoly. After a short period of small business flourishing, the economic and political monopolists took over in the majority of branches of economy. Some Russian environmentalists tried to combine their nature protection activity with small business but failed. In the end, a majority of politicians of the “new wave” used environmental mottos for the achievement of their political aims [6]. Any attempts of Russian environmentalists to “graft” sprouts of democratic self-government to the “administrative-command” system failed or turned around. Besides, *Glasnost* turned out a two-faced Janus. On the one hand, it was an instrument of a critical estimation of the past. On the other hand, *Glasnost* opened a way to destructive criticism of real achievements of the Soviet times.

The environmental movement diversification

To begin with, long before *perestroika*, there were thousands of grassroots in the Soviet Union. The majority of them was named as public organizations (*obshchestvennye organizatsii*) and was affiliated to the YCL, the Pioneer organization or to a particular enterprise. Besides, by and large such public organizations as the Fishers’, the Hunters’ societies as well as the societies of Inventors and the Rationalizers were established. To some degree, the Fishers’ and Hunters’ organizations fulfilled the function of nature protection. Finally, from 1932 and onwards, there was the All-Russian Society for Nature Protection but it was subordinate to the party-state machine. The only one public organization with more or less independent activity was the Moscow Society of Naturalists (the MSON).

From the late 1970s onwards, the process of diversification of the Druzhina movement has begun. Step by step the new branches of it shaped: the “Reserves”, the “Soot” (i.e. the fight against poachers, the “Tribune” (i.e. the education and propaganda of environmental knowledge and know-how), etc. The process of ideological differentiation was also going on. Up to the early 1990s, there were at least seven groups in the EM: conservationists, alternativists, eco-anarchists, traditionalists (enlighteners), civic initiatives (grassroots), eco-politicians, eco-patriots, and eco-technocrats.

As noted before, the conservationists were the core of the EM. Their starting point was bioscientism

(“Nature knows best”) and the idea that the ecological disasters were inevitable. The last statement resembles the well-known maxima of a “Normal accident” [7]. The conservationists strived for the creation of a world community of Greens and the construction of a society of modest needs.

The alternativists and the eco-anarchists were the most ideologically oriented groups. Their leaders were professional ideologists of eco-anarchism. Many members of these groups were the members of small green parties or the anarcho-syndicalist movement. The leaders of these groups permanently combined social activity with a constant reflection. Both groups were adversaries of the state as a political institution stressing the necessity of local self-provision and self-organization.

The traditionalists consisted of a humanistically oriented part of the Soviet intelligentsia which maintained the ideals of good, trust, tolerance, and non-violation. The traditionalists were oriented toward the Russian past maintaining the principle of succession of Russian culture of the 19th century. The core of the group consisted of historians and other scholars, journalists, writers, educators. Despite their ideological heterogeneity, this group was united by their reflective mode of thinking and their ability to assess critically any ecological ideas and projects as well as their own activity.

The civic activists (the grassroots) were and are now a locally-oriented group. It is wrong to think that there was no civil activism in the Soviet times. It had existed but within the frames of the communist ideology. The period under consideration was marked by the upsurge of environmental activism not only in capitals but also in remote provinces. The reader should not forget that the Soviet Union was not only a forcefully industrialized country but the country of predominantly rural mode of living. It is indicative that many leaders of the recent EM have emerged in small towns and villages. It was their advantage because they perceived and comprehended a reality as the integrity, as something inseparable.

The eco-politicians were and still are the most heterogeneous group of the EM. It consisted of conservationists, alternativists, eco-anarchists, traditionalists, nationalists, and independent politicians. This group was structurally diverse as well. It included environmental theorists, the leaders of local and nation-wide and even international environmental civic organizations (like the World Wide Fund for Nature or the Socio-Ecological Union), the members of national and regional parliaments and administrative bodies. There were cases when one person played multiple roles: a green

activist, a chairman of a certain environmental fund, an expert, and so on. It was a rather interesting period of the environmental policy formation.

The eco-patriots were very influential but a small group of the EM. The writers, Valentin Rasputin and Faddey Shipunov, were its ideologists. They were against mega-technological constructions like the cascades of hydropower stations in Siberia, and industrial pollution of Lake Baikal. They called for the protection and revitalization of endemic cultures of the Soviet Union. In such a manner environmental activists might be called as the ‘deep ecologists’ and therefore counter eco-technocrats.

The technocrats of the period under consideration were “naïve technocrats”. This small group had been recruited from the emerging small business strata. Its members were mainly blue and white collars who were inventors and rationalizers in the Soviet times. They thought that by means of the more rational organization of any productive process and sparing the use of resources a pressure of productive and consuming processes on nature could be seriously lessen. In the mid-1990s this group extinguished at all.

The issue of ideological and political divisions between the abovementioned groups deserves special attention. I would only mention that the “iron cage” of market economy leveled the differences between many of them. Roughly speaking, modern Russian environmentalists are divided into two big camps: Those who continue to defend nature and those who think that the “state knows better”. It is indicative that today world’s intellectual community is rather concerned with the issue of restoration of Palmira and other historical-cultural monuments counted as the “world heritage” whereas dozens of war-ravaged big and small oases of life in Syria are still beyond the world public attention.

It is well understandable that the above groups of the Soviet EM, being the members of the Socio-ecological Union (the SoES), were not tightly interdependent and in many times compete with each other even in front of the overall state pressure. Another weak point of majority of them was their reluctance to focus on urgent vital needs and social problems of the Soviet Union population. Such alienation was a means to defend them from the accusations of excessive politicization. Another reason for such alienation was that the biologists took the leadership in the SoES, the WWF-Russia, and in the overall environmental movement from the very beginning. More than that, the relatively young leaders of the SoES, the WWF and other NGOs were supported by Russian outstanding biologists and

public figures such as Alexei Yablokov, Nikolai Reimers, David Armand, Sergei Zalygin, and Valentin Rasputin.

Finally, I would underscore that the very term “ecology” had been used by many politicians and public figures as a political motto designated the move towards a better life. It meant that this term lost its initial meaning and acquired a very uncertain sense. Sometimes it was a kind of demonstrative behavior, no more. The idea of an integral approach to the analysis of social structures and processes has been lost or at least lags behind.

The Greens and the power structures

In my early articles on the Soviet/ Russian environmentalism, I uncritically accepted the ‘state-civil society’ dichotomy [10; 13]. Now I have realized that it was a mistake. The perestroika period was very contradictory and full of inner conflicts between adversarial groups. A more detailed analysis shows the following. First, initially the Soviet leader M. Gorbachev called for the acceleration of the scientific-technological progress. The question of which type of society we did want to build was not discussed at all. Second, the substantial goal, that is, what type of society we want to construct was replaced by instrumental goals, that is, by the acceleration (of what?), glasnost’, and democracy. Third, as it is clear now, the pursuing of these instrumental goals turned into the weakening of the so called administrative-command system and finally into the decay of the Soviet Union. This decay was accompanied by the emanation of giant masses of energy of collapse (the jobless, the homeless, refugees, forced migrants, etc.). To my mind, it was not perestroika – it was the beginning of a civilizational turn which has been still continuing now. Nevertheless, in the eyes of Soviet environmentalists the very state was their main opponent. Therefore, it is methodologically possible to use the above dichotomy for the analysis of their relationships. More exactly it is focused on the relationships between various the EM’s branches and bureaucratic organizations of the state of different levels.

Roughly speaking, the weakening Soviet state treats the Greens negatively in general. But at the same time its attitude towards particular groups varies. As to the conservationists, the state regards them as “romantics” (D. Wiener called them *chudaki*, i.e. a bit not adequate people) and their ideas as a wishful thinking. At the same time, the state was inclined to cooperate with them. The state agreed neither with their goals nor with their forms of public activity. It is the classic case of pre-emption [5]. At

the same time, at the international level the Soviet state tightly cooperated with other countries in the construction of the network of the Biosphere reserves across the globe. I remind that in the period of 1960-80s, the major environmental protests were initiated by the leading naturalists, writers, and journalists. And some of the leading naturalists were the state's advisers. The state's attitude towards the traditionalists was ambiguous: it neither opposed nor supported their propensity to enlightening and cultural activity. Some leading figures of the movement, especially, writers, were open nationalists while others spoke for the protection of cultural heritage of the multi-national country. As I've mentioned earlier, the period under consideration was marked by the mushrooming of local civic initiatives, i.e. grassroots, mainly of protest character. It was a rather remarkable period of mass rise of such initiatives in small cities and towns in remote provinces. But there were a lot of initiatives of creative character: the establishment of charitable organizations and groups of self-help, of small business aimed at the restoration of historical and cultural monuments and local crafts, etc. All this meant that the local population has accumulated a lot of creative energy and has been ready to direct it for a production of common goods. In sum, the relationships between this initiatives and power bodies were the combination of contract and conflict.

The alternativists were the ideological opponents of the state and therefore did not join any state or municipal organization because, in their opinion, such participation could disorganize the EM. They preferred the so called "contract" relationships with the authorities. The contract meant an "informal, mutually beneficial, and time-limited interaction of the group and the local body of power, not assuming any mutual obligations in the future. As a rule, the alternativists organized mass protests and campaigns, perform acts of civic disobedience, and develop alternative settlement projects" [13, p. 70]. The eco-politicians were a very diverse group. Let me stress that in those times the very notion of "politics" was rather uncertain. Any public action, verbal or real, might be qualified as "politics" by the state's representatives. In my view, there were two main groups of eco-politics. The former strive for the cardinal reforms of the whole sphere of existing principles of state environmental policy. The latter used ecological slogans for building personal political carriers. This division became obvious on the early stage of perestroika [10; 11]. Initially, the eco-patriots gained political weight and public support. At the local level they became the allies of

the new bodies of power, especially at the municipal level. But in time, the power structures realized that such patriots were a potential threat of further decomposition of the RF. Being pushed aside from the power structures, the eco-patriots became their strong adversaries. But today, the eco-patriots have not only backed the right-ward shift in the environmental politics but have tried to revitalize their political position as advisers of the federal and regional powers. Strictly speaking, the eco-patriots were never among the leaders of perestroika and democratization processes. Finally, the naïve eco-technocrats very soon disappeared from the public arena. But historically, it is interesting that this group was mainly generated by the Centers for Scientific-and-Technical Creativity of the Youth.

Environmental and other social movements

Let me quote my own article written in 1996, because my estimates of their relationships have remained the same. The environmental movement stands a little aloof among other social movements in Russia. The first reason for such distancing is that the ecological movement was formed long before *perestroika*. Second, the movement was not only protest- and destruction-oriented, but also creative (research and development, ecological education, expertise, etc.). Third, the struggle for power was never the main or even secondary goal of the movement. Fourth, the ecologists did not represent the interests of a certain stratum of Russian society. Fifth, the strategic goals of the ecological movement, no matter how they were formulated, always were qualitatively different from those of the other movements.

As to the reasons for this distance, the "main factor is unwillingness of ecological movement leaders to have any contact with the other movements, such as Housing, Women, or the Movement in Defense of the Self-government. The leaders of the SoES and other ecological organizations always preferred to involve new people and groups in their own activities rather than to cooperate with the other movements. Another subjective reason why the movements remained separate is the conviction of the ecological movements' leaders that the other movements and parties do not pay due attention to ecological issues in their programs or political actions. During the periods of democratic upheaval (in 1987 and 1991), the Greens supported the Democrats, giving them professional assistance (such as making up their election programs), as well as a political support by taking part in meetings and mass actions of the

Popular Fronts and then of the Democratic Russia movement...

The deeper reasons for this distancing are intrinsic to the difference between the nature and political status of these movements. The ecological movement is first of all oriented toward enhancing its identity, developing and implementing environmental and other projects. The movement is nearly independent of the current political situation, and is hermetic to oppose political pressure. The democratic movement was purely political from the start. This is a power-oriented movement aimed at fighting the communist ideology and the administrative command system. There are practically no relations between the Greens and the communist movement. Until 1993, the communists were not a mass movement. As our studies show, the Greens' assessment of the communists is unambiguously negative". Later on, "the communists have become a serious political force again. Having become a large faction in the new parliament, the communists will be forced to somehow take into account the environmental concerns of the public. Furthermore, the communists' electorate consists of not only the former party *apparatchiks*, but also the state employees and pensioners – the least socially and ecologically protected groups. The eco-movement's leaders did their best in the pre-perestroika and early perestroika years to neutralize its patriotic-oriented branch and not let to the patriots shape the tactics and strategy of the movement. The Greens achieved their goal, but, as a result, lost the support of the moderate wing of the Russian national-patriots and at the same time fueled the tightening of positions held by its radical wing. At the same time, the Greens still do not take into account the fact that Russian patriots are a social force with a growing political influence. One cannot help observing that the ecological points of the programming documents of the Greens and the patriotic organizations have much in common" [13, p. 73-74].

Conclusion: The major shifts

The EM under consideration was a qualitatively new phenomenon in the Soviet history. It was a bottom-up created movement embracing grassroots initiatives in many strata of the Soviet society. The movement was rooted in the very thin layer of Soviet intelligentsia in cities and towns. It might be said that the EM is an urban one generated by a rise of living standards and capability to estimate their living milieu more critically.

It is wrong to state that the Soviet society was "one-dimensional" or uniform. In my view, the

movement resembled the process of growing diversification of the modes of production and the ways of life. On the one pole were those who entered the postindustrial society, whereas on the other pole were those who still remained at the first stage of so-called mechanical urbanization-and-industrialization processes. But all of them realized that the natural environment suffered from the growing pressure of forced industrialization.

It is indicative that the struggle of Soviet scientists, journalists and writers against the most harmful industrial projects began in the most ecologically fragile regions like the central industrial region, on the one hand, and in Irkutsk Oblast' and Buryatia Republic, on the other. The Russian writer V. Rasputin stated that Russian EM had emerged in Siberia.

The movement's institutional base was the universities, the research institutes, the unions of writers, journalists and architects as well as some independent public organizations of naturalists like the MSON. The students' nature protection activity (the Druzhina movement) from the late 1960 onwards is of a no less importance. It means that by the late 1980s, the Druzhina movement had already existed more than 25 years. The Druzhina joined the students, post-graduates and academics and it pursued the principle of "learning by doing".

Another important feature of the Druzhina movement was its network character. These networks had emerged long before the beginning of the era of informatization. Nevertheless, the exchange of letters, leaflets, and reports as well as interpersonal contacts had played a substantial role in the shaping of the Soviet/ Russian EM. When the process of computerization began this movement was the first which used information technics most efficiently and quickly.

The Druzhina and its allies activity was a mighty factor of the early socialization of young environmental activists. This activity includes all its elements (steps): perception of environmental issues, their comprehension through learning and consulting with professionals, the discussions, and one or another form of social action. The early socialization included a public activity in various social milieus (local people, municipal authorities, farmers, foresters, militia, etc.) as well. All this contacts taken together meant a smooth adaptation of the new generation of eco-activists to uneasy conditions of their future work. Later on, some of my respondents stated that this kind of activity shaped them as the persons.

In the run of the EM development, the process of “natural selection” was going on. Some local initiatives left the public arena while others gained strength and were converted into the all-Union (and later, the All-Russian) nature protection organizations like the SoES. It was a normal process of restructuring the EM in accordance with the changing social environment and new challenges.

The value shift is of no less importance [14]. In the 1970-80s, the motto of the Russian Greens was “We are professionals, therefore, we know better”. But it was a vulnerable position because the mushrooming grassroots were not professionals in nature protection and in defending their human rights. In time, the Greens realized that the environmental issues are rooted in a mode of production and in a top-down decision-making and in the lack of democratic procedures. Therefore, in the mid-1990s, the Greens became more democratic and paid much more attention to the environmental education of rank-and-file population. Nevertheless, in the period under consideration, the Greens were still insufficiently concerned with industrial pollution and the metabolic processes which followed them.

Finally, the second half of the 1980s was a *critical period* in the changes of the social order which existed more than 70 years. I would remind that the EM operated in the quickly changing political and social context. The Soviet greens launched their activities within a closed and rigidly structured context. Three-four years later, this context became much more open and loosely structured and in some cases acquired “chaotic” character. Any transition period is usually accompanied with the weakening of social order. As we now know, after the rise of the EM in the late 1980s – early 1990s, there was a sharp decline of it caused by the economic crisis and the decay of the Soviet Union.

Funding: *the paper is the result of the project “Sociology of critical states of urban systems: The theory and practice”, grant No 15-06-00158, supported by Russian Humanitarian Science Foundation.*

References

1. Boreiko, V. E. *Don Quixotes. History. Persons. Reserves.* Kiev: Kievskiyi ekologo-kultutnyi tsender. 1998. 287 p.
2. Boreiko, V. E. *The Breakthrough into an Ecological Ethics.* Kiev: Kievskiyi ekologo-kultutnyi tsender. 1999. 128 p.
3. Boreiko, V. E. *The Dictionary of Russian Nature Protection Activists.* Kiev: Kievskiyi ekologo-kultutnyi tsender. 1995. 524 p.
4. Deelstra, T. and Yanitsky, O., eds. *Cities of Europe: The Public's Role in Shaping the Urban Environment.* Moscow: Mezhdunarudnye Otnosheniya. 1991.
5. Gamson, W. *The Strategy of Social Protest.* 2nd ed. Belmont, CA: Wadsworth Publishing Company. 1990. 275 p.
6. Khalyi, I. *Ecological Issues in the Programs of Nominees for the People's Deputies of the USSR.* Moscow: Institute of the International Labor Movement, 1990. 47 p.
7. Perrow, Ch. *The Normal Accidents. Living with High-Risk Technologies.* N.Y.: Basic Books. 1984. 386 p.
8. Weiner, D. *A Little Corner of Freedom. Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachev.* Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1999. 556 p.
9. Weiner, D. *Models of Nature: Ecology, Conservation, and Cultural Revolution in Soviet Russia.* Bloomington: Indiana University Press. 1988. 312 p.
10. Ianitskii (Yanitsky), O. Industrialism and Environmentalism. Russia at the Watershed between Two Cultures. *Sociological Research.* Vol. 34. No. 1 (1995). Pp. 48–66.
11. Yanitsky, O. *Russian Environmentalism: Leading Figures, Facts, Opinions.* Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya Publishing House. 1993.
12. Yanitsky, O. Sociology of Critical Areas. *Open Journal of Social Science Research.* Vol. 2 (3) (2014). Pp. 112–118.
13. Yanitsky, O. The Ecological Movement in Post-Totalitarian Russia: Some Conceptual Issues, *Society and Natural Resources*, No. 9 (1996). Pp. 65–76.
14. Yanitsky, O. The Value Shift of Russian Greens. *International Review of Sociology.* Vol. 15, No. 2 (2005). Pp. 363–380.

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-2-69-73

Tyschenko K.A

**THE SPECIFICS OF LINGVOGENETIC RESEARCH:
COMPARATIVE-HISTORICAL AND HISTORICAL METHODS**

Tyschenko Kateryna Anatolievna, Ph.D. in Philology, Assistant Professor. Donbass State Pedagogical University, 19 Batuka St., Slavyansk, 84116, Ukraine. E-mail: k.a.tyshchenko@gmail.com

Abstract

The crucial thing is the fact that the comparative-historical method is the most important instrument for the cognition of language history, that possesses, firstly, certain features and, secondly, some constraints of implementation. The comparative-historical method should be interpreted as a complex unit that contains three diverse components: ontological, operational and theological. The main purpose of the comparative-historical method (a theological component) is to reconstruct the antecedent models of allied languages families and groups, their further development and division into separate languages, and creation of the comparative-historical description of allied languages (grammars and dictionaries).

The specific principles (the principle of historicism, the principle of causality, consistency principle and the principle of universal connection of phenomena) and approaches (historical, causal, and systematic) constitute the ontological component of the comparative-historical method. The operational component of the comparative-historical method is represented by such methods and procedures as: 1) genetic equation of facts, 2) linguistic reconstruction of the archetype and phonetic linguistic law, 3) chronology and localization of linguistic phenomena.

Uneven changes occurred in different levels of one linguistic structure and throughout some representatives of language family, archaisms and innovations available are a diachronic linguistics axiom. A procedure of linguistic reconstruction plays a rather significant role in the practice of modern comparatively genetic studies. For sure, the reconstruction is the most essential part of the comparative-historical method. Three kinds of linguistic reconstruction are distinguished in scientific literature: external, internal and the philological method.

Definitely, the primary goal of genetic research is to outline the historical process development of allied languages or the separate language. Nowadays only the issue of the scope of innovations in certain languages entering the jurisdiction of comparative-historical method is argued.

Key words: method; ontological component; operational component; theological component; comparative-historical method; historical method; linguistic reconstruction; comparison.

Тищенко Е. А.

**СПЕЦИФИКА ЛИНГВОГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОДЫ**

Тищенко Екатерина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент. Донбасский государственный педагогический университет, ул. Генерала Батюка, д. 19, г. Славянск, 84116, Украина.
E-mail: k.a.tyshchenko@gmail.com

Аннотация

Сравнительно-исторический метод является важнейшим инструментом познания языковой истории, который имеет свою специфику и конкретную сферу использования. Этот метод целесообразно рассматривать как сложную единицу, которая включает три компонента: онтологический, операциональный и телеологический.

Целью сравнительно-исторического исследования (телеологический компонент) является воспроизведение моделей праязыковых состояний семей и групп родственных языков, их дальнейшего развития и членения на самостоятельные языки, а также создание сравнительно-исторического описания (грамматик и словарей) родственных языков. Онтологический компонент сравнительно-исторического метода представляют конкретные

принципы (принцип историзма, принцип причинности, принцип системности и принцип общей связи явлений) и подходы (исторический, причинный, системный). Операциональный компонент сравнительно-исторического метода представлен такими приемами и процедурами как: 1) генетическое отождествление фактов; 2) лингвистическая реконструкция архетипа и фонетического закона; 3) хронологизация и локализация языковых явлений.

Сравнение разных фактов и их совокупности как в пределах одного языка, так и в масштабах языковой группы, дает возможность лингвистической экстраполяции в прошлое. В практике современных сравнительно-генетических исследований важную роль играет процедура лингвистической реконструкции. Научная литература выделяет три ее вида: внешняя, внутренняя и филологический метод.

Очевидно, что основным заданием генетических исследований является изучение процессов исторического развития родственных языков или отдельно взятого языка. Предметом дискуссий на сегодняшний день остается вопрос об объеме вхождения инноваций отдельных языков в сферу компетентности сравнительно-исторического метода.

Ключевые слова: метод; онтологический компонент; операциональный компонент; телеологический компонент; сравнительно-исторический метод; исторический метод; лингвистическая реконструкция; сравнение.

In modern linguistics, the methods of genetic research can be easily misidentified with the comparative-historical method. However, contemporary genetic research widely include the comparative-historical as well as other methods, such as quantitative, statics, the method of linguistic geography [17, p. 80-81; 11, p. 84-101]. The crucial thing is also the fact that the comparative-historical method is the most important instrument for the cognition of language history, that possesses, firstly, certain features and, secondly, some constraints of implementation [12, p. 6].

The comparative-historical method should be interpreted as a complex unit that contains three diverse components: ontological, operational and theological.

The main purpose of the comparative-historical method (a theological component) is to reconstruct the antecedent models of allied languages families and groups, their further development and division into separate languages, and creation of the comparative-historical description of allied languages (grammars and dictionaries) [10, p. 485].

The specific principles (the principle of historicism, the principle of causality, consistency principle and the principle of universal connection of phenomena) and the approaches (historical, causal, systematic) constitute the ontological component of comparative-historical method [2, p. 15].

The operational component of the comparative-historical method is represented by such methods and procedures as: 1) genetic equation of facts, 2) linguistic reconstruction of the archetype and phonetic linguistic law, 3) chronology and localization of linguistic phenomena [5, p. 6, 58-59; 6, p. 9, 29].

Undoubtedly, the comparison is the dominant universal technique of the comparative-historical method [12, p. 11, 25; 6, p. 12; 11, p. 38-39; 15, p. 229-235]. Uneven changes occurred in different levels of one linguistic structure and throughout some representatives of the language family, archaisms and innovations available are a diachronic linguistics axiom. That is why there is a constant possibility of extrapolating the past linguistic databases based on comparison of different facts and their combination either within one separate group, or through the whole linguistic group perspective [6, p. 12].

A procedure of linguistic reconstruction plays a rather significant role in the practice of modern comparatively genetic studies. For sure, the reconstruction is the most essential part of the comparative-historical method [8, p. 202]. Three kinds of linguistic reconstruction are distinguished in scientific literature: external, internal and the philological method [5, p. 47; 6, p. 25].

Definitely, the primary goal of genetic research is to outline the historical process development of allied languages or the separate language [6, p. 11-12]. Nowadays only the issue of the scope of innovations in certain languages entering the jurisdiction of comparative-historical method is argued [6, p. 12].

Thus, the purpose of the article is to resolve the matter of investigation of the specifics of historical and comparative-historical methods. To achieve this goal, we need to solve the following key objectives: 1) to reveal the views of modern comparative scientists on the problem; 2) to find out the content unnoticed by researchers; 3) to explore the characteristics and scope of external, internal

reconstruction and the “philological method” application; 4) to define the criteria for distinguishing each of these procedures. It is known that some scientists oppose two lingvogenetic methods – historical and comparative-historical [4, p. 105]. O. T. Hrolenko suggests that linguistics has a gradual transit from allied languages to separate language comparison. Thus, the historical method has developed within the other lingvogenetic method – comparative-historical [ibid]. Both methods are based on the principle of historicism, and use common set of techniques and procedures. That, according to O. T. Hrolenko, contributed to the fact that they are usually not delineated [4, p. 105].

However, the scientific literature contains a number of statements claiming that the study of the historical past of a particular language has specific features: the historicity point increases, relative chronology combines with precise historical boundaries, comparison is limited to one language. In addition, phonetic and morphological word structure seems diverse for different periods of language development. It is therefore appropriate to extract the historical method [7, p. 263].

Thus, the historical method is limited to one language and captures the attention to separate language tiers – phonetics, morphology, syntax, vocabulary. Practical achievements of this method are embodied and fixed in historical grammars of languages.

The techniques of historical method led to comparative methods for phenomena considered throughout various stages of language development and are interpreted in a proper manner. The historical method is the most effective sphere of the internal reconstruction implementation [4, p. 106; 7, p. 265].

Modern comparative studies pay thorough attention to both the theory and the practice of reconstruction; gradual transition from external reconstruction to internal one is the main subject of its interest [16, p. 68].

Internal reconstruction opposes an external one in a fundamental difference of the empirical base [5, p. 48]. Internal reconstruction is deliberately limited by the material of specific language in its historical development. It is aimed at analyzing the correlations within the language, the disclosure of internal communications and relations between elements of the language system only in static and dynamic aspects. The material for external reconstruction consists of the allied languages facts [16, p. 69].

The methods of external reconstruction likewise a diverse amount of internal reconstruction techniques are characterized by a unified technology of research. A typical scheme of external

reconstruction procedures includes: 1) the comparison of identical or semantically similar units; 2) the defying of a systematic correspondence between their materials; 3) the establishment of a chronological relationship between the material of the comparable units and 4) the withdrawal of proforma [5, p. 48].

For internal reconstruction technique it is important to have the existence of simultaneously certified language system events, reflecting different stages of the history of the system. This methodology includes a combination of various techniques: 1) the reception system restores missing links; 2) an acceptance of typological implications; 3) an acceptance of remnants analysis [5, p. 49-50]. In the case study of languages with prolonged tradition of writing a “philological method” can be a type internal reconstruction [5, p. 50].

The “philological method” is based on an analysis of ancient written records, which have those linguistic forms that are important for the subsequent history of the language. Obviously, this method allows rebuilding archetypes through an appropriate interpretation of the elements of the written text. From our point view, the basic techniques of the “philological method” are: 1) criticism (review) manuscript; 2) the attribution and interpretation of the text; 3) classification of texts (manuscripts, books) [13, p. 412].

Taking into account the very limited area of the usage of the “philological method” and the fact that the ontological nature of linguistic phenomena recovered by written monuments requires interpretation by attracting these modern linguistic states, its small place in the comparative genetic studies is pretty obvious [5, p. 47-48].

The scientific literature contains the statements that the results of both reconstructions, external and internal, in many cases have a timeless character. Thus, certain elements or entire system fragments reconstructed are mostly projected onto the antecedent sphere. Reconstruction remains dynamic concerning possible suggestions [8, p. 203]. This is true only for the external reconstruction, where the relative chronology is a classification: the Baltic-Slavic phenomenon, Slavonic phenomena etc. [16, p. 88].

Another thing related to the chronology is based on the internal data reconstruction. Comparison of the two phonetic laws allow to define: only one of them could act previously. This enables them to establish a chronological hierarchy [ibid].

So if the external and internal reconstruction can establish a relative chronology of linguistic

phenomena, the “philological method”, based on data from ancient written records is absolute [13, p. 412].

Provided those facts it is proved that the separation between the two lingvogenetic methods – historical and comparatively historical is a contrasting procedure and the internal reconstruction of the “philological method” to the external reconstruction procedure.

It is necessary to note that the internal reconstruction is also comparable as the external one. V. K. Zuravlev states that these are the two sides of the same comparative-historical method, whose essence is compared to a related morpheme: in the case of external reconstruction different language material (related to) a language is used, and in the process of internal reconstruction – different versions of the same morpheme in the same language [16, p. 70].

Comparative analysis of the current state has showed that the reconstruction is based on a material number of languages, it appeared to be eclectic and the data in two languages – to be incomplete [8, p. 92]. The way out of this paradoxical situation can only be a combination of methods of external and internal reconstruction [ibid].

Although the internal and external reconstruction are substantially different, at the same time they are going to meet one another. Internal reconstruction is based on the analysis of the synchronous states of one language, it is retrospective, that is directed from the present to the past. Internal reconstruction focuses on irregular facts considering the principle of systems [16, p. 72].

External reconstruction, according to V. K. Zhuravlev, is generally prospective and directed from the past to the present [16, p. 73]. It focuses on finding relics antecedent languages, on the establishment of the its fate stuck to the single language between the branches of the “family tree”, searching for the reflexes of the inherited condition [ibid]. It is known that exactly such a last condition is reconstructed being based on the commonly oldest facts of allied languages.

However, in lingvohistorical literature we find a series of statements about the retrospective nature of external reconstruction [2, p. 60, 61, 126, 129]. According to V. A. Glushchenko, the studying of the Kharkov and Moscow language schools scientific heritage shows that the reconstruction in their developments is claimed to be retrospective [ibid].

An illustration of the retrospective nature of the reconstruction of the historically phonetic research scientists of Kharkiv schools can be such processes that took place in the history of the Ukrainian language as the appearance of voiced affricate (in the

interpretation of A. A. Potebnya), diphthongs processes of *o*, *e* is closed syllable (in the interpretation of O. O. Potebnya and P. G. Zhytetsky) [2, p. 60]. Examples of retrospective reconstruction phases in the evolution of sound interpretation due to the Moscow School of scientists are, in particular, research of P. F. Fortunatov and O. O. Shakhmatov as for changes *je* > *o* at the beginning of the word [2, p. 126].

Reliability of research results of Kharkov and Moscow language schools scientists is linked to a focus primarily on the modern dialect data and retrospective nature of linguistic reconstruction [2, p. 129].

Assuming the facts provided we would like to note that the external reconstruction may have either prospective, or retrospective nature [14, p. 183].

It is known that the facts produced by internal reconstruction can sometimes come into conflict with external data reconstruction. That is why both types of reconstruction should complement each other. Phonetic laws should be carefully monitored according to both external and internal renovation.

The benefit of external and internal reconstruction has recently changed to some extent. The possibilities of internal reconstruction are highly appreciated due to advances in the history research of separate languages. Therefore, in the modern comparative genetic research the achievements of internal reconstruction are quite significant. Still it is remained to be limited the scope of usage of the “philological method”.

Thus, the most complete conception of the historical development of a particular language and linguistic group is formed only in a situation where all three types of reconstruction acted within the comparative-historical method are organically interacted.

References

1. Crowley, T. and Bower, C. *An Introduction to Historical Linguistics*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010. 376 p.
2. Glushchenko, V. A. *The Principles of Comparatively Historical Research in Ukrainian and Russian Linguistics (70-ies nineteenth century – 20-ies the twentieth century)*. Donetsk, 1998. 222 p.
3. Hale, M. *Historical Linguistics: Theory and Method*. Malden, MA: Blackwell, 2007. 269 p.
4. Khrolenko, A. T. *General Linguistics*. Moscow: Prosveshchenie, 1989. 127 p.
5. Klimov, G. A. *The Issues of Comparative-Genetic Methods of Research*. Leningrad: Nauka, 1971. 87 p.
6. Klimov, G. A. *The Methodology of Linguogenetic Research (Introduction)*. *General*

Linguistics: the Methods of Linguistic Research. Moscow: Nauka, 1973. Pp. 9-33.

7. Koduhov, V. I. *The General Linguistics*. Moscow: Vysshaya shkola, 1974. 303 p.

8. Makaev, E. A. *The General Theory of Comparative Linguistics*. Moscow: Nauka, 1977. 205 p.

9. Millar, R. McColl. *Trask's Historical Linguistics*. London: Hodder Education, 2007. 514 p.

10. Neroznak, V. P. The Comparative-historical method. *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Sovetskaya Entziklopediya, 1990. Pp. 485-486.

11. Serebrennikov, B. A. The Problem of the Common Methodology, Linguistics and Separate Methods Correlation of Research. *General Linguistics: the Methods of Linguistic Research*. Moscow: Nauka, 1973. Pp. 257-313.

12. Smirnitkiy, A. I. *The Comparative-historical method and the Definition of Language Alliance: Materials to Linguistic Courses*. Moscow: Publishing of Moscow University, 1955. 58 p.

13. Tischenko, K. A. On an Issue of Linguistic Reconstruction. *Lexical and Grammatical Innovations in odern Slavic Languages: Proceedings of the International Conference II, April 14-15, 2005*. Dnipropetrovsk: Porogi, 2005. Pp. 411-414.

14. Tischenko, K. A. The Problems of Lingvogenetic Methodology (Theoretical and Lingvohistorical Aspects). *Visnik Dnipropetrovskogo universitetu: seriya Movoznavstvo*. Dnipropetrovsk: Vidavnistvo DNU. Vol. 2. Vip. 11 (2005). Pp. 179-186.

15. Vinogradov, V. A. The Methods of Typology. *General Linguistics: the Methods of Linguistic Research*. Moscow: Nauka, 1973. Pp. 224–256.

16. Zhuravlev, V. K. The Internal Reconstruction. *Comparative-Historical Study of Languages of Different Families: The Theory of Linguistic Reconstruction*. Moscow: Nauka, 1988. Pp. 68-90.

17. Zvegintsev, V. A. *Essays on General Linguistics*. Moscow: Publishing of Moscow University, 1962. 384 p.

MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-2-74-77

Bystriantsev S. B.
Ovsyannikov V. G.

UNCERTAINTY OF SOCIAL REALITY. THEORY AND METHODS OF SOCIAL PRACTICE

Bystriantsev Sergey Borisovich, Doctor of Sociology, Professor. Saint-Petersburg State University of Economics, 21 Sadovaya St., St. Petersburg, 191023, Russia. E-mail: bystriantsev@yandex.ru

Ovsyannikov Vasily Grigorievich, Doctor of Sociology, Professor. Saint-Petersburg University, 7-9 University Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia. E-mail: vasovs@mail.ru

Abstract

Uncertainty in sociology is a speculation subject for sociologists and the reason for criticism of sociological studies. The reason for this is what is sometimes called «science wars» debates (Sokal, 1996 [7]; Ashman and Barringer, 2000 [1]; Flyvbjerg, 2001 [2]). The problem of uncertainty is often reduced to imperfection of measurement procedures. For example, from the point of view of Mlodinov, 2008 [5] the randomized choice is imperfect, it is pseudorandom in its essence. In the article, the authors keep to a position of “methodological optimism”: sociology – is a measurement above all. Judgment that is not based on the measurement is doubtful from the point of view of sociological reality. We consider irrelevant the existing point of view towards the division of measurement procedures in sociology into qualitative and quantitative, Shankar Chandramowli [3] is writing about that. In sociology nowadays they use nominal scales, comparative analysis techniques, probability methods. Mathematics and statistics give very good instruments to sociologists. They can always determine the borders of inaccuracy of measurements.

From the point of view of the authors, uncertainty in sociology appears from imperfection of conceptualization procedures of empiric material into a social fact, which is being considered in every sociological research. Uncertainty is hiding in interpretation procedures, not in operationalization procedures. Uncertainty of sociological terms is the reason for nuances and polysemy of senses. Each term like a lantern beam catches a small spot of light from the darkness of empiricism. But something always remains in the shadow. “Skillful use of uncertainty which is in the basis of terms’ interpretation has a certain advantage over the corresponding precise technical terms” [6].

Key words: methods of sociological practice; uncertainty; a social fact; definition.

Быстрянец С. Б.
Овсянников В. Г.

У НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ. ТЕОРИЯ И МЕТОДЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Быстрянец Сергей Борисович, доктор социологических наук, профессор. Санкт-Петербургский государственный экономический университет, ул. Садовая, д. 21, Санкт-Петербург, 191023, Россия. E-mail: bystriantsev@yandex.ru

Овсянников Василий Григорьевич, доктор социологических наук, профессор. Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7-9, Санкт-Петербург, 199034, Россия.
E-mail: vasovs@mail.ru

Аннотация

Неопределенность в социологии – предмет многочисленных спекуляций социологов и повод для внешней критики социологических исследований. Причиной этого является то, что иногда называют «научными войнами» (Сокал, 1996 [1]; Ashman и Барринджер, 2000 [2]; Flyvbjerg, 2001 [3]). Часто проблема неопределенности сводится к несовершенству методик измерений. Например, с точки зрения L. Mlodinov, 2008 [4], рандомизированная выборка всегда несовершенна, т.к. псевдослучайна по своей сути.

В этой статье авторы придерживаются позиции "методологического оптимизма", которая состоит в том, что социология – это в первую очередь измерение. Исследование, не основанное на измерении, сомнительно с точки зрения социологического реализма. Мы считаем неуместной точку зрения в отношении разделения процедур измерения в социологии на качественные и количественные, о чем пишет Шанкар Chandramowli [5]. В социологии в настоящее время используются разнообразные номинальные шкалы, сравнительные методы анализа, вероятностные методы. Математика и статистика дают социологам отличные инструменты, относительно которых всегда можно определить границы погрешности измерений.

С точки зрения авторов статьи, неопределенность в социологии происходит из-за несовершенства процедур концептуализации эмпирических данных в форму социального факта, что является сегодня предметом специального внимания в каждом социологическом исследовании. Неопределенность скрывается в процедурах интерпретации, а не в операционализации. Неопределенность социологических терминов провоцирует многозначность. Каждый термин, как луч фонаря, улавливает из темноты опыта небольшое пятно света, но что-то всегда остается в тени. "Умелое использование неопределенности, которая лежит в основе толкования терминов имеет определенное преимущество по сравнению с соответствующими точными техническими терминами"[6].

Ключевые слова: методы социологической практики; неопределенность; социальный факт; определение

Sociologists make efforts to cognize social reality – an object which can be hardly formalized – which distinguishes itself by complexity, variety and diversification and as a whole uncertainty. Uncertainty – is a quality of an object, first of all, complicating the fulfillment of scientific formal procedures. At the same time uncertainty is the quality that is inevitable and even necessary for science, though not absolutely obligatory. Uncertainty in Sociology is eliminated by statistical accuracy and thoroughness of collecting of the observation materials. But it should be noted that accuracy is not always the most important quality for the sociological research, sometimes in the research there is too much numeric data.

Scientific observation of social reality is a sequence of logically combined successions, everything that sociologists define in social continuum has infinite and uncertain borders. Max Weber's ideal types contain "imperfect" signs of social phenomena, which they explain. It's impossible to define clearly the bounds of social position or status, the characters of social roles, etc.

We don't mean that it is the uncertainty of a social fact as a part of social reality itself that makes the meaning of the term uncertain. Everything that we can find in the sphere of empirical facts we can reflect in definitions with which we define social facts. We can always define the bounds of uncertainty where statistics doesn't give solid bases. The thing is that social facts are infinitely uncertain in themselves. No matter how clear is the measurement unit which is used, the more subtle

distinctions appear through the conceptual network. The more differences we find the more possibilities we create for appearance of border cases. As a result the researcher has to limit the scale of distinctions' differentiation. This is connected with the researcher's subjective understanding of the research goal, but that contradicts the objectivity of existence of social reality. That's why sociologists will always be unsatisfied with researches of predecessors and even contemporaries.

One would think that uncertainty will get away if sociologists use the term or definition which verbalizes a social fact. But the most captious question in sociological disputes is: how we define and what is behind the scientific term. The fact that all sociological terms are uncertain to some extent and that they have to be such is evident from the way by which we learn to understand and use the language. To do all that effectively we must understand the similarity and draw conclusions from similarities. Understanding of similarities is always a question of extent. The history of use of any term in Sociology sooner or later leads to a situation when there appear doubts in accuracy of its usage. These doubts appear not because we are uncertain about the facts which empirically "support" the term, but because there appeared and became stronger the factors which had been poorly and not very clearly expressed before – the uncertainty factors. You can day after day watch the colleague who loses hair but it is always remains uncertain when he becomes bold.

Uncertainty of sociological terms is not the result of the fact that we fail to solve the problem of

"where to draw the line". We can't solve this problem in reality a priority and forever. Such "bounds" we can imagine (though with difficulty and not forever) for reality in nature, for social reality it's unacceptable. The fact is that here the bounds of terms are drawn conventionally, they are not drawn from the objective specific features of reality. These bounds appear due to solution of some real task, specific in each social situation, if the goal is achieved these bounds can be reviewed. Achievement of social goals, social decisions can never be good or satisfactory, this is always a balance, as for example function – disfunction of the social institution of Merton. More than that, neither decision can anticipate the needs and tasks in future. This is another reason why there are no strict bounds in Sociology. Moreover, sociological terms which are not clearly defined can be combined together in such a way that they acquire the precise meaning. But the change in rendering of one term mixes all the conceptual system.

Sociological terms even taken without any procedure of proof and substantiation have a quality of openness and incompleteness as a result of inevitability of boundary cases. In any textbook we can find an attribution judgment that social matter is multilevel and multidimensional. But this peculiarity of work with empirical facts doesn't suppose that our thinking should remain uncertain.

Here the law of Aristotle should come into operation, which says that the best position is the middle position when the extremes are cut out. It is also important to remember about the constant danger for sociologists – the danger of mixing the reconstructive logic of a scientist with practical logic of social practice. More than that, sociologists often project their own logic to the world of objective social phenomena. Evolutionary sampling of every unit of social life shows what it is, to which class or type, which we can define, it belongs. The problem is how we make a decision about the classification. Social facts are: "know well to which class they belong". But the signal which they send us about their essence comes to us distorted. Each term is a ray of light turned to a screen of experience, but whatever we would like to enlighten something should remain in shadow. Uncertainties of sociological terms characterize the existence of multiplicity of meanings best of all.

It wouldn't be enough to say that uncertainty is characteristic for our understanding of terms' meanings, which form scientific conception. Conception consists of a couple of judgments based on understanding, and each of them brings some

extent of uncertainty into conception. It is unlikely that someone can point out to the terms, even those tightly connected with the empirical facts in natural sciences, in which you could not find some extent of uncertainty.

But we don't support the intentional uncertainty which can be often seen in the modern sociological works. Sociologists are the victims of reconstructive logic which makes the research uncertain. We won't be able to control this quality till we lose the illusion to reach the exactness of calculations and certainty of terms meanings, characteristic for natural sciences.

For current state of Sociology the problem of a serious analysis of methods of the social practice itself and not only methods of research of social behavior of people becomes more and more essential. The main reason for that is that scientific language becomes more and more specialized and gets away from the natural language of life of an individual. That leads to absurd existence of two different words – the world of theory and the world of life.

In these conditions the development of methods of Sociology of practice may become the main mechanism of negotiation of alienation between people and the main form of existence in controversial world. By means of methods of Sociology of practice people learn about the practice of life of a holistic person (acting and feeling), and knowledge is "humanized", because it is being represented as people's experience with their goals, needs and fate. Principles and analysis logics of these methods haven't been researched enough yet.

L.V. Yatsenko made an attempt to present a special theory of practice. She insisted that genuineness of a general theory which is built on the basis of methodical knowledge is realized through its effective practical use in the process of organization of practical activity [8, p. 44].

Representatives of Praxiology deal with the same problems. This is a complex discipline which synthesizes data from various sciences (organization theory, management theory, psychology of labor, ergonomics, innovation theory, etc.), arts and practical experience, which belong to the forms of labor organization and effectiveness of activity. From the point of view of Praxiology (this is an opinion of T. Kotarbinsky, its founder), method is "a way of fulfillment of some complex action by means of certain choice and placement of its components, which can be planned and used repeatedly" [4, p. 82].

Looking deeper into the essence of the problem it turns out that such generalization of practical methods is just external, and has a formal character. In fact, it reduces all practical methods to purely

organizational, opposing methods of cognition to methods of transformation of reality, and as a result – of knowledge and prescript. Opposing the categories of "knowledge" and "prescript", "act of logic" and "logic of act", Praxiology overemphasizes them, it doesn't presume that knowledge can act in function of prescript as well as prescript in the function of knowledge, that these functions can overpass each other.

We can agree that the basis of dialectics of theoretical and practical is first of all an interconnection of descriptive and prescriptive (normative). Though descriptive knowledge finalized in theory, describing connections, relationships, laws, thereby prescribes a certain way of action with an object. But if knowledge is formulated in the form of method it's prescriptive function becomes clearly shaped, basic and specific.

In any kind of activity (scientific, technological, organizational, practical, etc.) method is always a special kind of knowledge about the means, ways, procedures, norms of activities, prescriptions and demands to a thinking and acting person, guided by which he acts and verifies genuineness of the rules he uses and correspondingly of the knowledge which is in the basis of them.

In reality: 1) scientific method is nothing but the theoretical generalization of practical methods and the latter is the specification of scientific methods; 2) methodology doesn't limit itself by studying either only methods of cognition or methods of practical activity, not to turn neither into natural philosophy nor into pure methodical instruction, which has only practical meaning; 3) one cannot join or oppose these methods of cognition and practice without a risk of mixing methodology and methods.

So method is always in the basis of interaction between theory and practice. Being a subjective alternative to objective regularities of social phenomena method serves not only to explain but also to change the reality in practice. Methods of Sociology of practice find in that their content and function, they express at the same time logic of cognition, logic of action, logic of creation, ability to "create the future". But it is not the same – to reveal their content according to the materials of sociological science or to show them as the forms of real, practical, creative activity of people. The latter is practically not studied in Sociology. So the task is not only to make our knowledge and theories adequate for the essence of subjects, but to make

social reality adequate for people's needs and goals.

In modern research, autonomation and differentiation of practical and theoretical judgments is based on rejection of real meanings of estimates, imperatives, etc. But then it turns out that they can't be analyzed from the point of view of logic. The situation is paradoxical: the practice of use of norms and estimates in Sociology and social administration shows that there is a logical connection between prerequisites and consequences, but it is denied by the representatives of phenomenological Sociology on the basis of logic.

Using our methodological approach to practical social action we can speak about it as a synthesis of knowledge taken as a principle of "practical usefulness", "potential realization" and "physical realization", that is as a program of rational and effective practical activity. Transformation model of social activity practically coincides with the following types of social administration: 1) normative (as a correspondence of chosen goals to norms), 2) cost-based (as a relation of expenses to a supposed or real result), 3) resultant (as a relation of the result to the goal), 4) real (as a relation of need of possible norms to real possibilities and resources).

References

1. Ashman, K. and Barringer, Ph. (Eds.). *After the Science Wars*. London and NY: Routledge, 2001.
2. Flyvbjerg, Bent. *Making Social Science Matter*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2001. 216 p.
3. Is there a Way to Handle Uncertainty in Social Science? Commentary by Shankar Chandramowli, PhD Candidate. *Bloustein Journal*. March 11, 2014. [Online] URL: <http://blousteinreview.rutgers.edu/is-there-a-way-to-handle-uncertainty-in-social-science/> (date of access: May 12, 2016).
4. Kotarbiński, T. *Treatise on Good Work* / Ed. by G. Kh. Popov; transl. from Polish. Moscow: Ekonomika Publisher, 1975. 271 p.
5. Mlodinow, Leonard. *The Drunkard's Walk: How Randomness Rules Our Lives*. New York: Pantheon Books, 2008. 272 p.
6. Quine, W.V.O. *Word and Object*. Cambridge, MIT Press, 1960. 392 p.
7. Sokal, A.D. A Physicist Experiments with Cultural Studies. *Lingua Franca*. No. 6(4), 1996. Pp. 62-64.
8. Yatsenko, L. V. Method and Methodological Theory as the Products of Different Types of Work (Methodological and Scientific). *The Relationship of Methodology and Methods of the Special Sciences*. Obninsk, 1985. Pp. 40-64.

УДК 808.5

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-2-78-82

Бочарова Т. И.

**НЕПРИНУЖДЕННАЯ КОММУНИКАЦИЯ
В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Бочарова Татьяна Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент. Московский государственный университет путей сообщения Императора Николая II (МИИТ), ул. Образцова, д. 9, стр. 9, г. Москва, 127994, Россия.
E-mail: tan.bocharova@gmail.com

Аннотация

В статье излагаются некоторые результаты изучения непринужденного общения. Формулируется определение понятия «профессиональное непринужденное высказывание»; рассматривается специфика непринужденной речи, которая используется в профессиональной сфере. Описываются ситуации применения данной речи в зависимости от направленности отраслей производства (материальная, духовная, сфера услуг). Непринужденная речь сравнивается с деловым общением, формулируются отличия между непринужденной и деловой коммуникацией. Выявляются некоторые психологические и лингвистические характеристики рассматриваемой речи, в частности, спонтанность, неподготовленность, непосредственность и другие. Приводятся признаки непринужденного высказывания, а также классификация его жанровых разновидностей в профессиональной сфере. В заключительной части статьи анализируются образцы непринужденных высказываний в диалогической и монологической разновидностях, иллюстрируются их речевые особенности, характеризуются экстралингвистические факторы непринужденной коммуникации.

Ключевые слова: непринужденная речь; разговорная речь; профессиональное общение; неофициальная ситуация.

Bocharova T. I.

EASEFUL COMMUNICATION IN PROFESSIONAL WORK

Bocharova Tatiana Ivanovna, PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor. Moscow State University of Railway Engineering (MIIT), 9 b9 Obraztsova St., Moscow, 127994, Russia.
E-mail: tan.bocharova@gmail.com

Abstract

The article presents some results of the study of easeful communication. The author provides the definition of the concept “professional easeful statement” and discusses the specific character of easeful speech used in professional sphere. Besides, the author describes the situations of using the given speech, depending on the orientation of branches of production (material, spiritual, the service industry). Easeful speech is compared to business communication. The author determines the differences between easeful communication and business communication. Some psychological and linguistic characteristics of the speech such as spontaneity, unpreparedness, ingenuousness and others come to light. The article provides the signs of easeful utterances as well as their classification of genre varieties in professional sphere. In the final part of the article, the author analyzes the samples of easeful utterances in dialogical and monological varieties, and characterizes their speech features and extralinguistic factors.

Keywords: easy speech; informal conversation; professional dialogue; unofficial situation.

Непринужденная коммуникация – это взаимодействие, предполагающее свободное, естественное, как правило, неподготовленное общение в неформальной дружеской ситуации. Она характерна для ситуаций и бытового, и профессионального взаимодействия, в которых

имеют место такие психолого-лингвистические характеристики, как спонтанность, эмоциональность, неофициальность, неподготовленность. Это говорит о том, что непринужденная речь имеет более свободные формы реализации, нежели литературная

разговорная речь, строго подчиненная кодификационным нормам, исключая из своего состава жаргон, просторечия и диалектизмы. В неформальной или частично неофициальной ситуации разговорная речь может содержать отступления от правил лексики и грамматики в большей или меньшей степени, в зависимости от культурного уровня собеседников, их речевой подготовки, а также экстралингвистических факторов общения (места, времени, невербальных средств, особенностей личности собеседников, их количества). Важную роль в балансировании в сторону нормативности/ненормативности произносимой речи играют факторы стратификации собеседников, а именно, гендер, возраст, уровень образования, образ жизни, семейное положение, профессиональная роль и т.п. В силу этой многосложности, непринужденная речь по своим признакам «близка к нелитературным формам общения, поэтому нередко можно встретить квалифицирующее определение “разговорно-просторечный”, объединяющее литературную и нелитературную разновидности языка» [3, с. 41].

Непринужденное взаимодействие противопоставлено деловому общению, в котором недопустима речевая небрежность, грубые нарушения речевых норм, которые могут приводить к недопониманию в решении многих важных проблем, двусмысленности трактовки тех или иных профессиональных вопросов. Кроме того, важную роль играет техника речи, хорошо поставленный голос, особенно во время публичного общения, точное использование невербальных средств, а также безоговорочное соблюдение этикетных правил поведения. Необходимо отметить, что неформальное высказывание в рамках официальной или частично официальной ситуации при общении с коллегами и руководством имеет ряд ограничений, связанных со сложившимся корпоративным регламентом делового этикета организации, а также общими правилами поведения между сотрудниками корпорации. Кроме того, организационные принципы, включающие требования общения на литературном языке, правила делового этикета, нормативы дресс-кода могут быть более строгими в крупных компаниях, предполагающих частые официальные коммуникации, встречи с инвесторами, партнерами и т.п.

Таким образом, деловое общение будет эффективным только при соблюдении совокупности специфических правил, которые детерминируют реализацию условий для осуществления профессиональной компетентности.

В профессиональной деятельности непринужденное общение, безусловно, тоже достаточно распространено. Однако корпоративная сфера взаимодействия – это официальная коммуникация, она направлена на решение конкретных прагматических задач, поэтому в зависимости от разделения труда по отраслям общественного производства, направленного на различные виды сферы услуг, создание материальных (различные виды промышленности, сельское хозяйство, ЖКХ и др.), нематериальных благ (образование, здравоохранение, спорт и др.), а также отраслей умственной или физической деятельности, квалификации сотрудников, трудящиеся в большей или меньшей степени могут использовать в своем общении непринужденную речь.

Непринужденная коммуникация в профессиональной деятельности возникает, как правило, во время неформальных моментов (перерыв на обед, беседы «на отвлеченные темы» во время учебной паузы в вузе, так называемый «перекур» на производстве). Данная речь может произноситься в период непосредственного осуществления трудовой деятельности, например, при беседе портних в цехе и т.д.

Естественный дискурс частотен в официальной обстановке, особенно если есть условия для неформального взаимодействия и личность имеет достаточный опыт подобного общения, а также чувствует себя естественно и психологически комфортно. Это касается и ситуаций так называемого приватного разговора руководителя и подчиненного, когда необходимо решить проблему без участия посторонних лиц. Взаимодействие в этом случае, безусловно, должно быть с соблюдением служебной субординации, однако если разговор из серии «по душам», к примеру, о повышении/понижении в должности, возможных психологических проблемах работника, выплате премии, конфликтных ситуациях в коллективе и т.п., то фактор естественности беседы «без галстуков» станет ведущим.

С нашей точки зрения, непринужденная речь в профессиональной сфере – это естественная речь, произносимая во время неофициальных пауз корпоративного общения в обстановке, как правило, паритетной коммуникации, предполагающей бытовую тематику или неформальное обсуждение профессиональных вопросов. Соблюдение норм речи определяется сферой (материальной или духовной), в которой используется непринужденное высказывание, уровнем культуры коммуникантов и другими подобными факторами.

В качестве устных жанров непринужденного общения в организации можно назвать следующие: этикетно-церемониальные: приглашение, застольное слово, поздравление, речь к подарку, утешение; конфликтные: оскорбление, жалоба, осуждение, претензия, назидание, выговор, нравоучение; рекреативные: шуточный рассказ, острота; проблемно-профессиональные: спор, реплика, сообщение, беседа на профессиональные темы; бытовые: устный рассказ, сплетня, беседа на бытовые темы, похвала.

Естественное общение, которое возникает при непосредственном контакте сотрудников компании, главным образом возможно в ситуации демократического стиля на уровне горизонтальных профессиональных отношений между коммуникантами, когда возможен открытый диалог и каждый говорящий может развивать более одной темы, которая покажется важной или интересной слушателям. Иногда собеседник эмоционально высказывается о какой-то проблеме дома или в профессиональной сфере с целью получения совета, поддержки или для того чтобы просто выговориться, снять эмоциональное напряжение среди товарищей-коллег. Это создает позитивные условия для развития дружеских межличностных отношений вообще и для формирования условий дальнейшей эффективной профессиональной деятельности.

Кроме того, большое значение имеет уровень психологической комфортности участников официального или неофициального взаимодействия, умение извлекать из долговременной или кратковременной памяти необходимые знания, готовность оперативно использовать хранящуюся информацию во внутренней речи, а затем и во внешней форме речи как в полностью (или частично) подготовленной версии, так и в качестве словесной импровизации. То есть результативность общения будет зависеть от хорошего знания предмета речи, опыта говорящего, объема его фоновых знаний. Вообще говоря, высказывание во время профессиональной паузы может произнести каждый, но многое все-таки будет определяться уровнем культуры и коммуникативно-психологической готовностью говорящего, его эрудицией и объемом словарного запаса. В противном случае общение будет скучным и однообразным. А в период производственной паузы люди, как правило, хотят перекусить, отдохнуть, расслабиться, переключиться с

основного вида деятельности и т.п. Поэтому «душа компании» привносит в общение необходимую новизну, остроту и эмоциональный подъем.

Ситуацию непринужденного общения можно наблюдать во время специального мероприятия, например, корпоративного праздника.

Тимофеев М.И. отмечает, что важнейшим элементом корпоративной культуры, помимо дружеских взаимоотношений с коллегами, материальных льгот и вознаграждения, чувства принадлежности к чему-то значительному и пр., являются поздравления коллег с повышением по службе, днем рождения или профессиональным (подлинным или придуманным) праздником [4, с. 40-41]. Поздравительная речь может сопровождаться небольшим застольем (шведский стол, фуршет, кофе-брейк и т.д.), а также вручением подарка. Подобные мероприятия способствуют укреплению корпоративной культуры. А застольное общение вызывает речевое раскрепощение, раскрытие некоторых творческих способностей личности, которые в полной мере не проявляются в строгом деловом общении. Кроме того, застольные беседы, особенно между бизнес-партнерами, могут выступать в качестве способа, опосредованно или прямо решающего производственные задачи: паритетность (общий стол, совместный праздник и пр.) создает толерантные условия для разного рода договоренностей – сытый и, соответственно, в хорошем расположении духа человек проявляет большую «сговорчивость» в обсуждении некоторых сложных или спорных вопросов.

Таким образом, праздничное общение и сопровождающие его жанры выполняют не только сугубо рекреативную функцию. На корпоративные торжества нередко приглашаются «полезные» для организации люди: деловые партнеры, спонсоры и т.п., что облегчает решение многих производственных задач. Организация совместных мероприятий создает дополнительные условия для сближения сотрудников, объединения во имя решения поставленных целей и осуществления глобальной миссии предприятия, способствует укреплению корпоративного духа в целом. Это касается и менеджеров разного уровня, и рядовых сотрудников фирмы.

В последнее время в корпоративной культуре важную роль приобретает "дух" человеческих отношений, который является необходимой базой не только любой цивилизованной деятельности,

но и эффективной коммуникации в профессиональном коллективе [2, с. 3]. Поэтому проведение мероприятий, создающих условия для непринужденного общения в организации, способствует сплочению сотрудников, идентификации их не как бездушных «винтиков» системы, а как единого коллектива, способного слаженно и результативно решать любые поставленные перед ними производственные задачи.

Что касается разновидностей речи, то разговорная непринужденная речь реализуется преимущественно в диалогической (полилогической) форме. Короткие диалогические реплики на «свободные темы» создают условия свободного, незатрудненного общения, в котором не требуется жесткий контроль каждого слова или фразы, как это часто требуется в деловом общении. Собеседники играют естественные социальные роли, близкие их «натуральному» поведению.

Рассмотрим непринужденный диалог, состоявшийся между методистом и студентом первого курса заочного отделения одного из вузов города Москвы:

- Скажите, а где больше платят: на гражданском или уголовном праве?
- Где нет нас...
- Хм...
- Большой роли выбор специализации не играет.
- А Вы не знаете, кто наш куратор?
- Дисциплина специализации также куратор.
- Которая ведет?
- Да. Вы бы какие-нибудь насущные вопросы задавали!
- А какие?
- Ликвидация финансовой задолженности, академических долгов.

Как видим, непринужденное общение происходит в официальном месте, общение осуществляется на «вы» и направлено на организационные темы, что свойственно для ситуации делового общения. Методист отвечает кратко, тон речи сухой, официальный. Однако содержание некоторых фраз указывает на непринужденный характер: короткие реплики диалога характеризуются неполнотой, свойственной разговорной речи, содержат клише и отступления от речевых норм. «Диалог обеспечивает естественность и непринужденность речи, ее неполноту, которая возмещается за счет ситуации общения» [1, с. 222].

При ответе на первый вопрос методист использует крылатое выражение из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», что свидетельствует о том, что собеседник хочет уйти от ответа, но в то же время все-таки дает ответ по существу: «Большой роли выбор специализации не играет». Для непринужденной речи свойственна экономия речевых средств, использование клише и устойчивых выражений. В данном случае о разговорности свидетельствует и неточный порядок слов в поговорке. На вопрос студентки о кураторе сотрудник деканата отвечает, грамматически неверно построив предложение, стараясь экономить устные речевые ресурсы: «Дисциплина специализации также куратор». Однако студентка ее поняла, т.к. уточнила: «Которая ведет?». То есть куратор – преподаватель дисциплины специализации. Далее сама методист подчеркивает несущественность, по сути – неофициальность – некоторых вопросов студентки: «Вы бы какие-нибудь насущные вопросы задавали!»

В другом образце (фрагмент) представлен диалог между преподавателем и гардеробщицей.

- А вы в котором часу заканчиваете?
- Как вам надо, так и заканчиваю.
- А, ну тогда хорошо. Я успею куртку забрать.
- Я тут допоздна сижу, и студенты приходят. Мы поговорим когда. И преподаватели приходят. «Любовь Петровна, здравствуйте, как дела, как внуки?». У меня двое внуков и двое правнуков, внуки работают, живут со мной, а мне на глаз операцию нету денег, не дают. Я плохо видеть стала. Это я их кормлю. Со мной живут. Ухожу на работу, чтобы глаза их не видели. Я тут рядом живу. Добежал, и все.
- Да вам отдыхать надо.
- Нет, я не могу, на работу ухожу, чтоб глаза мои их не видели. Вот две недели их не кормила. Так они ели пельмени, я их уже видеть не могу, эти пельмени покупные. Я говорю: «Давайте, варите. Вот картошка, лук, все им даю, пусть готовят! Не готовят! Нет, говорят, ты вкуснее готовишь, сама готовь! И даже правнучки, четыре года и семь лет, говорят: «Ты вкуснее!» А внукам двадцать четыре и двадцать семь. Все работают. Я говорю: «Берите, варите нормальную еду». Сейчас опять готовлю я сама. А студенты сюда приходят, я их угощаю, они говорят: «Баба Люба, вкусно!» Приходят с ночи, говорят: как досижу, не знаю. Я им говорю: «Садись, пей кофе с печеньем или баранками!» Когда есть, разве жалко, иди, наводи кофе, да пей!

В данном примере представлен непринужденный диалог, в котором речь одного собеседника (преподавателя) – короткие реплики, высказывания другого (гардеробщицы) – более развернутые сообщения монологического характера. Речь гардеробщицы содержит явные признаки непринужденной разговорной речи: спонтанность, неподготовленность, непосредственность. Работа гардеробщицы в образовательном учреждении принадлежит к сфере физического труда, в гардеробе женщина трудится в свою смену одна, поэтому, соответственно, у нее возникает потребность в общении с людьми, которые периодически оставляют верхнюю одежду в этом гардеробе. Кроме того, накопившиеся домашние проблемы, взаимное непонимание с внуками, ищут выхода. И такая речевая «разрядка», выраженная в форме непринужденного разговора, дает определенный, безусловно, положительный психологический эффект. Ее речь – это небольшие разговорные монологи в жанре устного бытового рассказа, вплетенные в структуру диалога. О своей жизни пожилая, умудренная опытом женщина говорит просто, искренне, эмоционально. Языковые средства максимально упрощены, неполнота простых предложений, лексическо-грамматические повторы, речевые ошибки свидетельствуют о бедности словарного запаса, что в целом обусловлено неофициальностью ситуации.

Проанализированные примеры свидетельствуют о том, что непринужденная коммуникация в профессиональной сфере имеет свою специфику и направлена на решение как личных проблем, так и производственных задач.

Таким образом, непринужденные высказывания в профессиональной сфере, в отличие от делового профессионального общения, имеют ряд языковых и

экстралингвистических особенностей, специфический набор жанров, диалогические и монологические разновидности, что определяет рассматриваемый вид общения как сложное многоуровневое образование, которое, являясь частью корпоративной культуры, служит средством психологической разгрузки, примирения конфликтующих сторон, помогает решать производственные задачи, способствует укреплению корпоративной культуры и в целом – гармонизации межличностных отношений в трудовом коллективе.

Литература

1. Брандес, М.П. Стилистика текста. Теоретический курс: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М., 2004. 416 с.
2. Перскова, Т.Н. Феномен корпоративной культуры в современной России (сопоставительный анализ корпоративных культур в российских и иностранных организациях): Автореферат дис. ... кандидата культурологии. М., 2007. 20 с.
3. Сиротинина, О.Б. Все, что нужно знать о русской речи: Пособие для эффективного общения. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 224 с.
4. Тимофеев, М.И. Связи с общественностью (паблик рилейшнз). М.: Издательство РИОР, 2004. 158 с.

References

1. Brandes, M. P. *Stylistics of the Text. Theoretical Course*. 3rd ed. Moscow: Progress-Traditziya; INFRA-M, 2004. 416 p.
2. Persikova, T. N. *The Phenomenon of Corporate Culture in Modern Russia* (Comparative Analysis of Corporate Cultures in the Russian and Foreign Organisations). Abstract from PhD Thesis in Culturology. Moscow, 2007. 20 p.
3. Sirotnina, O. B. *Everything you Need to Know about the Russian Language: a Handbook for Effective Communication*. Moscow: Book house "LIBROKOM", 2010. 224 p.
4. Timofeev, M. I. *Public Relations*. Moscow: Publisher RIOR, 2004. 158 p.

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-2-83-85

Пугач В. С.

**ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА НАУКИ. РЕЦЕНЗИЯ**

Пугач Владимир Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент. Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия.
E-mail: pugach@bsu.edu.ru

Аннотация

Монография Н.Н. Жалдака «Изобразительный логико-семантический анализ естественного языка науки» (Белгород, 2008) предлагает лингвистам новую методологию логического анализа естественного языка и речи, предоставляя новый удобный и эффективный диаграммный метод логико-семантического анализа языка. Рецензия содержит обзор ключевых положений монографии.

Ключевые слова: логический анализ языка и речи; линейно-табличные диаграммы существования; диаграммный метод логико-семантического анализа языка.

Pugach V.S.

**REPRESENTATIONAL LOGICAL AND SEMANTIC ANALYSIS
OF THE NATURAL LANGUAGE OF SCIENCE. REVIEW**

Pugach Vladimir Sergeevich, PhD in Philology, Associate Professor. Belgorod National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: pugach@bsu.edu.ru

Abstract

This article deals with the monograph by N.N. Zhaldak “Representational Logical and Semantic Analysis of the Natural Language of Science” which offers a new methodology in the logical analysis of the natural language and speech presenting to linguists a new handy and effective diagram method of logical and semantic language analysis. The review contains a survey of key principles of the monograph.

Key words: logical analysis of language and speech; linear and tabular diagrams of existence; diagram method of logical and semantic language analysis

Рецензируемая работа фактически предлагает лингвистам новую методологию логического анализа естественного языка и речи на этом языке и заслуживает их внимания, прежде всего, тем, что дает новый удобный, эффективный диаграммный метод логико-семантического анализа языка.

Ожидания лингвиста, вызываемые оглавлением книги, вполне оправдываются текстом.

Первая глава – своего рода философское введение, которым предваряется изложение сути дела. В ней логико-семантический анализ естественного языка науки и построение практической логики как метода такого анализа рассматривается как междисциплинарная проблема, притом как проблема философии науки вообще, а значит, и лингвистики в частности. В первом параграфе автор формулирует основной методологический

принцип, в соответствии с которым далее оцениваются, выбираются и строятся методы, включаемые в практическую логику как метод анализа языка. Он пишет: «Принцип соответствия интересам потребителей требует выбора оптимальных для них средств и методов, то есть таких, которые в сложившихся условиях дают возможность достигать определенный результат минимальными затратами, чтобы определенными затратами достигать максимума результатов. Это может быть определено как применение квалиметрического подхода к преподаваемому логическому материалу, количественной оценки качества этого материала» (с. 25).

Во втором параграфе освещены логико-лингвистические подходы к решению проблемы логического анализа языка. Касаясь исследований А.Т. Кривоноговым умозаключений в естественном языке, в литературной речи, Н.Н. Жалдак указывает на ту ограниченность

силлогистики, взятой лингвистом у логиков в качестве средства исследования, которой определяется ограниченность получаемых результатов, и отмечает, что используя более богатую систему, можно обнаружить больше используемых форм умозаключений. Сравнением силлогистик во второй главе автор доказывает, что изложение силлогистики логиком может просто не соответствовать естественному языку, а то, которое не противоречит ему, может быть неполным.

Лингвисту, который обучает мышлению на изучаемом языке, интересен и параграф о психолого-педагогических аспектах этой проблемы, связанных с поэтапным формированием логичности научного мышления. Здесь Н.Н. Жалдак предлагает апробированное им в практике преподавания простое и понятное деление знаков на три последовательно осваиваемых группы: 1) знаки-предметы; 2) знаки-изображения (в них помимо качественно сходных изображений входят качественно несходные изображения таблицами, диаграммами и др. множеств и отношений между множествами предметов) и 3) знаки-символы. Там же перечисляются такие существенные для лингвистики дополнительные методологические принципы практической логики, как образное представление значений символов, а также стремление к полноте освоения логических средств естественного языка и форм рассуждений с ними.

Вторая глава демонстрирует оптимальность линейно-табличных диаграмм, изобретенных автором книги, и методологическое значение их внедрения. В первом параграфе Н.Н. Жалдак сравнивает язык своих диаграмм с языками диаграмм других авторов по выразительной способности (по возможности эквивалентного перевода с одного языка на другой и наоборот) и по эффективности в смысле количества знаков, которые необходимо изобразить, и времени, которое надо на это затратить. Во втором параграфе он показывает, что первым шагом к образованию его диаграмм было преобразование таблиц истинности в линейно-табличные диаграммы и доказывает эффективность такого преобразования. В третьем параграфе дается методологическое сравнение интерпретаций форм суждений силлогистики диаграммами Эйлера и линейно-табличными диаграммами существования Жалдака (ЛТДС). Здесь, используя свои диаграммы, автор иллюстрирует существенные различия и искусственность в интерпретациях общеутвердительного, общеотрицательного, частноутвердительного и частноотрицательного

предложений в разных системах силлогистики и делает вывод, что выбор «естественной» интерпретации должен подтверждаться эмпирическим исследованием того, как эти формы интерпретируются массой пользователей естественного языка (см. с. 104, 107, 235).

Глава третья излагает разработанные автором изобразительные методы для подготовительного обучения логико-семантическому анализу языка перед освоением ЛТДС. В первом параграфе представлены изобразительные методы, пригодные не только для подготовительного обучения логическим средствам естественного языка, но и для эмпирического социолингвистического исследования их понимания. Для выяснения «естественных» значений, которые придаются основным логическим формам суждений, предложена анкета. Приводятся статистические данные о результатах анкетирования. Глава в целом предлагает лингвистам-педагогам методики обучения логичному мышлению на изучаемом языке.

В главе четвертой конкретно демонстрируются те возможности, которые для анализа естественного языка науки дает метод построения линейно-табличных диаграмм существования. Параграф о формировании понятий посредством построения ЛТДС показывает возможность значительно более эффективно, чем другими диаграммами, уточнять отношения между значениями (объемами), а также смыслами (содержанием выражаемых понятий) любых слов и выражений естественного языка. Эта возможность открывает широкое поле для лингвистических исследований. Мало какие термины и, соответственно, понятия, значимые в профессионально-деловом общении и в науке, соотносились таким образом. Этот параграф показывает применимость метода ЛТДС к анализу языка вообще и, в особенности, к решению проблемы эквивалентного перевода любых слов и выражений. Второй параграф «Построение диаграммно полного словаря логических форм суждений о свойствах предметов» посвящен приоритетной задаче автора, уточнению значений языковых конструкций, которыми выражаются логические формы суждений. В построенном толковом словаре даются диаграммные определения значений таких конструкций. Полнота этого словаря относительно так называемых простых, а лучше сказать бессоюзных, предложений и соответствующих им суждений с двумя терминами обеспечена следующим образом.

Автор взял все 148 диаграмм с двумя терминами со всеми возможными комбинациями обозначений в четырех столбцах ($A B$, $A \text{ не-} B$, $\text{не-} A B$, $\text{не-} A \text{ не-} B$) этих диаграмм следующих обозначений: «+» – «есть» («существует»); «-» – «нет» («не существует»), пробел или «o» – «неопределенно» и одним набором знаков «>» – «есть такое или иное». Затем нашел в русском языке логические конструкции, которые имеют такое значение, т.е. которыми передается такая информация. Поскольку существуют равнозначные (синонимичные) конструкции такого рода, например: «Все $A - B$ » и «Только $B - A$ », то в соответствие 148 диаграммам были поставлены 304 формы суждений, насколько это возможно, бессоюзных, а при отсутствии таковых – те, которые содержат союзы.

Н.Н. Жалдак пишет: «При построении словаря решалась проблема: если в некоторых случаях информация, передаваемая такими диаграммами, может передаваться простыми суждениями, то какими, по возможности простыми, точнее бессоюзными, суждениями может быть передана информация всех таких диаграмм. Это равнозначно постановке вопроса о коммуникативных возможностях логических средств обычного языка, а именно простых предложений» (с. 164). Он различает по антропологическому параметру три вида диаграмм. Первый вид интерпретируется общеупотребимыми формами простых суждений. Эта часть словаря показывает действительную культуру пользования логическими средствами языка для передачи информации. Диаграммы второго вида интерпретируются формами, которые не противоречат правилам русской грамматики, но не используются или редко используются и выявляют возможность повышения речевой культуры. Диаграммы третьего вида интерпретируются только суждениями с союзами. Н.Н. Жалдак допускает различие границ этих трех групп в разных языках и возможность сравнивать разные языки по этим границам. Проверка такого допущения – интересная задача языкознания.

В третьем параграфе «Диаграммное определение видов отношений между терминами (понятиями) и отношений между суждениями по истинности» отношения между суждениями даются через посредство не искусственной фигуры типа логического квадрата или другого многоугольника (форм суждений слишком много), а посредством ЛТД и строго по информации, фиксированной в диаграммном словаре.

При чтении четвертого параграфа «Построение ЛТДС – метод анализа дедуктивных рассуждений на естественном языке и синтеза новых знаний» лингвист оказывается перед выбором: использовать язык только как средство воспроизводства некоторых привычных форм умозаключения и рассуждения вообще, или как средство познания, творческого построения новых форм умозаключения, которых, как показывает Н.Н. Жалдак, теоретически может быть неограниченное количество. К репродуктивному подходу могут побуждать стандартные курсы логики. В качестве соответствующего примера приводится подход лингвиста А.Т. Кривоносова. Но даже при таком подходе, как показано в монографии, лингвисты должны исследовать то, какие формы умозаключения, не согласно традиционной силлогистике, а в действительности, следует признать устоявшимися, распространенными в обычном общении и, в этом смысле, нормативными формами построения рассуждений. Если же видеть в языке средство построения мыслей, новых не только по содержанию, но и по логической форме, то для лингвистических исследований того, как язык используется и может использоваться по такому назначению, монография Н.Н. Жалдака открывает едва ли не безграничное поле исследований. Метод построения ЛТДС по эффективности для лингвистов превосходит все ранее известные альтернативные методы.

Рецензируемая монография дает лингвистам такую методологию и такие методы, которые открывают систематический изобразительный логико-семантический анализ естественного языка как новое направление междисциплинарных исследований.

Философско-логическое исследование, изложенное в монографии Н.Н. Жалдака «Изобразительный логико-семантический анализ естественного языка науки», имеет существенное методологическое значение для лингвистики. Важнейший результат этого исследования – действенный, эффективный метод анализа языка (речи) посредством линейно-табличных диаграмм существования (ЛТДС), диаграмм Жалдака.

Литература

1. Жалдак, Н.Н. Изобразительный логико-семантический анализ естественного языка науки: монография. Белгород: ЛитКараВан, 2008. 204 с.

References

1. Zhaldak, N. N. *Representational Logical and Semantic Analysis of the Natural Language of Science*. Belgorod: LitKaraVan, 2008. 204 p.